

история/география/этнография

Процессы о колдовстве в Европе
и Российской империи

Яков Канторович

Яков Канторович

П роцессы о колдовстве в Европе и Российской империи

Ломоносовъ
издательство

Яков Канторович

Процессы
о колдовстве
в Европе
и Российской
империи

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2014

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4
К19

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

Предисловие

С конца XIV до второй половины XVIII века, в течение почти четырех столетий, во всех странах Европы не переставали пылать костры, раздуваемые невежеством, фанатизмом и суеверием и сотни тысяч невинных людей, после страшных мучений пытки, обрекались на смерть по обвинению в связи с дьяволом и в разных чудовищных преступлениях колдовства. Всего сто лет с небольшим прошло после того, как потухли последние костры, на которых сжигались эти жертвы суеверия, колдовства, осужденные судебными трибуналами по всем правилам судопроизводства, на основании постановлений уголовного законодательства и во имя «Бога, короля и правосудия».

Это удивительное заблуждение, с такою силой и так долго господствовавшее по всей Европе, составляет самую печальную страницу в истории человечества. Нельзя чи-

тать эту страницу без содрогания, без тяжелого чувства стыда за столь недавнее прошлое человечества, без безнадежных мыслей о ничтожестве и относительности человеческого ума и темных инстинктах человеческой природы. «Столь чудовищное заблуждение, столь общее и столь недалекое от нас, — говорит Рише¹, — волей-неволей страшно подрывает нашу веру в самих себя. Как всего лишь за тридцать лет до появления Декарта, Паскаля, Корнеля, после Шекспира, Рабле, Монтеня, в конце XVII столетия, нашлись в Англии, во Франции, во Фландрии, в Германии, в Савойе, в Дании, Испании, Швеции, Швейцарии и во всей Европе судьи, люди, несомненно, наиболее образованные для своей эпохи, которые были способны произносить подобные приговоры! А общественное мнение, без малейших колебаний утверждавшее эти приговоры! Не будет ли уместно здесь воскликнуть словами Монтеня: что же это за чудовище — человек!»

Кто знает! Может быть, это чудовище-человек, так медленно, так упорно медленно освобождающее себя от безумных заблуждений и темных инстинктов, еще и ныне, еще и в наше просвещенное время думает и действует под влиянием многих ошибок и заблуждений, которые будущими поколениями будут отмечены как удивительные, невероятные порождения человеческого безумия. Может быть, многие из современных верований и убеждений, которыми движется наша жизнь и держатся наши законы и установления и питаются наши общественные и политические страсти, не имеют большей цены, чем те верования, которые господствовали в эпоху дьявольщины и костров и в которые даже лучшие и образованнейшие люди той эпохи верили, как в незыблемые истины...

История человеческих заблуждений — это история прогресса. Каждый век имеет свои заблуждения, которые современники исповедуют как истины и которые, как ночная тьма, рассеиваются и исчезают под лучами восходящего солнца прогресса следующих веков. Так уносятся одни за другими века с их заблуждениями и поколения с их верованиями — в этом вечном движении человечества по пути, указываемому прогрессом.

Из всех заблуждений, которые когда-либо затемняли человечество, история колдовства составляет самую красноречивую и самую поучительную страницу в истории победы разума и человечности над невежеством и дикостью. Этой победой человечество обязано исключительно науке. Только науке XIX века удалось согнать с лица земли это отвратительное порождение человеческого невежества, и рассеять тьму предрассудков дьявольщины, и потушить костры...

Наука, просвещение! Это — священные слова, которые пошлый «конец» XIX века так часто профанирует и отдает на небрежную хулу легкомысленной толпы. Каким жалким сборищем диких чудовищ было бы человечество, какой жалкой, темной глыбой была бы наша земля, если бы над землей и над человечеством не сияло солнце науки! Достаточно оглянуться на пройденный человечеством путь заблуждений, чудовищных ужасов варварства, дикости, глупости и бесчеловечности — от которых оно освободилось благодаря науке и возведенным ею истинам, — чтобы со священным благоговением преклоняться пред этим лучшим из даров, данных человечеству.

Пусть человечество постоянно ошибается и заблуждается, пусть каждая эпоха имеет свои ошибки, свои заблуждения. Но остается сознание, что путь, по которому наука ведет человечество, верный и что с каждым шагом науки вперед постепенно уничтожается «чудовище» и очищается «человек». В этом сознании заключается великое утешение, дающее силу и бодрость жить и работать для науки, для просвещения.

Мы пользовались следующими источниками:

- 1) Roskoff, Geschichte des Teufels, 1869.
- 2) Heppes-Soldan, Geschichte der Hexenprocesse, 1880.
- 3) Graf, Naturgeschichte des Teufels, 1892. (Нем. перев. с ит. яз.)
- 4) Kostlin, Zur Geschichte des Dämonen und Hexenglaubens, 1882.
- 5) Rhamm, Hexenglaube und Hexenprozesse.
- 6) Frischbier, Hexenspruch und. Zauberbann, 1870.
- 7) Meyer, Die Periode der Hexenprocesse, 1882.
- 8) Haas, Die Hexenprocesse, 1865.
- 9) Reville, Histoire du diable, 1873.

10) Duboin, *La justice et les sorciers*, 1880.

11) Baissac, *Les grands jours de la Sorcellerie*, 1890.

12) Giraud, *Histoire de la folie*, 1883.

13) Mischelet, *La Sorciere*, 1878.

14) П. Реньяр. Умственные эпидемии, в русск. переводе 1889 г.

15) Отдельные акты и протоколы процессов о ведьмах, извлеченные многими исследователями из различных городских архивов Германии, Франции и Швейцарии и помещенные в различных иностранных периодических изданиях.

16) В. Б. Антонович. Колдовство (в I т. трудов Этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, 1872).

17) А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, 1861.

18) Ф. И. Буслаев. Бес, 1881 г. (брошюра).

19) П. Ефименко. Суд над ведьмами. («Киевская старина», 1883, XI).

20) И. Е. Забелин. Сыскные дела о ворожеях и колдуньях (в Альманахе «Комета» 1851 г.).

21) П. В. Иванов. Народные рассказы о ведьмах и упырях. Материалы для характеристики мирозерцания крестьян Купянского уезда. («Сборник Харьковского Историко-филологического Общества», 1891, т. III).

22) Полное собрание законов. Т. III, V, VI, VIII и др.

Глава первая Сатана и его власть

Вера в колдовство и дьявола существовала во все времена. Она не исчезла совсем и в наше время даже среди самых культурных народов Европы. Но Средним векам принадлежит возведение этой веры в систему, в цельное мирозерцание, господствовавшее во всех классах общества и проникавшее собою религию, философию, юриспруденцию, политическую и общественную жизнь.

Средневековая религиозная мысль отводила дьяволу весьма обширное место в мироздании. По верованиям средневековых людей власть над миром, над человечеством оспаривается двумя силами, почти равными по могуществу, но различными по своим принципам, — Богом и сатаной. Бог мог бы уничтожить сатану и его силу, но Он сохраняет его и предоставляет ему, на предустановленном основании, право действовать в мире, искушать и совращать человечество — для того, чтобы последнее своим сопротивлением соблазну нечистой силы заслужило спасение.

Подобно борьбе между двумя началами — добрым и злым, которые олицетворялись в представлениях древних об Ормузде² и Аримане³, оспаривающих друг у друга власть над ми-

ром, средневековая вера принимала представление о борьбе между грехом и спасением, между сатаной и Богом.

Борьба ведется между этими двумя силами на равных основаниях, по предустановленным правилам: Бог имеет своих ангелов и свои небесные силы; дьявол имеет многочисленных демонов и легионы темных сил. Последние управляются своими начальниками, которые имеют следующие имена: Вельзевул, Асмодей, Магог, Дагон, Магон, Астарот, Азazel, Габорим. Из них каждый имеет свой род деятельности в мире среди людей и свою армию демонов, борющихся бок о бок с ангелами и небесными силами. В дьявольском мире существует такая же иерархия, как и в мире людей: один из демонологов, Иоганн Вейер⁴, насчитывает в дьявольской армии 72 тысячи князей, графов и маркизов и 7 405 928 чертенят. Как всякая человеческая душа имеет своего ангела-хранителя, который побуждает ее к добру, так она имеет своего демона-искусителя, который искушает ее ко злу: душа борется между ними, выбирает между ними и губит себя или спасает. Всевышний установил это равенство сил в борьбе и дал врагу равное оружие — для возвышения человечества, для очищения души путем испытаний. Как добро укоренено и присуще душе, так и злу предоставлено проникать в душу, овладевать ею, говорить устами одержимых им, вселиться в тело, властвовать над ним и действовать через него. Только смерть освобождает от дьявола, если невозможно до смерти изгнать его во имя Бога. И тогда душа погибает для спасения.

Так борются между собою в душе человека эти две силы, вечно бодрствующие над ним. Понятно, что при таком вращении никто не уверен в своей судьбе: одна из сил может почему-либо ослабевать и другая одержать победу — и душа должна находиться в постоянном трепете потерять защиту и покровительство ангела-хранителя и попасть во власть демона-искусителя.

Для вселения себя в тело человека дьявол действует не открыто, а пользуется многочисленными хитростями, ухищрениями, соблазнами. Могущество, которое ему дало небо, позволяет ему принимать различные виды и формы и избирать различные пути для соращения человека. Он является

изящным кавалером, монахом, женщиной, может принять образ, какой ему угодно и какой его хитрость ему указывает, — чтобы обольстить, соблазнить жертву. Он является всюду — в богатом замке, в бедной хижине, в лесу, на многолюдных улицах. Повсюду он выслеживает жертвы и пользуется всяким случаем вступить в связь с человеком и отнять его от Бога. И когда это ему удается, он закрепляет свою власть над человеком посредством формального договора, подписанного кровью, и запечатлевая своим когтем на его теле свой «чертов знак» (*stigma diaboli*). Одержимый дьяволом становится его рабом, он должен во всем ему повиноваться, исполнять все его приказания, совершать все преступления, которые ему внушает его повелитель.

Особенно часто предаются дьяволу бедные соблазненные девушки, покинутые своими любовниками. Они научаются у него колдовству, чтобы отомстить изменившим им любовникам или своим соперницам. Также часто предаются ему замужние женщины, недовольные своими мужьями или стесненные нуждой. Над женщинами дьяволу всего легче приобретать власть, и поэтому женщины — преимущественно жертвы его наваждения. Он является к женщине с хитрой речью, утешая ее, если она в горе, обещая ей деньги, если она в нужде, соблазняя ее, если она обуреваема страстью, и, наконец, даже побоями и угрозами заставляя ее заключить с ним союз или вступить с ним в связь, если она оказывает ему сопротивление. При посредстве предавшихся ему женщин-ведьм дьявол действует на пагубу людей. Он научает ведьму, как наводить болезни и бесплодие на людей и скот, как губить тело и душу христиан, истреблять их имущество, вызывать грозы и ветры, портить посевы, производить неурожай и т. д. Ведьма старается сеять вражду и ссоры между людьми вообще и в особенности между супругами, вселяя в них отвращение друг к другу и мешая таким образом их брачному сожитию. Главным образом ведьмы занимаются убийством новорожденных детей перед их крещением — которых они передают дьяволу или употребляют для своих колдовских целей. Большей частью ведьмы вступают в половую связь с дьяволом и оскверняют свое тело и через то вносят порчу и пагубу в человеческий род.

Одно из средств, которыми дьявол снабжает ведьм для принесения вреда людям, — это волшебная мазь или также колдовской порошок. Достаточно всыпать кому-нибудь в пищу маленькую горсточку этого порошка, для того чтобы причинить неизлечимую болезнь. Для некоторых было достаточно даже просто бросить немного этого порошка на прохожего, чтобы он моментально умер. Порошок готовится из трупов новорожденных детей, в особенности из сердца, или также из опилок костей этих детей, смешанных со слюной жабы. Замечательно, что этот порошок терял свои магические свойства в руках обыкновенных людей, а действовал только в руках ведьм; это и служило доказательством их виновности — то, что в руках обыкновенных людей порошок не действует: такова была логика судей. Такое же магическое действие имеет и волшебная мазь, которая, кроме того, служит для ведьм средством превращаться в какого-нибудь зверя — кошку, волчицу, собаку, — чтобы в этом виде легче вредить. Затем существовали магические слова, заклинания, которые ведьме достаточно было произнести, чтобы причинить всякие бедствия: портить поля, уничтожать посевы, вызывать мор скота, производить бурю, град и т. д.

Самым важным актом сношений с дьяволом было участие в шабаше ведьм. Эти оргии ведьм обыкновенно совпадали с христианскими праздниками — Пасхой, Троицей, Ивановым днем, Рождеством, а также происходили в мае (Вальпургиева ночь). В малом размере шабаш справлялся также и в будни, один раз в неделю. Местом для этих сходок ведьм выбирались горы или равнины, перекрестки, кладбища, развалины замка или даже городские погреба. В Северной Германии излюбленным местом ведьм служит Блоксберг⁵, во Франции — Пюи-де-Дом⁶, в Испании — Бараона⁷ и т. д.

На эти сходки ведьмы едут верхом на метлах и кочергах, предварительно намазавшись волшебною мазью. Путь идет обыкновенно через дымовую трубу по воздуху, высоко над землею, иногда же ведьмы бегут туда пешком, в образе собаки, кошки или зайца.

Посещение шабаша было обязательно для ведьмы, потому что на шабаше происходило поклонение сатане и совершались акты преданности ему и отступление от Бога и церкви.

При открытии собрания сатана садится на трон и все собравшиеся падают ниц пред ним, после чего поочередно подходят и отвечивают ему низкий поклон, повернувшись к нему спиною, и целуют ему левую руку, левую ногу и задние части тела: на шабаше все происходит наизнанку. После этого торжественно отрекаются от Бога, Богородицы, святых и посвящают себя сатане, называя его господином, творцом, богом. Затем все начинают кружиться и плясать, образуя круг, но повернувшись друг к другу спиною. Пляска сопровождается самыми бесстыдными оргиями, во время которых сатана предается блуду с каждой из ведьм. Затем начинается пиршество. Самая старая ведьма, царица шабаша, садится рядом с сатаной, и все помешаются вокруг трапезы. Трапеза состоит из самых отвратительных блюд, особенно много поедается жаб, трупов, печенок и сердец детей, умерших некрещеными; при этом не употребляется вовсе соли, хлеба и вина. После пиршества начинаются опять пляски и блуд. Когда бьет полночь, все снова падают ниц перед своим повелителем. Это момент наивысшего поклонения сатане.

К концу шабаша происходила мерная обедня. Сатана, облаченный в черную ризу, выходил на алтарь и пародировал обедню, повернувшись спиной к дарохранительнице. Это служило общим посмешищем: в момент возношения Святых даров он предлагал для поклонения свеклу или красную морковь. Вообще на шабаше всячески передразнивалось богослужение и все церковные обряды изображались в искаженном и смешном виде. Вновь обращенных сатана крестил кровью и серой, и при этом все присутствующие издевались над истинным таинством крещения и наступали ногой на крест.

Оргии продолжались до появления зари и пения петухов. Тогда все исчезало и все разлетались в разные стороны. На пути ведьмы разбрасывали свои мази и яды на поля, скот и людей и сеяли повсюду порчу и пагубу. Чтобы вернуться незамеченной домой, ведьма часто принимала образ какого-либо домашнего животного — собаки или кошки.

Таково было мировоззрение, выработанное средневековым религиозным духом. Во всех слоях общества существовало твердое убеждение, что дьявол вмешивается во все

человеческие дела и что везде нужно искать его влияние. Присутствие черта предполагалось везде и в самых разнообразных видах: за каждым кустом или деревом, старым камнем или стеной, на чердаках и в колодце — везде чувствовалась сила и влияние дьявола. Были демоны земные, водяные, воздушные, горные, лесные, подземные. Он являлся также в образе зверя (дракона, обезьяны, собаки, кошки, жабы и т.д.) или превращал людей, одержимых им, в зверей, преимущественно в волков, которые стаями и в одиночку нападали на людей и скот и вредили им.

Это мировоззрение вполне отвечало общему характеру эпохи Средних веков. Сатана был естественным порождением этой мрачной эпохи, и суровая, грозная легенда о нем расцветает, овладевает воображением христианских народов Европы и достигает высшей силы и значения одновременно с развившимися на фоне средневековой жизни формами и институтами — одновременно с расцветом готического искусства с его остроконечными шпицами и мрачными очертаниями, одновременно с папством, со схоластикой, с феодализмом, с аскетизмом...

«Сатана, — говорит Граф⁸, автор блестящего очерка „Naturgeschichte des Teufels“ („Естественная история дьявола“), — сын печали. Он не мог бы возникнуть в такой религии, как религия греков, — радостной, полной света и красок. Для его развития и процветания требуются тени, нужны мистерии греха и страдания, которыми, как саваном, покрывается религия средневекового католицизма. Сатана — сын ужаса, и Средние века — эпоха ужаса. Умам средневековых людей, оцепеневшим в религиозно-мистическом ужасе, вся природа представляется наполненною чудесами, тайнами, чудовищами; физический мир стоит перед ними, как вечный непримиримый враг мира духовного. Люди боятся жизни, как источника соблазна и греха, боятся смерти, за которою зияет бездна беспросветной вечности. Сны и безумные идеи наполняют дух. Уединенный отшельник, простаивающий в молитвенном экстазе на коленях долгие часы на пороге своей кельи, созерцает летающие по воздуху сонмы духов и апокалипсических чудовищ; тьма ночи пронизывается огненными знаками и таинственными отблесками; звез-

ды принимают удивительные образы и рассеиваются в море крови, грозно предвещая грядущие несчастья... Время от времени пробегают страшная мысль о конце мира, и все с ужасом прислушиваются к страшному известию о том, что антихрист уже родился и скоро должна начаться та страшная драма, о которой возвещает Апокалипсис...

Сатана растет в мрачной печали и таинственной тени глубоких кафедралов, за массивными колоннами, в углах хоров; он растет в молчании монастырей, в котором слышится ужас смерти; он растет за зубчатой оградой бурга, где тайные угрызения совести наполняют темную душу барона, в скрытой келье, где алхимик превращает металлы, в уединенном лесу, где чародей ночью предается колдовству, в поле, которое голодный раб с проклятиями бороздит и засекает для пропитания своего господина... Сатана — повсюду; его неоднократно многие видали, и с ним неоднократно вступали в общение...»

Само собою разумеется, что предавшийся дьяволу — враг человечества. Это дезертир, убежавший из армии добра и предавшийся вражеской армии зла; дезертир тем более опасный, что он скрывается среди армии добра. Он старается отвращать окружающих от Бога, вносить вред и порчу, исполняя секретные веления своего господина, князя тьмы. Это самый опасный враг человечества — потому что его пути таинственны. Поэтому религиозный дух Средних веков отказывает ему во всякой жалости, во всякой снисходительности и требует безусловной смерти.

Церковь соединила колдовство с преступлениями ереси и выставила положение: «*Haeresis est maxima, opera maleficarum non credere*» («Высшая ересь — не верить в колдовство»). Поэтому она считала своей главной и важнейшей задачей борьбу с дьяволом и его орудием — ведьмой. Папы издавали специальные буллы, направленные к искоренению ведьм, и назначали для каждой местности особых уполномоченных для этого инквизиторов. В булле папы Иннокентия VIII⁹, изданной 5 декабря 1484 года и известной под названием «*Summis desiderantes affectibus*» («Всеми силами души»), заключалось следующее:

«Мы получаем известие, — говорит папа, — что в Германии многие лица обоего пола входят в союз с дьяволом,

вредят людям и скоту, портят поля и плоды, отрицают христианскую веру и, побуждаемые врагом рода человеческого, совершают еще другие преступления. Поэтому два профессора теологии, доминиканцы Генрик Инститор¹⁰ и Якоб Шпренгер¹¹, назначаются инквизиторами с обширными полномочиями, один для Верхней Германии, другой для прирейнских стран. Они должны исполнять свою обязанность относительно всех и каждого, без различия звания и состояния, и наказывать тех лиц, которых они найдут виновными, сообразно их преступлениям: заключать в темницу, лишать жизни или имущества. Все, что они найдут нужным сделать для этого, они могут совершить свободно и беспрепятственно, призывая в случае надобности помощь светской власти».

Такие же буллы были изданы и для других стран папами Александром VI¹², Юлием II, Львом X¹³ и Адрианом VI¹⁴. Также отдельными постановлениями пап и духовных соборов предписывалось следить за распространением колдовства и без пощады искоренять всех причастных к колдовству.

Отцы Церкви и ученые теологи посвящали колдовству обширные трактаты, в которых существование дьявола выводится из текста Святого Писания и вера в колдовство выставляется как основа христианской религии.

Еще известный Фома Аквинский¹⁵, самый даровитый писатель XIV столетия, имевший огромное влияние на современников и последующие поколения, говорит, что вера в дьявола и колдовство не есть иллюзия, что дьявол есть действительный глава целого демонского царства, что болезни и бури — прямое последствие дьявольских действий, что дьявол может по произволу переносить людей по воздуху и отправлять их в какой угодно век, что демоны вступают в полную связь с людьми и вообще стараются приносить людям всякое зло. В одном ученом сочинении теологии, излагающем искусство изгнания бесов из тела одержимых, первый тезис заключает в себе следующее определение беснования: «Беснование есть действие дьявола, коим он, по Божескому попущению, увлекает людей в грехи овладевает их телами, чтобы лишить их вечной жизни». Автор другого теологического сочинения, Герсон¹⁶, канцлер Парижского универси-

тета, автор известной книги «Подражание Иисусу Христу», также писал в защиту колдовства и, между прочим, полемируя со скептиками, говорит: «Должно презирать и строго исправлять тех людей, которые насмеваются над теологами, когда они говорят о демонах или приписывают демонам какие-нибудь действия — как будто все это были вещи совершенно баснословные. Это заблуждение появилось между некоторыми учеными людьми отчасти от недостатка веры, отчасти от слабости и несовершенства ума... потому что, как говорит Платон, относить все к чувствам и быть неспособным отвращаться от них есть величайшее препятствие к истине».

Теология нашла солидарную союзницу в юриспруденции. Средневековая юриспруденция в лице *doctores juris** и целых факультетов старалась научно обосновать необходимость борьбы с дьяволом и издавали трактаты, излагавшие со всею академическою систематичностью учение о союзе с дьяволом, о составе преступления колдовства, о мерах преследования ведьм, о специальных судопроизводственных формах следствия над ними и наказания.

В 1489 году с благословения папы и одобрения Кельнского теологического факультета была издана в Кельне книга, озаглавленная «*Malleus maleficarum*» («Молот ведьм»), приобретающая огромную известность и ставшая вскоре авторитетом для духовных и светских судов.

Эта книга, которую Сольдан¹⁷ называет «чудовищным порождением поповского деспотизма и схоластики», — самая варварская и возмутительная книга, которая когда-либо была напечатана. Она принадлежит авторству упомянутого в булле Иннокентия VIII инквизитора Якова Шпренгера в сотрудничестве с другим инквизитом, Инститором, и представляет настоящий бред, в котором самые дикие басни и самые чудовищные вымыслы о колдовстве и ведьмах санкционируются ссылками на тексты Св. Писания и тезисы авторитетов теологии и подтверждаются фактами из кровавой практики самих авторов «Молота ведьм». Книга начинается текстом буллы «*Summis desiderantes*» и имеет во главе те-

* Доктор права (*лат.*).

зис: *Haeresis est maxima, opera maleficarum non credere**. Она изложена в форме вопросов и ответов и включает в себе три части. В первой части излагается учение о дьяволе, о его власти над человечеством, о связи ведьм с дьяволом, о шабаше и о разных преступлениях ведьм. Вторая часть содержит указание, как бороться с дьяволом в лице ведьм, как их обнаруживать и преследовать, и рассказывает про разные хитрости и козни дьявола и всякого рода ужасы дьявольских наваждений. Третья часть включает судопроизводственные правила, то есть руководство для судей, с подробными указаниями, как вести допросы, какие признаки виновности, как добиться признания и т. д. Автор «Молота» верит в самые чудовищные преступления ведьм и выставляет принципом, что одного подозрения в колдовстве уже достаточно для осуждения. Он отводит место применению пытки в размерах неслыханных и самых варварских. Он не допускает оправдания заподозренной, хотя бы не оказалось никаких доказательств ее виновности и пыткой не было вынуждено у нее признание. «Молот» предписывает пытать до тех пор, пока она не сознается, и, если, несмотря на все пытки, она все-таки будет продолжать отрицать свою вину, бросить ее в самую грязную тюрьму и держать ее до тех пор, пока она добровольно или под влиянием новых пыток не сознается.

«Молот» в короткое время выдержал три издания и приобрел такой авторитет, что ему присвоена была сила закона. Папа Иоанн XXIII¹⁸ рекомендовал эту книгу к руководству всем епископам и высшим представителям светской власти.

О «Молоте ведьм» один писатель начала XVIII столетия говорит: это книга, под влиянием которой сотни тысяч людей были лишены свободы, чести, имущества и преданы после страшных мучений ужасной казни.

Другая книга, пользовавшаяся тоже большим авторитетом и служившая кодексом для судей, — это «*La Démonomanie des Sorciers*» («Демономания колдунов») (Париж, 1580), написанная Боденом¹⁹, известным философом, ученым и юрисконсультom в Эльзасе, который в качестве судьи отправил на костер немало жертв. Автор подробно излагает, что такое

* Неверие в ведьм — величайшая ересь (лат.).

дьявол, как он входит в сношения с людьми, какие бывают договоры с дьяволом, как ведьмы по воздуху перелетают на шабаш, приводит примеры из практики, что ведьмы имеют силу причинять болезни, бесплодие, бури, указывает средства, как себя оберегать от козней ведьм, и, наконец, излагает правила для судей и прокуроров — как узнавать ведьм, какие признаки их виновности, как заставлять их признаваться, как производить пытки и сожжение на костре.

Боден — знаменитый автор «Республики» и один из самых замечательных и оригинальных философов XVI столетия, который считается основателем политической философии и политической истории. Бокль²⁰ ставит его, как историка, выше Комина²¹ и наравне с Макиавелли²², а Галлам²³, говоря о его «Республике», замечает: «Боден обладал высокофилософским умом вместе с самыми обширными знаниями в истории и юриспруденции. Ни один из прежних историков не был так ясен в своей схеме, ни так богат в своих познаниях; быть может, ни один не был так оригинален, так независим и бесстрашен в своих исследованиях — только двух человек можно сравнить с ним: Аристотеля и Макиавелли». И вот, даже такой выдающийся человек, с самостоятельным, оригинальным умом, не мог отрешиться от верований своего времени и считал нужным высказаться в их защиту и притом с глубочайшей уверенностью в истинности всего, что он говорит.

Полемизируя с известным противником колдовства Иоганном Вейером и оспаривая мнения тех, которые сомневаются в существовании ведьм, Боден говорит: «Сатана им внушил такие книги писать. Он их вовлек в свои сети. Он их принуждает писать, что все, что распространено о дьяволе, неверно». В доказательство он приводит случай, что один доктор теологии признался 12 декабря 1453 года, что он вместе с другими теологами заключил договор с дьяволом, который принуждает его публично распространять в книгах, что все, что говорят о дьяволе, ложь. Доктор этот был сожжен живым.

Конец XVI столетия особенно изобилует сочинениями, посвященными колдовству и ведьмам. Большинство их принадлежит авторству юристов, лично, в качестве судей, участ-

вовавших в процессах о ведьмах и основывавших свои выводы на фактах из своей обширной практики.

Пьер де Ланкр²⁴, королевский советник парламента в Бордо, издал в Лионе в 1595 году «*Tableau de l'inconstance des mauvais anges et démons*» («Описание изменчивости падших ангелов и демонов»), в которой излагается подробно иерархия демонской армии и род деятельности каждого разряда: на первой ступени — падшие ангелы и ложные боги, на второй — ложные оракулы, духи лжи, на третьей — изобретатели всяких зол, четвертая, начальником которой состоит Асмодей производит преступления и злодеяния, пятая, шеф которой Сатана, состоит из обманщиков, фокусников, которые главным образом служат занимающимся магиею и чародейством. Шестая — из демонов, имеющих власть над воздухом и действующих в области облаков, бурь, громов и молний, их шеф Мерезин. Седьмая — из фурий, сеющих повсюду зло, раздоры, грабежи, пожары, войны, разорение, их шеф Аббадон. Восьмая — шпионы, лжесвидетели, лживые обвинители, их шеф Астарот. Девятая — соблазнитель, искусители, коварные устроители западней и козней.

Другой известный судья в Лотарингии, Реми или Ремигиус²⁵, отличавшийся особой жестокостью и сжегший в течение пятнадцати лет свыше 900 ведьм, издал в 1598 году книгу под заглавием «*Daemonolatria*» («Демонолатрия»), в которой подробно излагается, в каких случаях дьявол принимает вид животных, дабы войти в сношение с человеком, какие преступления совершают ведьмы по внушению дьявола, что происходит на собраниях шабаша и т. д., и в удостоверение всего этого приводит факты из своей практики и ссылается на протоколы и акты процессов, в которых он выступал генеральным прокурором. В конце своей жизни Ремигиус вообразил себя одержимым дьяволом и дал себя сжечь на костре.

Существование шабаша и его оргий не подлежит для Реми и Пьера де Ланкра сомнению. Они утверждают это положительно на основании многочисленных свидетельских показаний, которые, как де Ланкр утверждает в своей книге, вполне удостоверили, что «ведьмы себя смазывают мазью, чтобы перенестись на шабаш, что эта мазь состоит из жира умершвленных детей, что этой мазью обмазываются также

палка или метла, на которой дьявол их переносит, или же он их оборачивает в козла, осла, лошадь или другое животное, что они выходят чрез дымовую трубу» и т. д.

«Большое число свидетелей, — говорит де Ланкр, — которые нам рассказали и открыли секреты, опыт, который мы извлекли из различных доказательств, показаний свидетелей и фактов, из добровольных признаний и других утверждений, основанных на очевидных фактах, на нечувствительных знаках на теле, которые мы собственными глазами видели и в нашем присутствии были доказаны, — все это до такой степени утверждает нашу уверенность, что не может остаться никаких сомнений в существовании ведьм и в том, что дьявол переносит их на шабаш».

Затем де Ланкр описывает такие подробности оргий шабаша, которые превосходят всякие самые чудовищные вымыслы фантазии. Нужно читать в подлиннике, в оригинальном наивном изложении глубоко убежденного автора, чтобы получить представление, до какой степени вера в дьявола, господствовавшая в то время, омрачала умы даже таких несомненно образованных, серьезных и добросовестных судей, как Реми и де Ланкр. Они были глубоко убеждены в действительности всех этих вымыслов и считали, что исполняют свой долг в качестве судей, отправляя на костер жертвы дьявола, и что этот долг их обязывает, как говорит де Ланкр, отвратить от себя всякую мысль о снисхождении и поставить себе строгим правилом наказывать смертью всех ведьм, даже тех, которые ничего дурного еще не сделали, а только хоть один раз участвовали в оргиях шабаша, потому что этого уже достаточно, чтобы их душа погибла и она заслуживала смерти. *Maleficos non patieris vivere** — эпитафия в книге Реми.

Реми обрушивается на нечестивцев, оказывающих снисхождение ведьмам: «Горе тем, кто старается смягчить наказание за столь отвратительное и страшное преступление, ссылаясь в извинение на лета, пол, неопытность и страх подсудимых! Такие нечестивые деяния, такие безобразные страсти должны быть караемы всеми существующими пытками и сожжением на костре!»

* «Ворожей не оставляй в живых» (лат.; Исх. 22, 18).

«Если подумать, — говорит аббат Бексон²⁶ по поводу жестокостей Реми, хваставшегося тем, что он сжег 900 ведьм, — что ему, может быть, не следует ставить в ответственность все ужасы его приговоров, что это жестокое преследование невинных женщин было скорее преступлением его времени, чем его лично, что его век одобрял его жестокость, признавал справедливость его приговоров, без сомнения, даже хвалил строгого судью и аплодировал ему — если подумать об этом, становится страшно за человечество, приходится содрогаться, ужасаться, дрожать... Жалкое человечество!»

Между юристами XVII столетия особенного внимания заслуживает Бенедикт Карпцов²⁷, известнейший юрист, профессор в Лейпциге, написавший много юридических сочинений и имевший огромное влияние на свое время как юрист-теоретик и как судья. Его сочинения вместе с «Молотом ведьм» были настольным руководством в процессах о ведьмах. Он выставляет пять аргументов существования ведьм, на основании которых он считает необходимым беспощадно искоренять ведьм, сжигая их как можно скорее, так как, по его мнению, «дьявол так упорно держит их в своих цепях, что освобождает их не раньше, как после того, как они выпускают дух на костре». Аргументы его основываются на: 1) ссылке на божественный закон (Исх. 22, 18); 2) ссылке на естественный закон, который обнаруживается в законах всех народов и всех времен; 3) ссылке на *jus civile**; 4) ссылке на места из различных католических писателей; 5) случаях из практики, преимущественно практики Ремигиуса, который сам сжег около 900 ведьм и пришел на основании этой практики к заключению, что только смерть на костре освобождала ведьм от власти дьявола.

Нам придется еще впоследствии не раз цитировать взгляды этого знаменитого юриста на преступление колдовства и порядок судопроизводства по этим преступлениям, так как его авторитетом санкционировались самые бесчеловечные жестокости, выработанные практикой процессов о ведьмах.

Учение о демонах (демонология) представляло вполне законченную систему. Оно не только проникало теологию,

* Гражданское право (*лат.*).

в которую входило как центральный пункт мирозерцания, и юриспруденцию, в которой преступление колдовства занимало самое видное место, но и господствовало в таких отраслях знания, как медицина, и в других естественных науках.

Все, что касается изучения природы, было окутано демоническим облаком, под видом магии, алхимии, астрологии, хиромантии. Даже известное сочинение Меланхтона²⁸ «*Initia doctrinae physicae*» («Начала физики») покоится на вере в дьявола и его армию духов, которые властвуют над силами природы. Медицина, лишенная прочных физиологических и патологических оснований, искала панацею против болезней в отвращении, путем разных мистически-алхимических средств, влияния дьявольских наваждений. Известный ван Гельмонт²⁹, которому принадлежит разработка медицинской химии, основывал свои научные выводы на вере в мистические метаморфозы металлов, в камень мудрых и приписывал гром, молнии, землетрясение, радугу и другие явления природы влиянию особых духов. Лондонский врач Роберт Фладд³⁰ объяснял происхождение болезней воздействием на тело человека злых демонов, и его терапевтические средства заключались в упорной борьбе с этими духами. Ростокский профессор Себастьян Вирдиг³¹ (1687) полагал, что в природе действуют двоякого рода духи, которые находятся также внутри человеческого тела и сообщаются постоянно с духами, распространенными в воздухе, через что происходят различные состояния здоровья человека. По его мнению, теплота, холод и всякие изменения температуры находятся под ведением особых демонов, из которых каждый производит болезни. Даже известный ученый Томазиус³², ярый противник преследований ведьм, написавший целый ряд книг, имевших огромное влияние на его эпоху, между прочим, написал сочинение по пневматологии, то есть науке о духовных существах.

Можно сказать, что все знание того времени было проникнуто верою в таинственную власть скрытых повсюду духов и демонских сил.

Вера в дьявола имела столь глубокие корни в народных верованиях и в такой степени господствовала над умами, что подчинила себе и искусство — художников и скульпторов,

бравших сюжетами для своих произведений различные моменты из народных представлений о дьяволе и ведьмах.

Ведьма имела вполне реальный образ. Вот как она представляется у известного немецкого мастера того времени Альбрехта Дюрера: старая, уродливая женщина, сидящая на черном козле или на метле, лицом назад, с прялкой в правой руке, летающая по воздуху; за нею вслед град и буря.

Народные представления и практика процессов распространяли преступления колдовства преимущественно на женщин. «На одного мужчину — десять женщин», — утверждают в виде тезиса все теологи и юристы. Это объясняется тем, что с волшебством соединяется таинственное, скрытое, более отвечающее характеру женщины, чем мужчины. Поэтому женщина искони считалась способнее мужчины на всякое колдовство. Уже древние считали волшебство исключительным достоянием женщин; кроме того, иудейско-христианская теология постоянно представляла женщину существом низшим, отверженным. Самый грех, по библейскому учению, сошел на землю через посредство женщины.

«Молот ведьм» обстоятельно занимается вопросом, почему дьяволу предаются преимущественно женщины, и разрешает этот вопрос следующим образом: 1) потому что женщины более легковжны, и так как дьявол стремится прежде всего поколебать веру, то он преимущественно обращается к женщинам; 2) потому что вследствие жидкости своей комплекции они более восприимчивы к внушениям; 3) потому что они не воздержаны на язык и о том, что узнали неправильным образом, любят сейчас передавать своим сообщникам и, кроме того, любят мстить тайно, с помощью тайных средств колдовства. «Легковверие женщин, — говорит автор «Молота», — достаточно засвидетельствовано фактами истории. Они легко сомневаются во всем и легче всего в вопросах веры, и это опасная причина того, что они передаются дьяволу».

По мнению Пьера де Ланкра, склонность женщин к колдовству «объясняется не только слабостью пола, ибо мы видим, что многие женщины переносят мучения пытки с большим мужеством, чем мужчины. Это объясняется скорее их животной похотливостью, которая их толкает к крайностям

и заставляет их отдаваться дьяволу, чтобы испытать наслаждение чувственности, и также их страстью к новизне и любопытством...» Также Рему выставляет объяснением то, что женщины более глупы и их легче соблазнить.

В процессах о колдовстве действительно фигурируют почти исключительно женщины и только в редких случаях мужчины; все вымыслы о шабаше, о поедании детей, о половых сношениях с дьяволом и других преступлениях основаны главным образом на признаниях осужденных женщин. Это преобладание женщин в преступлениях колдовства находит себе объяснение, конечно, в той же причине, какой объясняется вообще наблюдаемый факт диспропорции между полами в болезнях галлюцинаций, истерики, невроза и других душевных болезнях, то есть большей моральной и физической чувствительностью женщин сравнительно с мужчинами.

У того же Дюрера находим изображение различных сцен колдовства; между прочим, у него изображается следующая сцена, основанная на том, что, как обнаружилось в процессах, дьявол, чтобы соблазнить женщину, является к ней впервые в образе человеческого, с внушающим доверие лицом, приятною наружностью и благородными манерами, и потом, по достижении им своей цели, сбрасывает свою маску и принимает свой настоящий дьявольский вид. Дюрер изображает именно этот момент: удивление и ужас женщины при виде внезапной перемены своего соблазнителя и сатанинскую радость дьявола по поводу страха своей жертвы. Такие же сюжеты мы находим у многих других художников и скульпторов того времени — в особенности у народных художников, которые отзывались на потребности своей публики и сами разделяли представления своего времени.

Изображения сцен колдовства находятся также в трактате о демонизме, напечатанном в 1659 году в Амстердаме Абрамом Палингом, в котором помещены гравюры, изображающие различные сцены одержимости бесами, изгнания бесов из тела одержимых, отправления ведьм на шабаш, оргий шабаша и т. д. Такие же гравюры имеются также в другой книге XVI столетия, написанной преподобным отцом Гваццо³³.

Сатана и каждый из начальников демонской армии имеет определенный облик. Вот как де Ланкр, на основании опи-

саний признавшихся ведьм, изображает сатану, заседающего на троне, во время оргий шабаша: он сидит за черной кафедрой, имея на голове корону из черных рогов. Кроме того, у него два рога на шее и один на лбу, которым он освещает все сборище; волосы всклокочены, лицо бледное и хмурое, глаза круглые, очень открытые, огненные и отвратительные; борода как у козла; шея и туловище безобразного сложения, тело частью человеческое, частью козлиное; руки и ноги как у человека, только все пальцы одинаковой длины, костлявые, с когтями; руки согнуты в виде гусиных лап, а хвост длинный, как у осла; голос ужасный, но без тонов; вид в высшей степени надменный, с выражением скуки и пресыщения.

Изображения демонов можно найти в труде Коллена де Планси³⁴, изданном в 1844 году, где они сделаны согласно описанию у известного демонолога Иоганна Вейера. В одном богословском трактате, напечатанном в 1625 году, имеется также изображение руки сатаны в виде следов пальцев, оставленных им на акте договора с ведьмой, при подписании его. В Парижской национальной библиотеке хранится факсимиле демона Асмодея и собственноручное письмо его, адресованное аббату Грандье, которое было приобщено к знаменитому делу об одержимых в Луденском монастыре в 1635 году и на основании которого несчастный Грандье был сожжен на костре.

Теологи спорили между собою относительно образа дьявола — имеет ли он плоть и кровь, или он только чистый дух, который принимает лишь вид плоти. Спор этот, помимо своего теоретического значения, имел также весьма важное практическое значение в смысле судебном — по отношению к одному из самых важных обвинений против ведьм — в половой связи с дьяволом. Это обвинение не имело действительности для тех, которые считали дьявола чистым духом без плоти. Большинство, однако, держалось мнения, которое разделялось церковью, что дьявол есть существо в плоти. На этом основании было развито весьма обстоятельно разработанное теологами учение об инкубах и суккубах, то есть о двойственном образе, принимаемом, смотря по надобности, дьяволом для вступления в половую связь с людьми: об-

разе инкуба-мужчины для связи с женщиной и образе суккуба-женщины для связи с мужчиной.

Еще Фома Аквинский подробно говорит о половой связи с дьяволом и весьма обстоятельно развивает учение об инкубах и суккубах. «Молот ведьм» подтверждает это учение ссылками на другие авторитеты богословия и фактами из практики судебных процессов о ведьмах. Как мы увидим ниже, обвинение в половой связи с дьяволом служило самым обычным пунктом в составе преступлений колдовства, и десятки тысяч жертв были отправлены на костер на основании этого обвинения.

Теологов также крайне занимал вопрос — способны ли демоны к оплодотворению, то есть возможны ли плоды от половой связи женщины с дьяволом, и если возможны, то к какому разряду существ принадлежат явившиеся от такой связи дети и какой вид они имеют. Мнения на этот счет расходились, и этот вопрос был одним из самых спорных в теологии. Знаменитый демонолог Мартин Дельрио³⁵, особенно тщательно разработавший учение об инкубах и суккубах, в своем известном трактате «Disquisitionum magicarum» («Исследования магии») 1599 года принимает, что от союза с дьяволом могут рождаться дети, но это происходит не непосредственным, а косвенным путем. Именно: дьявол сначала в образе суккуба имеет связь с мужчиной и затем пользуется оплодотворяющим семенем своего сожителя при совокуплении с женщиной в образе инкуба. Дети, рожденные при посредстве инкуба, — чудовищного вида, отвратительной худобы, необыкновенно много едят. Де Ланкр, который в своей судебной практике имел достаточно случаев, удостоверяющих половую связь с дьяволом, и отправивший на костер немало женщин, сознавших в этом преступлении, в подтверждение своих взглядов на этот счет приводит еще из Дельрио в виде примера факт, что одна женщина разрешилась чертенком, который сейчас по выходе из чрева матери стал прыгать и скакать. Знаменитый юрист Карпцов также допускает, что дети от союза с дьяволом возможны, но только они существа особого рода, и посредством их дьявол главным образом причиняет порчу, так как доказано, что всякий, кто пересту-

пит то место, где такие дети находятся или погребены, должен заболеть и умереть.

В XVI столетия вера в колдовство всецело овладела воображением Запада и, как зараза, распространилась по всей Европе с силой настоящей эпидемии. К началу XVII столетия преследования ведьм так усилились, что во многих местах, где католицизм наиболее был силен, не было женщины, над которой не висело подозрение в колдовстве. Но и протестантские страны не были свободны от этого ужасного беспримерного в истории заблуждения. Протестантство не только не ослабило это заблуждение, но как будто еще суровее преследовало ведьм.

Сам Лютер был одним из глубоко верующих в силу дьявола. Он сообщает о своих разговорах с дьяволом, который по ночам бил у него оконные стекла и ворочал под его кроватью мешки с орехами. Дьявол являлся к нему, когда он писал свои сочинения, и он должен был вступать с ним в пререкания. Однажды, озлившись на своего оппонента, он пустил в него чернильницей с такой силой, что залил стену чернилами, и теперь еще показывают это чернильное пятно в Вартбургском замке. Лютер высказывается о дьяволе и его силе во многих местах своих сочинений, из которых видно, что он разделял все взгляды своего времени. В особенности он разделял учение об инкубах и суккубах, потому что, по его мнению, дьявол охотнее всего совращает человека в образе юноши или молодой женщины. Но чтобы от такого союза могли родиться дети — это он ставил под сомнение. Но он верил, что сатана в состоянии подменить детей. Он был того мнения, что следует самым строгим образом преследовать ведьм и без снисхождения наказывать их смертью. «Я не имел бы никакого сострадания к этим ведьмам, — восклицает он, — я всех бы их сжег!»

С начала XVI столетия борьба с сатаной в лице ведьм становится делом первой важности, и преследование женщин, обвиняемых в колдовстве, входит в задачи религии и государства и принимает огромные, невероятные для нашего времени размеры. Право и религия, юриспруденция и инквизиция соединяются вместе и с тщательной подробностью устанавливают специальные следственные формы для процессов

о ведьмах. Эти процессы наполняют собою почти четыре столетия, и число жертв этих процессов — женщин, сожженных на кострах, — доходит до невероятных цифр. В течение только XVI и XVII столетий в одной Германии было сожжено свыше ста тысяч ведьм, а во всей Европе за весь период XIV—XVII веков насчитывается свыше миллиона осужденных за колдовство.

Но в чем заключались преступления этих жертв? Об этом дают представление сохранившиеся акты и протоколы многочисленных процессов о ведьмах. Читая в настоящее время эти протоколы и знакомясь с подробностями этих процессов, трудно отдать себе отчет и не верится, чтобы это были действительные факты, а не вымыслы — до того в них все абсурдно, чудовищно, невероятно. Безграничная жестокость со стороны преследующих, удивительное мужество преследуемых, невероятное тупоумие судей, возвышенность страданий мучеников пытки, чудовищные верования, безумные признания жертв в вымышленных деяниях — все это так перемешано в этих удивительных по своему ужасу и по своей глупости процессах, что кажется, что все это происходит среди сумасшедших, и не знаешь, где кончается или где начинается смешное или ужасное...

Глава вторая Предварительное следствие. Улики

Колдовство по «Молоту ведьм», Дельрио и другим авторитетам богословия и юриспруденции составляет преступление смешанного характера (*crimen fori mixtum*) — и принадлежит компетенции и духовного, и светского суда — первого, потому что оно, как ересь, затрагивает религию, второго — потому что действия ведьм связаны с нанесением ущерба людям и имуществу. Поэтому в процессе должны участвовать обе компетенции, именно: обвинение возбуждается и поддерживается духовным судом и затем исполнение приговора передается светскому суду.

Первоначально процессы по делам о колдовстве велись исключительно духовными судами, но затем по мере ослабления духовной власти, в особенности в протестантских странах, эти процессы всецело перешли в ведение светских судов. Большей же частью, так как в процессах иногда возбуждались теологические вопросы и ввиду особенной трудности и сложности их, требовавшей нередко специального знания сущности колдовства, — суды были смешанные, наполовину из инквизиторов, наполовину из светских судей. Часто для этих процессов назначался особый трибунал со специальным

составом судей, так называемых «комиссаров ведьм». Были также специальные комитеты ведьм, которые обязаны были повсюду выслеживать ведьм и доносить. Так как членам этих комитетов полагалась значительная доля из конфискованного имущества осужденных, то они, разумеется, старались повсюду находить ведьм.

По общему правилу судопроизводства преступления делились на обыкновенные и исключительные, *crimina ordinaria* и *crimina excepta*. К последним относились такие преступления, как оскорбление величества, измена, ересь и др.; для этих *crimina excepta* суд имел особые полномочия и не был связан обыкновенными формами судопроизводства; даже напротив, он должен был, смотря по надобности, переходить границы установленного законом порядка: *in his ordo est, ordinem non servare**.

Но колдовство считалось исключительным даже среди *crimina excepta*, потому что это — преступление особенное: оно совершается секретно, скрывается во тьме, покровительствуемое темными силами, и сам дьявол помогает ведьме, научая ее отрицать свою вину и лгать на суд, закаляя ее против мучений пытки, ослепляя судей, затемняя память свидетелей, утомляя палачей и т. д. Дьявол очень часто присутствует во время допроса ведьмы и видим ведьмой. Большею частью он сидит под столом, высовывает язык, делает гримасы, приказывает ведьме молчать и угрожает ей, если она хочет говорить. Он часто является в тюрьму к ведьме, где имеет с нею разговоры, или обещая ей помощь и запрещая сознаваться, или, напротив, издеваясь над нею. Поэтому судье в этих делах приходится встречать всякие трудности, каких нет в других процессах: ему приходится в течение всего процесса выдерживать постоянную непрерывную борьбу с дьяволом, и, чтобы его перехитрить и одолеть, нужно иметь особые средства и принимать исключительные меры.

Ввиду этого для процессов о ведьмах были выработаны специальные судопроизводственные формы, более строгие и во многих отношениях отличающиеся от обыкновенного порядка судопроизводства по уголовным делам.

* Единственное правило — неподчинение правилам (лат.).

По древнему немецкому праву, для возбуждения преследования по обвинению в каком-либо преступлении требовалось, чтобы обвинитель становился лицом к лицу с обвиняемым, доказывая свое обвинение, или чтобы несколько достойных доверия граждан под присягой подтвердили достоверность фактов, послуживших к обвинению. Признание подсудимого имело цену только тогда, когда оно было добровольное, и никоим образом не должно было применяться насилье для исторжения признания. Эти первоначальные ступени церковного судопроизводства были уже в XIII столетии радикально изменены по отношению к преступлениям ереси, а впоследствии еще более изменены по отношению к преступлениям колдовства — потому что папство понимало, что при соблюдении обыкновенных форм судопроизводства, при объективных доказательствах, при добровольном признании преследование еретиков и ведьм оказывается невозможным. Поэтому папство установило для этих процессов другие начала. Для возбуждения обвинения в колдовстве достаточно было одного подозрения, основанного на народной молве, на каких-либо слухах, на самых отдаленных догадках по внешнему виду ведьмы, по случайным ее поступкам и т. д. Объективных доказательств не требовалось. Достаточно было одного предположения о виновности. Упомянутый уже Карпцов говорит: «При обвинении в колдовстве, ввиду того, что эти преступления крайне важны и опасны, должны считать достаточным к применению пытки всякую примету и всякое подозрение, потому что эти преступления совершаются втайне и не всегда оставляют после себя следы. По этим вредным и отвратительным преступлениям, при которых нахождение доказательств очень трудно и которые совершаются таинственными путями, так что из тысячи преступников только один может быть судим и подвергнут каре, какую он заслуживает, — совершенно не нужно сообразовываться боязливо и добросовестно с установленными правилами судопроизводства. Достаточно для доказательства виновности, если имеется одно подозрение. На основании доноса и подозрения может быть сделано заключение о действительной виновности; более точных доказательств не требуется для уверенности судей»... Другой

юрист, профессор в Инсбруке, Кристоф Фрёлих фон Фрёлихсбург³⁶, которого называют австрийским Карпцовым, говорит: «Так как преступление колдовства одно из самых ужасных деяний, даже среди *crimina exserta*, и такого рода, что трудно его доказать, то для возбуждения преследования против обвиняемых и для применения пыток должно считаться достаточным основанием “самое легчайшее указание” их виновности. В особенности вполне достаточным основанием может служить народная молва; другими указаниями виновности могут также служить: если данное лицо происходит от родителей, осужденных за колдовство, если кто-нибудь смотрит исподлобья и не может смотреть прямо в глаза, если имеет на теле какие-нибудь подозрительные знаки и т. д.».

Свидетелями могли быть опороченные, подвергавшиеся наказанию, даже малолетние дети. Часто показанием служил бред больных горячкой, с которых снимался допрос. Противоречия в показаниях свидетелей не опорочивали эти показания, если они все свидетельствовали о виновности подсудимого.

Обвиняемому не давалось никаких средств защиты. Уже в «Молоте ведьм» был установлен принцип, освященный потом практикой, — что имена свидетелей сохраняются в тайне и никоим образом не должны быть сообщаемы обвиняемому. По каноническому праву обвиняемые в колдовстве не имели никакого права возражения против своих обвинителей, кроме отвода на основании «смертельной вражды». Но «Молот» сделал и это право фиктивным, благодаря предписанию об укрывании имен обвинителей. Чтобы сохранить форму, судьи в начале допроса спрашивали подсудимого, имеет ли он смертельных врагов и кто они, но ответ обвиняемого оставался без результата для оценки показаний обвинителей или свидетелей. Взятие защитника по свободному выбору подсудимого не допускалось. Одна булла Иннокентия VIII вообще запрещает иметь защитника. «Молот» тоже находит излишней защиту, хотя разрешает суду назначить защитника верного и надежного, то есть твердого в вере. Защитник, при таких условиях назначенный судом, должен был, во всяком случае, быть крайне осторожным в способе ведения защи-

ты, чтобы излишним усердием не навлечь на себя подозрение в отрицании колдовства и в покровительстве ведьмам и самому не подвергнуться участи подсудимого. Затем средства для защиты были вообще очень ограничены, так как защитнику не сообщали никаких списков из актов, никаких данных из допросов свидетелей. Наконец, чем защита могла бы помочь обвиняемому при таких началах, на которых зиждилось судопроизводство по делам о колдовстве, — когда виновность подсудимого презумпировалась независимо от каких-либо доказательств и задача суда заключалась только в исторжении от подсудимого признания в возведенном на него обвинении?

В особенности дан был сильный ход процессам по обвинению в колдовстве начиная с XV века — с изменением старого порядка судопроизводства и введением тайного инквизиционного порядка — благодаря широкому пользованию пыткой. Этим новым порядком инквизиторам открылась полная свобода действий и полный произвол подвергать преследованию и осуждению всякого заподозренного.

При инквизиционном порядке судопроизводства процесс велся на основании системы формальных доказательств, в числе которых самое важное место занимало признание подсудимого. Суд обязан был основывать свой приговор на несомненных доказательствах виновности, а самым лучшим доказательством, исключаяющим всякое сомнение, считалось собственное признание обвиняемого. Поэтому суд добивался признания всеми способами и средствами, и к этому сводилась главная его задача. Самым действенным средством для исторжения признания явилась пытка, заимствованная западноевропейской наукой и практикой у итальянцев и вошедшая в законодательства всех стран и в повсеместную практику судов.

Но в то время как по отношению ко всяким другим обвинениям закон допускал применение пытки при известных условиях и только в таких случаях, когда другими доказательствами обвинению было уже дано солидное основание, — в делах, касавшихся обвинения в колдовстве, судебная практика шла гораздо дальше и не руководствовалась никакими правилами закона.

По нормальному порядку к пыткам должны были приступать только в том случае, если злодеяние было заведомо совершено и если существовали достаточные улики и доказательства против арестованного. Применение пыток должно было быть решено особым приговором, и ему должно было предшествовать «устрашение» — сначала словесное (угрозы пыткой при показывании обвиняемому орудий пытки) и затем реальное (прикладывание орудий пытки к телу обвиняемого, но без истязания). Пытка могла продолжаться не более пятидесяти минут и только один раз. Если подвергнутый пытке выдержал ее, не сознавшись, он должен быть освобожден, если во время процесса не появилось новых подозрений, оправдывающих новое применение пыток.

Все эти предварительные действия, установленные законом как некоторая гарантия личности подсудимого при применении столь важной меры, как пытка, — по отношению к обвиняемым в колдовстве могли не применяться. В процессах о ведьмах пытки применялись во всех случаях — на основании одного подозрения и при первом допросе. Пытка была в руках судей главным и единственным средством, можно сказать, что она была душой процессов о ведьмах. Ниже мы подробнее остановимся на применении пытки и приведем акты и протоколы некоторых процессов, рисующие картину невероятной, ужасной жестокости судей и палачей и бесконечного мученичества несчастных жертв средневекового мракобесия.

Дальнейшими видоизменениями инквизиционного процесса у подсудимого отнималось право апелляции. Инквизитору запрещалось обнаружить милость и снисхождение. Никакое раскаяние не должно было изменять приговора, даже если судьи убеждались в искренности обвиняемого. Осужденный наказывался смертью на костре. Кроме того, невинная семья осужденного лишалась всего имущества, которое конфисковывалось и поступало в пользу доносчиков, членов суда и инквизиторов. В одной булле Иннокентия VIII говорится, что сыновьям еретика должна быть оставлена только одна жизнь и то как милость.

Тогдашняя судебная процедура имела в своем арсенале для достижения признания еще другое средство, именно об-

ман и ложь. При допросе обвиняемого допускалось употреблять всевозможные обманные уверения, ложные обещания, хитрости, фальшь. «Молот ведьм» советует, например, обещать обвиняемому, что если он сознается, то его не приговорят к смерти; когда же потом дело доходило до приговора, то судья, давший это обещание, мог предоставить другому судье подписать смертный приговор; или судья должен, чтобы привести обвиняемого к признанию, обещать ему «милость», но при этом думать — милость для меня или для государства; или он должен обещать обвиняемому помочь ему долго жить и при этом думать о вечной жизни на том свете. Судья также может пользоваться исповедью обвиняемого и для этого прибегать к услугам духовника и через него, именем Бога, вызывать у обвиняемого раскаяние в грехах и это раскаяние считать признанием. Или же судья должен подсылать к обвиняемому в тюрьму ловких людей, которые бы вкрадчивыми речами или другими искусными приемами вовлекли его в откровенность и вырывали у него какое-либо неосторожное слово, служившее затем доказательством виновности его. Все это считалось не только дозволительным, но и обязательным для судьи, потому что уличить ведьму и искоренить колдовство — дело, угодное Богу, и по инквизиторскому принципу — цель оправдывает средства.

Существование ведьм предполагалось повсюду — в каждом доме, в каждой семье. Требовалось только их распознать, выследить, уличить и арестовать. Странствующий инквизитор, или «комиссар ведьм», переходил с одного места в другое и везде старался собирать сведения о ведьмах — на основании допросов окольных людей, доносов, слухов. Кроме того, он вывешивал объявление на дверях церкви или ратуши, в котором каждый обязывался, под страхом отлучения от церкви или уголовного наказания, в течение двенадцати дней доносить на всех, кто чем-либо вызывал подозрение в прикосновенности к колдовству — если о ком-либо ходил дурной слух, или было что-либо подозрительное в поведении, или существовал какой-либо признак, повод предполагать, что данное лицо состоит в сношениях с нечистыми силами. Доносчику обещалось благословение неба и денежное вознаграждение и гарантировалось, что имя его будет дер-

жаться в секрете. В некоторых местах в церквях имелись особые ящики, с отверстиями посередине, куда можно было бросать анонимные доносы. В случаях, когда до суда доходили сведения об усиливающемся распространении колдовства в какой-нибудь местности, судьи назначали специальные комиссии, которые отправлялись в зараженную местность для непосредственного собирания сведений путем повального допроса всех жителей и с целью быстрого и энергичного приостановления заразы.

Улики, на основании которых велось преследование, были большею частью вроде следующих: один уверял, что на подсудимую давно уже смотрят в деревне подозрительно; другой показывал, что прошедшим летом разразилась гроза как раз в то время, когда подсудимая возвращалась с поля; третий, присутствуя на свадьбе, почувствовал внезапно боли в животе, а впоследствии оказалось, что подсудимая в это время проходила мимо; у четвертого после ссоры с нею заболела скотина, и невежа-врач объяснил эту болезнь «ночной порчей», следствием колдовства.

Чаще всего обвинение основывалось на факте вреда, будто бы причиненного подсудимой свидетелю лично или его имуществу. Причинную связь находили в таких случаях удивительно легко. Если у крестьянина заболело дитя или скот, если урожай пострадал от града и ведьма под пыткой сознавалась, что она с помощью дьявола нанесла порчу дитяти, скоту или производила град, то все было ясно. Причинная связь между фактом порчи и сознанием ведьмы не подлежала никакому сомнению, и участь ведьмы была решена. Достаточно было подозрения, что обвиняемая только пожелала кому-нибудь неприятностей, и если затем с ним действительно что-либо неприятное случалось, то было ясно, что виновата ведьма. Если подсудимая прикасалась к человеку, который впоследствии заболел, то доказательство ее виновности было налицо.

В одном процессе в вюртембергском городке Мёкмюль в 1656 году подсудимая была подвергнута пытке, созналась в возведенных на нее обвинениях и была казнена. Главными фактами, на которых основывалось обвинение, были следующие: один крестьянин, укравший у подсудимой мешок

и употребивший его для заплаты своих брюк, получил боль в колене; другому крестьянину подсудимая дала поестъ пирога, после чего ему стало дурно; у третьего, наконец, после ее угроз заболел бык.

В одном австрийском городе сожгли двух женщин за то, «что они летом много бродили по лесам, ища коренья».

В одном процессе 1665 года свидетельница показала, что подсудимая обтерла себе рот после причастия при обходе вокруг алтаря. На основании одного этого показания подсудимую обвинили в намерении превратить вынутый из рта кусочек просфоры в колдовские средства и присудили к смертной казни.

Народное воображение было отравлено этими обвинениями, и вся сила его была направлена исключительно к отысканию следов дьявольской порчи. Всякий несчастный случай, где бы он ни происходил, приписывался влиянию дьявола и указывал на существование ведьмы — виновницы его. Опасность быть обвиненной в колдовстве угрожала в одинаковой мере невиннейшему человеку и величайшему злодею, так как подозрение могло пасть на каждого. Случалось ли где-нибудь несчастье, наступала ли засуха, уничтожала ли гроза урожай, появлялась ли эпидемия, заболел ли кто-нибудь без видимой причины — во всех этих случаях в народе существовало твердое убеждение, что это дело появившейся в данной местности ведьмы, и каждый старался выведать, в чем лице скрывается эта ведьма или колдун.

Если кто-нибудь стоял один в поле во время грозы, как раз на том месте, где она прежде всего разразилась, то его уже сильно подозревали — потому что для чего ему было там стоять, если он не хотел вызывать грозы? Если женщина хвалила или ласкала скотину, заболевшую впоследствии, или если она внезапно заговорила с человеком, или исподлобья на него посмотрела и он заболел, то виновницей этих заболеваний была несомненно эта женщина. Дурные слухи об этой женщине создавались очень скоро: кто-нибудь выражал подозрение под секретом своему соседу, тот передавал дальше, и вскоре о заподозренной женщине утверждалась общая молва, что она ведьма, и она уже была готовая жертва для инквизитора.

Раз существовало подозрение, все считалось знаком виновности. Если подозреваемый любовью к порядку, прилежанием и бережливостью сбил себе кое-какой достаток, то это значило, что дьявол бросает ему целыми мерками червонцы через трубу; если же подозреваемый был известен как легкомысленный человек и мот, то, конечно, от человека, который водится с дьяволом, лучшего и ожидать нельзя. Если он часто ходил в церковь, говорил с отвращением о ведьмах и волшебниках, то это значило, что он лицемером хочет отвлечь от себя подозрение; если же он когда-нибудь осмелился выразить сомнение в существовании ведьм, то это, конечно, служило безусловным доказательством его связи с дьяволом.

Ничтожнейшее обстоятельство могло навлечь подозрение. Если кто-нибудь поздно вставал по утрам, то из этого заключали, что его утомляли ночные оргии ведьм. Если у кого-нибудь на теле оказывались язвы или какие-нибудь следы, происхождение которых было неизвестно, то их приписывали дьяволу, с которым подозреваемое лицо в сношениях.

Если подсудимая была испугана при ее задержании, то это служило явным признаком ее вины; если же, напротив, она сохраняла присутствие духа, то вина ее была еще более налицо, потому что кто, кроме дьявола, мог ей дать это присутствие духа.

Если женщина была веселого нрава, ее веселость предубеждала против нее и объяснялась веселыми похождениями ее с дьяволом; если, напротив, она была всегда печальна, это свидетельствовало о том, что у нее обстоит нечисто. Некая вдова Вейланд возбудила подозрение тем, что расхаживала с очень печальным видом. Привлеченная к суду и допрошенная, она ответила: «Я вдова, отчего же мне не быть печальной?» Тем не менее она была подвергнута пытке и созналась, что она ведьма, и была сожжена.

Важной уликой служило также намерение заподозренной бежать, хотя для всякого, знавшего об ужасах пытки, это намерение было вполне естественно. Известный противник преследований ведьм, Шпее³⁷, которого мы будем впоследствии много раз цитировать, рассказывает следующее: «Однажды прибежала ко мне женщина из соседней деревни, рас-

сказала, что на нее донесли, что она ведьма, и спросила моего совета, бежать ли ей или нет. Она невинная и хотела бы вернуться домой, но боится, что если ее задержат и будут пытать, то мучениями ее заставят лгать на себя и она таким образом сама ввергнет себя в вечные муки ада. Я ей ответил, что ложь при таких обстоятельствах не составляет смертного греха, и успокоенная женщина на другой день вернулась в свою деревню. Но там она была арестована вследствие подозрения в бегстве, подвергнута пытке, мучений которой она не выдержала, и созналась в своем грехе и была сожжена».

Но самой опасной уликой, объясняющей, каким образом один процесс вел за собою обыкновенно сотни других процессов, было показание пытаемых о соучастниках. Судье недостаточно сознания подсудимой, он хочет также при этом случае узнать, кого она видела на сборищах шабаша, кто ее научил предаться дьяволу и т.д. Доведенная пыткой до отчаяния, подсудимая называет первые попавшиеся имена или имена, подсказываемые ей судьей. Часто также злоба и гнев руководят обвиняемой, и она под муками пыток в отчаянии вымещает свою злобу, называя имена своих воображаемых врагов или тех, по чьей вине она считает себя, невинную, преданной суду.

В Нордлингене в 1590 году против жены одного значительного чиновника было возбуждено следствие по подозрению в колдовстве. Кроме показаний некоторых женщин, что они ее видели на сходках ведьм, против нее не имелось никаких улик. Пыткой вынудили у нее сознание. На вопрос о соучастниках она умоляла судей не заставлять ее ввергать в погибель невинных людей. Но при повторении пытки она назвала нескольких лиц, которые и были сожжены на костре.

Показание пытаемых относительно посторонних лиц, которых они будто бы видели на своих сходках, служило особенно веским материалом для обвинения в том случае, когда несколько пытаемых показывали на одно и то же лицо. Это единогласие объясняется очень просто вопросами судей, тюремщика или палача: «Знаешь ли ты того или этого? Не видала ли ты N. на ваших сборищах? Не была ли такая-то в числе плясавших на оргиях шабаша?» и т.д. Известный своей жестокостью судья в Фульде³⁸ Нусс (Balthassar Nuss) обыкно-

венно допрашивал пытаемую таким образом: «Вспомни, не живет ли на этой улице еще кто-нибудь, кто занимается колдовством, например такая-то, которую ты знаешь? Не щади ее, она тебя тоже не щадила, обвиняя тебя. Или вот эта, живущая там-то, не была ли она вместе с тобою на шабаше?» и т. д. Часто несчастная раскаивалась и желала отречься от своих показаний против невинных. Но боязнь новых мучений пытки ее удерживала от этого, а если она все-таки отрекалась и отрицала свое показание, ее снова пытали, и она должна была снова делать оговор невинных людей.

Горе было тому, чье имя было произнесено во время процесса о колдовстве или кто находился в родстве или дружбе с подсудимым. Для него не существовало спасения. Происхождение из семьи, в которой кто-нибудь из членов ее, в особенности мать или бабушка, уже судились за колдовство, было самой сильной уликой, не оставлявшей никаких сомнений в связи подсудимой с дьяволом. Известный противник преследований ведьм Агриппа Неттесгеймский³⁹ рассказывает об одном факте, относящемся к 1519 году: «Как синдику⁴⁰ в городе Меце, мне раз пришлось выдержать сильную борьбу с инквизитором, который по самому неосновательному доносу привлек к суду одну крестьянку по обвинению в колдовстве. Когда я ему указал, что в актах не имеется ни одного указания, достаточного к обвинению этой женщины, он мне возразил: во всяком случае, вполне достаточно то указание, что ее мать была сожжена как ведьма. Я устранил этот довод, как не относящийся к делу. Тогда он сослался на “Молот ведьм” и другие авторитеты теологии и настаивал, что это *indicium** вполне основательно, потому что ведьмы не только посвящают дьяволу своих детей сейчас, по рождении, но еще плодят детей сношениями с инкубами и таким образом насаждают колдовство в своей семье. Я ему возразил: разве ты имеешь такую превратную теологию, патер? С такими софизмами хочешь ты невинных женщин подвергать пыткам и таскать их к костру и таким образом уничтожать ересь? Твои доводы показывают, что ты сам еретик. Ибо положим, что это так, как ты говоришь: разве тогда не уничтожается

* Улика (*лат.*)

благодать крещения? Разве не окажутся напрасными святыя слова священника: уйди, оскверненный дух, и уступи место Святому духу, если из-за безбожной матери ребенок попадает также во власть дьявола и т. д.?» Полный гнева инквизитор угрожал Агриппе, что он, как заступник ереси, предстанет пред судом. Однако Агриппе удалось спасти эту женщину.

Таких защитников, как Агриппа, подсудимые имели очень редко, и их участь обыкновенно была всецело в руках таких представителей инквизиторского мракобесия, каким был оппонент Агриппы.

Судебное следствие могло начаться на основании указанных улик. Но часто подозреваемую предварительно подвергали некоторым испытаниям, чтобы убедиться в ее виновности. Одним из таких испытаний было «испытание водой». Ее раздевали, связывали крестообразно, так что правая рука привязывалась к большому пальцу левой ноги, а левая рука к пальцу правой ноги, вследствие чего испытуемая не могла шевельнуться. Затем палач опускал ее на веревке три раза в пруд или реку. Если она опускалась на дно и тонула, ее вытаскивали назад и подозрение считалось недоказанным; если же она не тонула и всплывала на поверхность воды, ее виновность считалась несомненной и ее подвергали допросу и пытке, чтобы заставить ее признаться, в чем заключалась ее вина. Это испытание водой мотивировалось или тем, что дьявол придает телу ведьм особенную легкость, не дающую им тонуть, или тем, что вода не принимает в свое лоно людей, которые заключением союза с дьяволом отряхнули от себя святую воду крещения.

Испытание водой, однако, вызывало даже среди инквизиторов и судей сомнение в действительности этого доказательства, и некоторые объясняли факт всплывания испытуемой крестообразным положением ее при опускании в воду. Между прочим, медицинский (и философский) факультет в Лейдене высказался по этому поводу 9 января 1594 года — что испытание это никоим образом не может служить каким бы то ни было доказательством, потому что всплывание происходит от того, что испытуемых опускают в воду крестообразно связанными, так что они лежат, подобно лодкам, спиной на воде.

Но, несмотря на это, судьи продолжали прибегать к этой пробе как к весьма верному способу удостовериться в виновности подозреваемой. Часто к этому испытанию прибегала толпа, помимо суда, если какая-либо женщина чем-нибудь навлекла на себя подозрение. Обыкновенно это испытание происходило в присутствии многочисленной толпы зрителей и составляло по своей обстановке одно из самых отвратительных зрелищ мрачной эпохи Средних веков. В 1454 году ранним утром бургомистр города Герфор велел схватить 30 женщин, которых подозревали в колдовстве, и представить в ратушу для испытания водой. Их повели к реке в сопровождении большой толпы горожан. Связанные палачом и брошенные в воду, они все всплыли на поверхность, вследствие чего они были признаны ведьмами и подвергнуты пытке. После страшных мучений они сознались, что они ведьмы, и были осуждены и сожжены на костре.

Испытание водой объяснялось также легкостью тела ведьмы, поскольку существовало убеждение, что ведьмы весят меньше, чем добропорядочные женщины. Это убеждение разделяли такие авторитеты, как Скрибониус⁴¹, Ремигиус и др. На этом была основана другая, также практиковавшаяся, проба посредством взвешивания, которая состояла в том, что заподозренную взвешивали против известного количества тяжести, обыкновенно очень незначительной, и если ее вес оказывался меньше, она признавалась ведьмой. Известны городские весы, которые послужили образцом для Кельна, Мюнстера и других городов в Германии. По удостоверению Каннерта⁴², в Мюнстере вес, против которого взвешивали ведьм для пробы, составлял 134 фунта. Впрочем, этот вес не везде был одинаков. Разумеется, что всякая заподозренная, над которою делали эту пробу, оказывалась ведьмой. В 1707 году чернь в Бедфорде схватила юридическую женщину и подвергла ее испытанию водой, но так как она начала тонуть, то эта проба была признана недействительной и ее подвергли взвешиванию против двенадцати тяжелых церковных Библий; вес женщины перевесил эту тяжесть, и ее оставили в покое.

Пробой виновности служило также то, что заподозренную заставляли произносить «Отче наш», и, если она в каком-ли-

бо месте запиналась и не могла дальше продолжать, она признавалась ведьмой.

Самым обыкновенным испытанием, которому подвергали всех заподозренных прежде, чем их пытаться, а иногда и в тех случаях, когда они выдерживали пытку, не сознавшись, — было так называемое «испытание иглой», для отыскивания на теле «чертовой печати».

Существовало убеждение, что дьявол при заключении договора налагает печать на какое-либо место на теле ведьмы и что это место делается вследствие этого нечувствительным, так что ведьма не чувствует никакой боли от укола в этом месте и укол даже не вызывает крови. Палач искал поэтому на всем теле подозреваемой такое нечувствительное место и для этого колол иглой в разных частях тела, в особенности в таких местах, которые чем-нибудь обращали на себя его внимание (например, шрамы, родимые пятна, веснушки и проч.), и делал бесчисленные уколы, чтобы убедиться, течет ли кровь. При этом случалось, что палач, заинтересованный в уличении ведьмы (так как обыкновенно получал вознаграждение за каждую изобличенную ведьму), колол нарочно не острием, а тупым концом иголки и объявлял, что нашел «чертову печать». Или он делал только вид, что втыкает иголку в тело, а на самом деле только касался ею тела и утверждал, что место не чувствительно и из него не течет кровь.

Нередко такое лишенное чувствительности место действительно находилось на теле подозреваемых. Судьи лично много раз убеждались в этом, и этот удивительный для людей того времени факт служил самым явным доказательством сношений с дьяволом и существования ведьм. Этим объясняется, почему судьи с таким рвением отыскивали «чертову печать» и с таким интересом прежде всего обращались каждый раз к этому испытанию. Нахождение этого знака служило в глазах судей бесспорным доказательством виновности подсудимой и совершенно достаточным основанием к осуждению.

Глава третья Судебное следствие. пытки

Мы упомянули уже выше, что в процессах о колдовстве не церемонились с применением пытки. Исключительность этого преступления позволяла переходить обыкновенные границы судопроизводства, и на усмотрение суда вполне предоставлялось, когда и в какой фазе следствия приступить к пыткам. Поэтому часто вслед за доносом следовала пытка. Во многих местностях подозреваемые женщины были пытаемы тотчас по задержании.

Пытки были самые разнообразные. Они были рассчитаны на различные степени физической боли — от тупой ноющей боли до самых утонченных нестерпимых мук — и приспособлены к различной чувствительности отдельных членов и частей человеческого тела. Приходится поражаться и удивляться изобретательности святых отцов, с которой были придуманы эти страшные орудия пытки и с которыми они умели разнообразить причиняемые ими муки.

Орудия пытки были многочисленны, и употребление их производилось с известной постепенностью — по интенсивности боли, причиняемой каждым из них в отдельности или при сочетании и комбинировании нескольких из них вместе,

образуя таким образом целую систему пыток — категории, разряды, степени. Это была настоящая адская гамма мучительных терзаний. Ведьма переходила от одной степени мучений к другой, от одного разряда пыток к другому, пока не исторгалось от нее признание.

По рассказам Шпее, совершенно здоровые и очень мужественные люди уверяли его после пытки, что невозможно вообразить себе более сильной, более нестерпимой боли, чем та, которую они испытали, что они тотчас же признались бы в самых страшных преступлениях, о которых они не имеют понятия, если бы им снова угрожали пыткой, и что они согласились бы охотнее десять раз умереть, если бы это было возможно, чем дать себя еще раз пытать.

Прежде всего старались добиться от подсудимых добровольных признаний. Но какими средствами! Им угрожали пыткой и тотчас же предупреждали, «чтобы они объявили истину, дабы судья не был вынужден добиться правды другими средствами». Пред обвиняемым являлся палач, приготовлял их к пытке, показывал им орудия, объяснял их употребление, приспособляя даже некоторые к телу подсудимых. Если они после этой угрозы давали показания, то это были «добровольные» показания.

Но если обвиняемый не признавался тотчас во всем, чего от него требовали, то палач приступал к приготовительной процедуре пытки. «Какая женщина, — пишет один очевидец, — при виде этих орудий не испугается настолько, чтобы признаться во всех преступлениях?»

В особенности для женщин эти предварительные приготовления были так ужасны, что всякая честная женщина подтвердила бы своим показанием все, что угодно, и перенесла бы даже смерть, только бы их избежать. Употребление этих процедур засвидетельствовано многими архивными документами. «Перед пыткой палач отводит подсудимую в сторону, раздевает ее догола и осматривает внимательно все ее тело, чтобы убедиться, не сделала она себя волшебными средствами нечувствительной к действию орудий пытки или не спрятан ли у нее где-нибудь колдовской амулет или иное волшебное средство. Чтобы ничто не осталось скрытым от глаз палача, он срезывает и сжигает факелом или соломой

волосы на всем теле, даже и на таких местах, которые не могут быть произнесены перед целомудренными ушами, и рассматривает все тщательно».

При этой процедуре подсудимая, нагая и привязанная к скамье, была совершенно отдаваема во власть палача и его помощников.

После этого переходили к самой пытке.

При самом начале пытки на сцену являлся жом: большой палец ущемлялся между винтами; завинчивая их, получали такое сильное давление, что из пальца текла кровь. Если это не приводило пытаемую к сознанию, то брали затем «ножной винт» или «испанский сапог». Нога кладется между двумя пилами и сжимается в этих ужасных клещах до такой степени сильно, что кость распиливается и выходит мозг. Для увеличения боли палач ударял время от времени молотком по винту.

Вместо обыкновенного ножного винта часто употреблялись зубчатые винты, «так как, — по уверению очевидца, — боль достигает при этом сильнейшей степени; мускулы и кости ноги сдавлены до того, что из них течет кровь, и, по мнению многих, самый сильный человек не может выдерживать этой пытки».

Следующую степень пытки составлял так называемый «подъем», или «вытягивание». Руки пытаемого связывались на спине и прикреплялись к веревке. Тело или оставалось свободно висеть в воздухе, или клалось на лестнице, в одной из ступеней которой торчали острые деревянные шипы; на них лежала спина пытаемого. С помощью веревки (переброшенной через блок, который прикрепляли к потолку) тело поднималось вверх и таким образом вытягивалось до такой степени, что нередко происходил вывих вывороченных рук, находившихся при этом над головой. Тело несколько раз внезапно опускали вниз и затем каждый раз медленно поднимали вверх, причиняя нестерпимые муки.

Если и после этого не последовало сознание, то к ноге или только к большому пальцу ноги привешивали всякие тяжести. В этом состоянии пытаемую оставляли до полного разрывания всех связей, что причиняло невыносимое страдание, и при этом время от времени палач производил экзекуцию

розгами. Если и тогда пытаемая не сознавалась, палач приподнимал ее до потолка, а потом вдруг выпускал тело, которое с силою, вследствие тяжести на ногах, опускалось, и бывало, что после такой операции отрывались руки, за которые оно было привешено. Эта пытка также называется дыбой. Если и дыба не исторгала сознание, то переходили к «деревянной кобыле». Это была деревянная перекладина, треугольная, с остроконечным углом, на который сажали верхом пытаемую и на ноги подвешивали тяжести; острый конец медленно врезывался в тело по мере того, как от тяжести на ногах оно опускалось, а тяжести постепенно увеличивались после всякого отказа сделать признание. Еще была пытка «ожерелье» — кольцо с острыми гвоздями внутри, которое надевали на шею; острия гвоздей еле-еле касались шеи, но при этом ноги поджаривались на жаровне с горящими угольями, и жертва, судорожно от боли двигаясь, телом сама натывалась на гвозди «ожерелья».

Время от времени судьи удалялись, чтобы подкрепиться закуской и выпивкой, и оставляли пытаемого с тем, чтобы он одумался и стал более склонным к сознанию.

В некоторых местах пытаемым давались опьяняющие напитки, чтобы ослабить их силу воли и заставить дать показание.

Во время пытки пытаемым читались показания других подсудимых, чтобы этими примерами сломить их упорство.

Допрашивавший судья и палач считали для себя делом чести вовлечь в следствие возможно большее число посторонних лиц, имена которых вымогались пыткой. С этой целью они, соединяя душевную пытку с телесной, рассказывали, что виновность таких-то и таких-то лиц уже доказана, что пытаемым нечего подвергать себя мучениям из-за лиц, которых уже спасти невозможно, и что они могут выступить свидетелями против последних.

Между орудиями пытки мы находим также вертящуюся кругообразную пластинку, которая вырывала мясо из спины пытаемого.

Если палач отличался особенным усердием, то он выдумывал новые способы пытки, так, например, лил горячее масло или водку на обнаженное тело пытаемой, или лил по

каплям горящую серу или смолу, или держал под ее руками, подошвами или другими частями тела зажженные свечи.

К этому присоединялись и другие мучения, как, например, вбивание гвоздей под ногти на руках и ногах.

Очень часто висевших пытаемых секли розгами или ремнями с кусками олова или крючьями на концах, вследствие чего тело рвалось на куски.

Способы пытки были столь же разнообразны и изобретательны, как орудия пытки. В числе этих способов, между прочим, было так называемое *tormentum insomniae*, которое практиковалось впервые в Англии, а затем также и в остальных странах Европы. Обвиняемых заставляли непрерывно бодрствовать, всячески мешая им спать, для чего их без отдыха гоняли с одного места на другое, не давая им останавливаться до тех пор, пока ноги покрывались опухольями и пока, наконец, на них находил столбняк и они приходили в состояние полного отчаяния. Другое мучительское средство заключалось в том, что арестованным давали исключительно соленые кушанья и при этом не давали ничего пить. Несчастные, мучимые жаждой, готовы были на всякие признания и часто с безумным взглядом просили напиться, обещая отвечать на все вопросы, которые судьи им предлагали.

«При пытке, — сообщает один современник, — все предоставляется на усмотрение грубого и жестокого палача. Он выбирает род пытки, он же и применяет ее, не давая покоя пытаемому, беспрестанно угрожая им, устрашая их и доводя мучения до такой степени, что никто не в состоянии их выдержать». Палач считает позором для себя, если пытаемый ускользает из его рук без признания. «Если он слабый, жалкой женщине не мог открыть рот, то могли подумать, что он недостаточно изучил свое ремесло и плохо владеет своим искусством».

Часто палач начинал пытку угрозой: «Тебя будут пытать до тех пор, пока ты похудеешь до того, что станешь прозрачной».

При одном процессе палач перед пыткой обратился к обвиняемой со следующими словами: «Ты не думай, что я тебя буду пытать день, два дня, неделю, месяц, полгода или год;

* Пытка бессонницей (*лат.*)

нет, я буду пытаться тебя все время, пока ты жива. И если ты будешь упорствовать, ты будешь замучена насмерть и тогда все-таки будешь сожжена».

В протоколах процедура пытки описывается с ужасающим лаконизмом. Так, например: «Ее обнажили, надели винт на правую ногу, которую довольно крепко привинтили, затем ее подняли в воздухе и секли розгами, затем, вследствие ее заявления сделать добровольное признание, ее спустили и освободили от винта».

Или: «Но так как показание было неудовлетворительно, то ей надели еще винт на левую ногу, хорошо привинтили и подняли снова, повторяя это несколько раз. Когда ее опустили, она все-таки еще упорствовала, вследствие чего ее снова так долго вытягивали, секли и завинчивали, пока она во всем не созналась».

Об одном пытаемом докладчик говорит: «Тогда ему завязали глаза, надели на ноги винты и мучили его ужасно; ему рвали туловище, руки и ноги до такой степени, что он забыл бы Бога и весь свет, если бы не превозмог мучений и искушений с помощью Божественной силы и Божественного утешения».

В одном протоколе мы читаем следующее: «Бамберг. В среду 20 июля 1628 года. Анна Беурон, 62 лет, была допрашиваемая по обвинению в колдовстве; несмотря на многократные увещания, она не сознается; она ничего не знает и не может ничего сказать, поэтому решили ее пытать: жом — пусть Бог ей будет свидетелем, она ничего не знает; ножной винт — опять не хочет отвечать. Суббота, 23 июля. Жом и винт вместе — не помогают, она ничего не может сказать». Только в следующем году она созналась при повторных пытках.

В другом протоколе от 14 сентября 1662 года: «...ее связали, она шепчет: “Я ничего не знаю, я ничего не знаю, должна ли я лгать? О горе мне!” Надевают ей испанский сапог и немного завинчивают. Кричит: “Должна ли я лгать, мою совесть отягчать?” Завинчивают сапог, она плачет: “Я ничего не знаю, ничего не могу сказать, даже если нога моя отпадет”. Продолжает кричать: “Должна ли я лгать? Ничего не могу сказать!” Хотя сапог крепко завинчен, она остается при своем. Продолжает кричать: “О, праведный Боже!” Говорит,

что она хотела бы признаться, если бы хоть что-нибудь знала. Она сказала бы все, но она не хочет лгать. Еще сильнее заворачивают. Стонет сильно: «Ах, милостивые судьи, не делайте мне так больно. Но если вам одно сказать, вы сейчас захотите опять другое знать...»».

Обыкновенно по правилам судопроизводства обвиняемый считался оправданным, если он выдерживал пытку в продолжение целого часа, не сознавшись в приписываемом ему преступлении. Но когда дело касалось колдовства, то подобных ограничений не допускали. Закон обходили тем, что возобновление мучений называлось не «повторением», но «продолжением» пытки.

Величайший авторитет Карпцов говорит: «При этих тяжелых преступлениях, совершающихся втайне, в которых так трудно добиться доказательств, что только один из тысячи наказывается по заслугам, — при таких преступлениях следует изменить обычный порядок судопроизводства; пытка может быть часто повторяема, так как при тяжелых преступлениях нужно прибегать и к сильным средствам. Судья тем более вправе употреблять против ведьм более жестокую пытку, что дьявол им всегда помогает устоять против мучений».

Правда, для повторения пытки требовались новые доказательства вины; но как легко подобные доказательства находились при этих процессах! Новым знаком виновности служило уже, если пытаемая не проливала слез во время пытки или если она во время допроса казалась смущенной, кривила рот, высовывала язык, озиралась кругом и вообще если ее поведение казалось странным.

То, что пытаемая могла выдержать пытку, считалось новым знаком ее виновности, доказательством того, что ей помогал дьявол.

Обыкновенно не довольствовались двумя, тремя степенями пытки; пытали вплоть до получения признания. В 1591 году в Нордлингене одну девушку пытали двадцать два раза. Только при двадцать третьем разе она призналась в том, что она ведьма.

В Баден-Бадене одну женщину пытали двенадцать раз и оставили ее сидеть после последнего акта в продолжение 52 часов на так называемом «стуле ведьм».

Об одной женщине, осужденной в 1629 году, мы читаем: «Хотя она после первой пытки не созналась, ее пытали, без приговора суда, вторично. Обрезав ей волосы и связав ей руки, палач лил ей на голову спирт, который потом зажигал, жег ей серой руки и шею, поднимал ее до потолка, где и оставлял ее висящей и уходил завтракать. По возвращении он ей лил спирт на спину и жег ее, затем он клал на ее тело тяжелые гири и поднимал ее, затем он положил ее на лестницу, поместивши ей под спину неоструганную колючую доску, и опять вытягивал ее, затем он ей завинтил вместе большие пальцы рук и ног и повесил с помощью всунутого между ее руками шеста, так как она беспрерывно падала в обморок.

При третьей пытке ее били до крови плетью по бедрам и другим частям тела, свинтили вместе большие пальцы рук и ног и оставили ее таким образом от десяти часов до часу. В это время судьи и палач завтракали; при их возвращении пытаемую снова били плетью.

На второй день пытку повторили».

Шпее замечает, описав приемы пытки: «Если бы еще обвиняемый, раз выдержавший пытку, был застрахован от дальнейших мучений! Но так как пытка повторялась несколько раз и сечению, обжиганию тела, свинчиванию и т. д. конца не было, то никто не мог думать о возможности быть оправданным... Человек, не испытывавший мучений пытки, не может поверить ее действию, не может вообразить себе, насколько она страшна для тех, которые уже раз испытали ее».

Как это ни удивительно, но были также такие, которые геройски выдерживали все пытки, и судьям не удавалось вырвать от них признание. Это объясняется различно: часто у этих женщин проявлялась общая анестезия, делавшая их нечувствительными ко всем мучениям пытки; часто нравственное возбуждение было столь сильно, что оно заглушало физическую боль и давало жертвам силу переносить ее и не проронить ни одного слова.

В Нордлингене дочь одного чиновника была подвергнута пытке на основании показаний нескольких женщин, уверявших, что они ее видели на сходке ведьм. После семикратной пытки она спросила, может ли она сохранить блаженство души, если сделает неверные признания; она боится муче-

ний пытки и хотела бы сознаться во всем, чего от нее требуют, но ее совесть не допускает ее до этого. Затем она все-таки созналась. Но при следующем допросе она взяла назад все свои показания и настаивала на отречении от своего признания, несмотря на то что ее пытали еще девять раз и при одном допросе поднимали восемь раз по лестнице.

Одна портниха, 64 лет, выдержала все степени пытки. В протоколе о ней говорится: «В нее били, как в старую шубу». Об одной 16-летней девушке, которая в конце концов все-таки созналась, в протоколе говорится: «Удивительно, что ее молодая кровь могла так долго выдержать».

В 1576 году в Вестфалии одна женщина была обвиняема в колдовстве. Пытка довела ее до признания, от которого она после отреклась. При возобновлении пытки она вторично призналась и была осуждена на смерть. По дороге к месту казни обвиняемая так энергично уверяла в своей невинности, что палач, несмотря на все увещания чиновника, распорядившегося казнью, отказался исполнить приговор, мотивируя свой отказ тем, что он не хочет погубить свою душу, казнив невинную. После четырехлетнего заключения эта женщина была выпущена на свободу.

В 1672 году в Гессене Катарина Липе, жена школьного учителя из Бетцендорфа, была заключена в Марбурге в башню и подвергнута страшным мучениям. В марбургском архиве мы находим протокол этой пытки: «Затем ей еще раз прочли приговор (пытки) и увещевали ее сказать правду. Она продолжала отрицать, сама добровольно разделась. Когда палач ей начал надпиливать пальцы рук и ног, она кричала: “О горе, горе! Господи, помоги мне! У меня ломаются руки!” Затем ей был надет испанский сапог, правая нога была сильно привинчена. Ее уговаривали сказать правду, но она ничего не ответила. Тогда ей завинтили и левую ногу; она все кричала, что ничего не знает. Когда она была поднята и вытянута, она кричала: “Господи, Иисус, помоги мне! Если меня и замучат до смерти, я все же ничего не знаю”. Ее подняли еще выше, она утихла и говорила, что она не ведьма. Еще раз завинтили ее правую ногу, она кричала: “Горе мне!” Ее уговаривали сознаться, но она утверждала свое. Ее спустили, привинтили обе ноги, и она кричала: “Горе, горе мне!” Привинтили пра-

вую ногу: она умолкла и ничего не отвечала. Еще раз завинтили: она кричала, затем затихла и не хотела отвечать. Опять привинтили: она громко кричала и говорила, что ничего не знает. Затем ее подняли в воздух, она кричала: «Горе, горе мне!» Когда ее спустили, она опять замолкла. Когда винты были сильно завинчены, она громко кричала и звала на помощь свою мать в гробу, затем замолкла и не хотела говорить. Когда винты еще сильнее были завинчены, она пронзительно кричала, что она ничего не знает. Затем винты были выше надвинуты на ноги и палач стучал молотом, она кричала: «Дорогая матушка под землей! Иисус, помоги мне!» Ей привинтили левую ногу: она кричала, что она не ведьма, Господь Бог знает это, и все, что про нее говорили, клевета. Ей привинтили правую ногу: она вскрикнула, но вдруг замолчала. Затем палач ее вывел, чтобы срезать ей волосы. Вернувшись, он сказал, что нашел «чертов знак»: он воткнул глубоко иголку в это место, и она этого не почувствовала, и кровь не потекла. Затем ей опять надпилили руки и ноги и еще раз ее вытянули, она утихла, как бы спала. Ей привинтили ноги: она громко кричала, затем вдруг затихла, закрыв рот. Привинтили левую ногу: она утверждала, что ничего не знает, хотя бы ее убили. Завинтили левую ногу: она кричала и уверяла, что ничего не знает, пусть ее положат на землю и убьют. Затем ей крепко привинтили левую ногу, ударяя по винту, затем ее подняли на воздух, наконец совсем спустили. Палач, мастер Кристофель, сообщает, что, когда ей обрезывали волосы, она просила не оставлять ее долго висеть в воздухе».

Эта женщина мужественно перенесла все степени пытки, не сознавшись; и так как других доказательств против нее не имелось, то ее пришлось освободить. Но в следующем году против нее опять возникло подозрение, ее снова арестовали и жестоко пытали. Четыре раза ее вытягивали на «лестнице», шестнадцать раз ее ноги были завинчены самым сильным образом, и так как с ней беспрестанно случались конвульсивные припадки, то ей насильно открывали разными орудиями рот, чтобы она могла сознаться. То она упрашивала, то она рычала — говорится в протоколе — «как собака». Ее мужество оказалось сильнее злости ее мучителей. Наконец несчастная женщина была выпущена, но изгнана из страны.

Мы приводим здесь протокол пытки 31 октября 1724 года в процессе против Эннеке Фюрстенис: «После того как допрашивавший судья доктор Гогравиус тщетно уговаривал ее сознаться добровольно, было приступлено к первой степени пытки. Палач вышел, показал ей орудия пытки и строго говорил с ней, между тем как судья читал ей отдельные пункты обвинения. Затем палач приступил ко второй степени пытки. Обвиняемую ввели в камеру, раздели, связали и снова допрашивали. Она упорствовала в отрицании своей вины. Когда ее связывали, она все время кричала и просила именем Бога, чтобы ее развязали. Она повторяла, что охотно умрет и даст утвердительные ответы, если судьи возьмут на себя ответственность за ее грех лжи. И так как она все не хотела сознаться, то перешли к третьей степени пытки — к жому. Так как она непрерывно кричала, то ей вложили в рот *capistrum** (приспособление, мешавшее издавать звуки) и продолжали пытку жомом. Хотя обвиняемая была пытаема таким образом пятьдесят минут и пальцы ее беспрестанно были ущемляемы жомом, она не только не созналась, но и не проронила во все время пытки ни одной слезинки. Она только все время кричала: “Я невинна! О Иисусе, не оставь меня, помоги мне в моих муках!” и время от времени: “Господин судья, об одном прошу вас, осудите меня невинной”. Тогда приступили к четвертой степени пытки: на обвиняемую надели испанский сапог. Когда пытаемая выдержала и эту пытку в продолжение тридцати минут, доктору Гогравиусу пришло на мысль, что обвиняемая, вероятно, дьявольским искусством сделала себя нечувствительной к болям. Поэтому он велел палачу раздеть ее еще раз и осмотреть внимательно, не найдет ли он чего-нибудь подозрительного в каких-нибудь местах ее тела. Но палач после тщательного осмотра объявил, что он ничего не нашел. Тогда ему приказано было надеть ей снова испанский сапог. Пытаемая продолжала отрицать и все кричала: “О Боже, я этого не сделала, я этого не сделала, если бы я это сделала, я бы охотно созналась. Господин судья, осудите меня невинной! Я охотно умру. Я невиновна, я невиновна!” Пытаемая перенесла вторичную пытку испан-

* Кляп (лат.).

ским сапогом, и хотя она переменялась в лице, но не плакала, и нельзя было заметить, чтобы силы ее оставили или чтобы она ослабла. Тогда доктор Гогравиус выразил опасение, что и четвертая степень пытки не подействует, и приказал перейти прямо к пятой степени. Сообразно этому обвиняемую подняли в воздух и дали ей двумя розгами до тридцати ударов. Когда ее для этого предварительно связывали, она просила, чтобы ее больше не мучили, говоря, что она хочет сознаться в совершении преступления, но она боится этим согрешить. Эти слова она часто повторяла, но, когда ей затем ставили вопрошные пункты, она по-прежнему все отрицала.

Поэтому палачу было приказано “вытянуть” обвиняемую. Это было сделано таким образом, что руки были выворочены и вытянуты прямо над головой, обе лопатки выступили из своих сочленений и ноги были на одну пядь приподняты над землей. Когда пытаемая находилась уже в этом положении около шести минут, доктор Гогравиус приказал дать ей еще тридцати ударов розгой, что и было исполнено. Но она все же упорно продолжала отрицать свою вину. Тогда доктор Гогравиус приказал бить ее два раза, каждый раз по восемь ударов; она кричала лишь: “Я этого не сделала, я этого не сделала!” При повторении этих ударов и усиленном применении прежних орудий пытки она выдержала и эту пятую степень пытки, как и первые, не произнося ни одного слова раскаяния, хотя эти страшные мучения, продолжавшиеся более тридцати минут, казались почти невыносимыми».

Так как, по мнению доктора Гогравиуса, пытка была должным образом выполнена и так как палач находил, что подсудимая не в состоянии выдержать дальнейших пыток, то палачу было приказано вставить пытаемой вывихнутые кости и заботиться о ней до ее выздоровления. На следующий день, сообщает протокол, палач довел ее... до признания.

Судя по актам, только немногие могли выдерживать пытку. Но и эти немногие большей частью сознавались непосредственно после пытки под влиянием увещания судей и угроз палача. Это объясняется тем, что палач, кое-как вставляя вывихнутые члены, пользовался свежим впечатлением только что выдержанной пытки и мучительным положением обвиняемой, чтобы дать ей понять, что все упорство ни к чему не

поведет, что более мучительная пытка все же вырвет признание. Он уговаривал сознаться добровольно, что в таком случае можно еще спасти себя от костра и заслужить милость, то есть смерть от меча, в противном же случае судьи не окажут никакой пощады и несчастная будет сожжена заживо.

Значительное число пытаемых умирало под пыткой или непосредственно после пытки. Это являлось только подтверждением подозрения: было ясно, что дьявол их умертвил, чтобы помешать им сознаться, — и их закапывали обыкновенно под виселицей. Так мы находим в одном приговоре Карпцова: «Дьявол так сильно подействовал на Маргариту Шпарвиц, что она умерла, испустив внезапно крик, после того как она была вытянута около получаса на лестнице, из чего видно, что дьявол умертвил ее изнутри ее тела, и так как нужно предполагать, что с ней обстояло неладно, ибо она ничего не отвечала во время пытки, то тело ее должно быть закопано под виселицей».

В протоколе совета города Оффенбурга от 1 июля 1628 года мы находим следующее место: «Вчера после одиннадцати часов девица Валшен внезапно умерла, находясь на стуле ведьм; несмотря на то что ее сильно увещевали, она продолжала уверять, что она невиновна. Решено закопать ее под виселицей».

В тех редких случаях, когда заключенные, выдержавшие всевозможные мучения, не сознавшись, выпускались на свободу, они должны были присягать, что не будут мстить членам и слугам суда за перенесенные муки.

Фридрих Шпее состоял в первой половине XVII столетия духовником в Бамберге и Вюрцбурге, и его печальная обязанность была напутствовать несчастных на костер. В это время процессы свирепствовали, костры не переставали гореть, и бывали дни, когда сжигали по десять ведьм в день. Шпее входил в близкие сношения с несчастными, видел все эти ужасы и с опасностью для своей собственной жизни поднимал голос в их защиту. Он написал в 1631 году книгу, в которой рисует всю нелогичность обвинений и абсурдность системы допросов и пыток: «Женщина, заподозренная как ведьма, должна быть признана виновной — все равно какими мерами: силой или угрозами, правдой или неправдой.

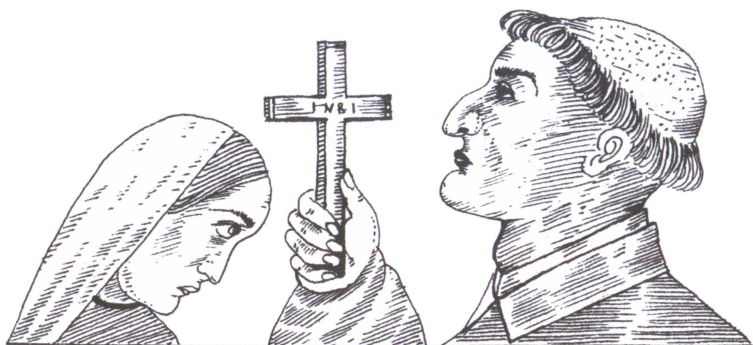
Никакие слезы и мольбы, никакие доказательства и объяснения — ничто не помогает: она должна быть виновна. Ее мучают, терзают до тех пор, пока она под руками палача умирает или признается в своей вине. Если же она выдерживает все мучения, она еще более виновна: это значит, что дьявол дает ей силы и держит ее язык, дабы она не могла говорить и признаться. И поэтому она заслуживает еще более жестоких мучений и смерти. Улики и доказательства всегда против обвиняемой — какие бы они ни были, положительные или отрицательные. Если она вела скверный образ жизни, то, разумеется, это доказательство ее связи с дьяволом; если же она была благочестива и вела себя хорошо, то ясно, что она притворялась, дабы отвлечь своим благочестием от себя подозрение в ее связи с дьяволом и ночных путешествиях на шабаш. Затем — как она себя держит при допросе. Если она обнаруживает страх, то ясно, что она виновна: совесть ее выдает. Если же она обнаруживает спокойствие, уверенная в своей невинности, то несомненно, что она виновна, потому что, по мнению судей, ведьмам свойственно лгать с наглым спокойствием. Если она защищается и оправдывается в возводимом на нее обвинении — это свидетельствует о ее виновности; если же она в страхе и отчаянии от возводимых на нее чудовищных обвинений падает духом и молчит — это уже прямое доказательство ее виновности. Затем начинают пытки, которым ее подвергают для получения признания, как будто в руках судей имеются достаточные доказательства ее виновности и недостает только добровольного признания. Или она признается и умирает, как признавшаяся, на костре, или она не признается и тоже умирает в мучениях пытки или на костре, сжигаемая еще более строго, живьем, как упорно не признавшаяся. Она должна умереть — во всяком случае, она не может избежать своей участи. Потому что все говорит против нее: если она во время пытки от ужасных страданий в ужасе блуждает глазами — это значит, она ищет глазами своего дьявола; если же с неподвижными глазами остается напряженной (если на нее находил столбняк от ужасной боли), это значит, она видит своего дьявола, она смотрит на него. Если она находит в себе силу переносить мучения пытки — это значит, дьявол ее поддерживает, и она заслуживает еще

более строгого наказания. Если она не выдерживает и умирает во время пытки — это значит, дьявол ее умертвил, дабы она не делала признания и не открывала тайны, и тогда ее труп все-таки предается позорной смерти на костре или виселице. Если, несмотря на все это, все-таки нет доказательств ее виновности, ее держат в смрадной тюрьме годы, пока появятся новые доказательства или пока она сгниет в тюрьме».

«Хотел бы я знать, — восклицает Шпее, — каким путем возможно невинной доказать свою невинность и избегнуть смерти? Несчастная, на что надеешься, зачем при первом твоём вступлении в тюрьму не признала себя виновной? Неразумная женщина, почему хочешь много раз умирать, когда можешь одним разом прекратить свои мучения? Послушайся моего совета, признай себя виновной с самого начала, еще до начала мучений! Признай себя виновной и умри! Спасти себя ты все равно не можешь, потому что ты все равно должна умереть.

А к вам, судьи, обращаюсь и спрашиваю вас: зачем вы так тщательно ищете повсюду ведьм и колдунов? Я вам укажу, где они находятся. Возьмите первого встречного капуцинского монаха, первого иезуита, первого священника, подвергните его пытке, и он признается, непременно признается. Если же он будет упорствовать и при помощи колдовских средств будет переносить все страдания, пытайте его опять, пытайте его еще более жестоко, он должен будет признаться. Возьмите прелатов, кардиналов, самого папу — они признаются, уверяю вас, они признаются!»

Глава четвертая Судебное следствие. Признание

Конечной целью всех допросов, угроз, пыток было признание. Суду нужно было во что бы то ни стало добиться от подсудимых сознания во всех возведенных на них обвинениях. К этому сводилось все судебное следствие, и в этом заключалась главная задача суда. Признания добивались судьи при помощи всех ужасных орудий мучений, которые находились в их руках, и этого должны были в конце концов также начать желать и подсудимые. Большинство несчастных женщин теряли силу при первых же степенях пытки и признавались — признавались во всем, чего от них требовали и в чем судьи желали получить признание.

Вопросы судей касались не только тех обвинительных пунктов, по которым подсудимая была привлечена к суду, но и многих других обвинений и преступлений, которые по народному суевию, по «Молоту ведьм» и согласно другим авторитетам демонологии составляли сущность колдовства.

«Молот ведьм» рекомендует прежде всего задать ведьме вопрос: верит ли она в то, что существуют ведьмы? Если она отвечает отрицательно, то это уже высшая ересь и она должна

быть осуждена. После этого вопроса приступали к другим вопросам, касающимся отдельных пунктов обвинения. Количество и разнообразие их зависели от усмотрения судей — от большей или меньшей опытности их в таких делах, от более или менее всестороннего знакомства их с преступлениями колдовства и ухищрениями ведьм, а также от большей или меньшей их любознательности относительно различных подробностей преступлений ведьм.

Некоторые суды имели четко выработанную программу вопросов, которые предлагались однообразно всякой привлеченной к суду ведьме. В сущности, это были инструкции для следователей. Вот первые шесть вопросов, задававшихся судом в баварском городе Кельхайме: 1) Почему она отрицает, что она ведьма? 2) Как давно она находится под проклятой властью колдовства? 3) Что ее к этому побудило? 4) Под каким образом явился к ней впервые дьявол и в какое время — утром, днем, вечером или ночью? 5) О чем он с нею говорил, что делал и о чем уговорился? 6) Чего он от нее требовал и почему она согласилась? Потом следовал длинный ряд вопросов под различными рубриками и пунктами — относительно осквернения церкви, поездки на шабаш, вырывания детей из могил, плотской связи с дьяволом, порче скота и повреждения имущества, внесения распрей в супружескую жизнь и т. д.

Еще более подробный перечень вопросов заключается в инструкции суда в Баден-Бадене, относящейся к 1588 году. Здесь судьям предписывалось задавать следующие вопросы: «Кто научил ведьму отнимать у коров молоко, делать грозу, облака, ветры и какими средствами она это делает? Состоит ли она в союзе с дьяволом на основании формального договора, или клятвы, или простого обещания, и если на основании договора, то каково его содержание? Отрицает ли она Бога, и в каких словах, и какими действиями, и в какое время, и в каких местах? Имел ли дьявол от нее письменное обязательство и писано ли оно кровью, и чьею кровью, или чернилами? Когда и в каком образе дьявол к ней явился, как он себя назвал, как он был одет, как выглядели его ноги? Имел ли дьявол с нею плотские сношения (по этому пункту ряд подробностей, которые оставляем без

перевода с латинского оригинала: *quonam modo Diabolus reae potuerit eripere virginitatem? Quale fuerit membrum virile Diaboli, quale ejus semen? An concubitus cum Diabolo meliore et majore ream affecerit voluptate quam concubitus cum viro naturali? An et rea semen emiseric? An Diabolus cum rea noctu pluries rem habuerit et semper cum semenis effluxione? Utrum rem cum rea peregerit in ipso membro muliebri an et in aliis corporis locis?*⁴³ и т. д.). Как она причиняет мужчинам слабосилие? Как дьявол ее учил и какими средствами она производит свои наваждения? Вредит ли она ядом, прикосновениями, заклинаниями, мазями? Сколько мужчин, женщин и в особенности детей она уже умертвила или осквернила? Сколько беременных женщин она испортила? Сколько скота она повредила? Сколько раз она производила град, и какие были последствия, и как она производит град, и что она для этого употребляет? Ездил ли она на шабаш, и на чем, и куда, и в какое время? Может ли она сделаться оборотнем, и каким оборотнем, и какими средствами? Сколько детей она на шабаше съела, откуда эти дети доставались, как они готовятся — жареными или вареными, какое употребление делается из головы, рук и ног, берется ли также жир от этих детей, и для чего употребляется этот жир, не употребляется ли жир от детей для производства бури и дурной погоды? Как изготавливается ею волшебная мазь, какой она имеет цвет и употребляется ли для этого человеческий жир, жареный или вареный, и какие части тела для этого берутся? Как она отнимает у коров молоко и превращает в кровь?» И т. д.

Подобные вопросы в виде общей схемы должны были обнимать собою все роды обвинения, которые теория и практика знала за ведьмами. Они составляли вопросный лист генеральной инквизиции, который потом с ответами подсудимой на каждый вопрос (да или нет) приобщался к протоколу судебного заседания и давал материал для обвинительного акта и основанного на нем мотивированного приговора. Так как при первоначальном допросе обвиняемые отвечали большей частью на предлагаемые вопросы отрицательно, а лишь потом под пыткой признавались, то ответы в вопрос-

ном листе менялись и отрицательные ответы постепенно заменялись положительными — до тех пор, пока весь лист не наполнился соответственно желанию судей.

На эти вопросы обвиняемая должна была давать ответы. Все, что только больное воображение суеверного и невежественного народа могло выдумать, пытаемая вынужденно признавала за свои преступления, и эти признания ее, вынужденные пыткой, продиктованные отчаянием, заносились в протоколы как действительные факты, как реально совершенные преступления.

Часто пытаемые признавались в таких фактах, которые тут же на суде с очевидностью оказывались ложными, нелепыми, плодом фантазии. Но суд этим не смущался и принимал эти факты как истину, объясняя, что признание очевиднее, чем сама очевидность.

В Гессене, в деревне Линдгейм, в 1664 году были обвинены пять женщин в том, что они вырыли из могилы недавно умершего ребенка и тело его употребили для приготовления волшебной мази. Их подвергли пытке, и они сознались в своем преступлении. Муж одной из этих женщин, убежденный в ее невинности, добился того, чтобы осмотрели могилу, и когда ее вскрыли, то нашли гроб с нетронутым трупом ребенка. Но судьи объяснили это дьявольским наваждением; собственное признание обвиняемых, по их мнению, было важнее кажущейся очевидности. Женщин осудили и сожгли живыми.

Такой же точно случай был в Альтенфельде. Одна ведьма дала показания, что вырыла из могилы ребенка и съела его. Суд присудил ее к сожжению. Муж отрицал ее виновность и просил, чтобы разрыли могилу и удостоверились в том, что жена оговорила себя. Действительно, когда разрыли могилу, то увидели, что труп лежит нетронутый. Но суд, ввиду признания, не принял этого доказательства невинности, объяснив, что труп ребенка в могиле — наваждение дьявола, чтобы обмануть судей. Мнимая ведьма была сожжена.

Или вот еще. Женщина призналась, что провела ночь на шабаше. Муж доказывал, что она всю ночь провела с ним в одной кровати. Суд, однако, не принял этого показания му-

жа, объяснив, что дьявол обманул мужа, положив ему на кровать суккуба под видом жены.

Нелепость некоторых признаний и тупоумие судей, принимавших эти признания вопреки всякой очевидности, доходят до таких размеров, что трудно поверить, что это действительные факты, если бы они не были засвидетельствованы в протоколах процессов. Жительница Фульды призналась, что убила колдовством двоих своих детей и чужого ребенка. Между тем оказалось, что все трое живы. На другом процессе мнимая ведьма обвинила себя в том, что умертвила колдовскими средствами некоего Хайнца Фогеля, а между тем этот Хайнц Фогель был жив и фигурировал тут же на суде в числе свидетелей. Тем не менее женщина была осуждена и сожжена.

О логике судей ярко говорит факт, который приводит де Ланкр в подтверждение того, как трудно бороться с хитрыми каверзами дьявола. Некто, подозревая свою служанку, что она ведьма и присутствует на сборищах шабаша, решил-ся стеречь ее всю ночь и для этой цели крепко привязал ее за ногу к стулу, возле камина, где сам уселся. Как только служанка засыпала, он будил ее. «Тем не менее, — добавляет де Ланкр, — дьявол восторжествовал: служанка все-таки была на сборище и после призналась в этом, она рассказала множество подробностей, которые были подтверждены и другими показаниями».

Недели, месяцы и годы заключения в отвратительнейших тюрьмах, страшные муки пыток, жестокое обращение судей и палачей и вообще вся судебная процедура доводили обвиняемых до такого смятения и потрясения ума, что многие в конце концов и сами верили в реальность всего того, в чем они признались под пытками. Они рассказывали о себе удивительные, невероятные вещи, причем рассказывали это с мельчайшими подробностями. В помутнении разума несчастные действительно думали, что виновны в возводимых на них обвинениях, искренно обвиняли себя и других, умоляли спасти их души, признавали себя недостойными жить, просили скорее сжечь себя на костре, чтобы освободиться от власти дьявола и возвратиться к Богу. Многие из них в этом состоянии решались на самоубийство.

Судья старался получить в результате следствия единогласие показаний многих ведм. Это единогласие очень легко достигалось определенной системой допроса и пыткой. Бедные обвиняемые в конце концов могли рассказывать только то, что служило утвердительным ответом на поставленные вопросы, во-первых, потому, что они ничего другого не знали, и, во-вторых, потому, что только этим они могли удовлетворить судью.

То, в чем одна признавалась «добровольно», лежало подозрением на тысяче других. Обвиняемые из вопросных пунктов узнавали, в чем их обвиняют, и признавались в этом — под угрозой пытки, во время или после пытки.

Эти признания, занесенные в протоколы, служили главным доказательным материалом, которым подтверждалась вера в колдовство и в существование ведм и на который судьи в своей практике и юристы и теологи в своих сочинениях ссылались как на неопровержимые факты для обоснования учения о дьяволе и колдовстве. Из суда эти признания, полные самых чудовищных измышлений, переходили в массы, питая народное суеверие и подкрепляя авторитетом суда самые нелепые рассказы о шабаше, о похождениях дьявола и ведм, о наносимой ими порче, о волшебных мазях, об оборотнях и т. д. Вот извлечение из протокола, подобных которому множество.

Арнулетта Дефран, прозванная «королевой колдунов», 15 февраля 1603 года в Валенсьене была привлечена к суду по обвинению в разных преступлениях. Допрошенная, она отрицала свою вину и на все вопросы отказывалась дать утвердительный ответ. Ее подвергли пытке. Во время пытки допрос продолжался. «Правда ли, что она испортила Катарину Ромбо, вследствие чего та стала извергать всякую нечисть, вроде червей, гусениц и тому подобного, а из ушей выходили ухвертки, и что наслала на нее такое количество вшей, что они сидели у нее даже на пальцах?» Ответ отрицательный. Арнулетте связали руки сзади и надели на шею ошейник. Новый вопрос: «Дотрагивалась ли она до мужа вышеназванной Катерины Ромбо, вследствие чего он заболел и, проболев восемь месяцев, умер?» Отвечает, что неправда и что ничего не знает. Еще вопрос: «Правда ли, что у нее на различных ме-

стах тела положена печать дьявола, а именно за правым ухом, на правом плече и бедре". Отвечает, что это неправда, громко кричит, жалуясь на претерпеваемые страдания, однако не проливает ни одной слезы (отсутствие слез считалось одним из важных признаков ведьмы. — Я. К.). Побуждаемая сказать правду, продолжает отпираться. При возобновлении пытки признается, что она ведьма. Спрошенная, с какого времени, отвечала, что уже двенадцать или пятнадцать лет, как дьявол явился ей в образе молодого человека, одетого в коричневое платье, и спросил ее, не желает ли она сделаться его любовницей, на что она ответила согласием. Тогда он показал ей полную шляпу денег и провел с нею около часу, в течение которого говорил с ней, как обыкновенно говорят любовники... Уходя, он дал ей понять, что он дьявол, и назвал себя Верделе».

Ввиду такого признания Арнулетта была удушена и сожжена. Вот приговор: «Рассмотрев предварительно уголовное дело, возбужденное против Арнулетты Дефран, рассмотрев предлагавшиеся ей вопросы и ее ответы, изложенные нижеподписавшимся главным судьей Леконтом, уличающие ее в том, что она отказалась от Бога, Святой Девы, святого таинства крещения, чтобы сделаться колдуньей, и посвятила себя служению дьяволу, что бывала несколько раз на плясках и ночных сборищах, куда переносил ее дьявол, ее любовник, которого она называла Верделе, и где она производила гнусные деяния, приличные колдунам, что после того, как она вступила в связь с сатаной, она дала порошок г-ну Бакве, от которого он томился в течение шести месяцев и наконец умер, что таким же способом испортила Катарину Ромбо, чтобы заставить ее томиться долгие годы, от чего та и теперь еще не избавилась... что, кроме того, возвращаясь с шабаша, она иногда сыпала тем же порошком посевы, насылая на них град и мглу, по просьбе и приказанию вышеназванного Верделе, ее любовника... За таковые ужасные, отвратительные преступления приговаривается: вывести ее из тюрьмы на рынок, перед городской ратушей, и там, на эшафоте, возведенном с этой целью, удушить ее и немедленно сжечь. 23 марта 1603 года».

Особенно много и подробно распространялись ведьмы в своих признаниях о сборищах на шабаше. Читая эти признания, записанные в протоколах, приходится удивляться этому невыразимому бреду, однако же бреду, выстроенному с определенной логикой; картина времяпрепровождения на этих сборищах изображается с такими подробностями и с такою яркостью, что недаром некоторые из новейших исследователей склонны верить в реальность этих сборищ и пытаются их как-то объяснить.

С этими признаниями соседствовали признания в оборотничестве. Вера в оборотней, преимущественно в волков, вообще была весьма распространена. Полагали, что оборотничество — излюбленный способ действий дьявола. Обратни толпами бегали по деревням, пожирали детей и домашних животных. Де Ланкр сообщает много случаев оборотничества и в подтверждение их ссылается на факты из своей практики, а также на множество авторитетов. Еще Св. Августин⁴⁴ сообщает, что в его время были трактирщики, которые давали своим посетителям какие-то снадобья в сыре и таким образом превращали их в животных. Также Фома Аквинский утверждает, что *omnes Angeli boni et mali, ex virtute naturali habent potestatem transmutandi corpora nostra**. Это верование в оборотней существовало в той или иной форме во всех странах Европы. Оно свирепствовало в особенности там, где было много волков, — около Юры⁴⁵, в Норвегии, в Ирландии (где, по словам Кемдена⁴⁶, жители Оссори⁴⁷, как говорят, делались волками через каждые семь лет), в Пиренеях, в Греции и у нас в России. В Италии женщины большею частью превращались в кошек.

Ликантропия — особая форма безумия, во время которой больные воображают себя превращенными в зверей, — принимала в некоторых местах характер настоящей эпидемии. Многие воображали себя обросшими шерстью, вооруженными ужасными когтями и клыками и утверждали, что во время своих ночных скитаний они разрывают людей, животных

* Все ангелы, хорошие и плохие, имеют силу изменять наши тела (лат.).

и в особенности детей. А кое-кому воображение по этой части помогали развить ретивые инквизиторы. В результате во второй половине XVI века оборотней во Франции считали сотнями; в округе Доль⁴⁸ даже нашли нужным в 1573 году издать следующее постановление:

«Ввиду полученных верховным судом Дольского парламента сведений, что часто видят и встречаются человека-волка, похитившего уже нескольких маленьких детей, которых затем более не видали, и нападавшего в поле на некоторых всадников... названный суд, в предупреждение большого зла, разрешил и разрешает жителям этих и других мест, невзирая на существующие законы об охоте собраться с рогатинами, алебардами, пиками, пищалями, дубинами и учинить охоту на названного оборотня, преследовать его всюду, где только можно его найти, поймать, связать и убить, не отвечая за это никаким штрафом или взысканием»⁴⁹.

Выслеживание оборотней и придание их суду составляли одну из главных забот местных властей. Разумеется, появились и особые специалисты по оборотням, в том числе и среди юристов. Весьма проявил себя на этом поприще судья Боге⁵⁰; в конце XVI столетия он участвовал во многих процессах о колдовстве и отправил на костер немало оборотней, а поскольку он был человек ученый, не лишенный литературного дара, то вдобавок еще и написал о них книгу. Впрочем, оборотнями Боге не ограничился — он также составил правила для суда над ведьмами. В этом кодексе он допускает по отношению к обыкновенным ведьмам снисходительное облегчение наказания, а именно удушение перед сожжением на костре, но по отношению к оборотням такое облегчение наказания, по его мнению, допускать не следует, и они должны быть сожжены живыми.

Де Ланкр и Реми приводят из своей практики много интересных случаев оборотничества. Вот случай, описанный де Ланкром. Некий Жак Руле предстал перед судом по обвинению в том, что принимал вид волка и в этом виде однажды съел ребенка. «Обвиняемый сознался, что они вместе с братом и кузеном, нищенствуя по деревням, часто принимали вид волка. Спрошенный, как они это делали, он рассказал, что для этого они натирали себя мазью, которую им дал неиз-

вестный человек, и после этого становились волками. Спрошенный, где они были 4 августа 1598 года, ответил, что были тогда в деревне Курнувиль и там все трое превратились в волков. Спрошенный, съели ли они тогда ребенка, ответил, что да, что он первый разорвал его посредине тела, а потом пришли брат и кузен и тоже ели ребенка. И еще говорит, что, когда он напал на ребенка, последний кричал и на его крик прибежало много народа, из которых он многих знает, и еще говорит, что это было в 10 часов утра. Спрошенный, куда убежали брат и кузен, говорит, что они убежали в соседнее местечко, где убили другого ребенка, что он за ними не последовал. Спрошенный, кто научил их оборачиваться в волка, говорит, что не знает. Спрошенный, много ли он съел детей, отвечает, что многих...» Стоит ли говорить, что Парижский парламент присудил Жака Руле к смерти.

Следующий случай показывает, до каких размеров доходила вера в оборотней, к каким злоупотреблениям она могла привести и, без сомнения, нередко приводила. Некий охотник, однажды ночью охотясь в горах Оверни, подстрелил волчицу, у которой оторвало лапу, но она, хромая, успела убежать. Охотник поднял лапу, вложил ее в свою охотничью сумку и пошел в соседний замок просить гостеприимства и ночлега. Владелец замка принял его очень радушно и любезно осведомился у гостя, много ли он настрелял добычи. Чтобы ответить на этот вопрос, охотник хотел показать хозяину лапу, но каково было его изумление, когда вместо лапы в сумке оказалась человеческая рука, с кольцом на одном из пальцев ее, по которому хозяин замка узнал, что рука принадлежит его жене. Он направился немедленно в комнату жены и нашел ее раненой и, как оказалось, без руки. Тогда женщина призналась, что может принимать вид волчицы и в этом виде напала на охотника. Так, во всяком случае, записано в материалах следствия. Муж передал жену юстиции, и она была сожжена.

Частым преступлением ведьм была половая связь с дьяволом. На основании признаний осужденных было твердо установлено, что дьявол охотнее вступает в связь с замужними женщинами, находя двойное удовлетворение — в совращении самой женщины и в оскорблении брачного таинства. Де

Ланкр находит подтверждение этому в том, что в числе осужденных ведьм было значительно больше замужних женщин, признавшихся в связи с дьяволом, чем незамужних. «При этом, — пишет де Ланкр, — эти женщины вместо того, чтобы скрывать эту гнусную связь, краснеть и плакать, напротив, подробно рассказывают о самых грязных подробностях их связи и с таким бесстыдством, непринужденною веселостью и хвастовством, точно рассказывать об этом доставляет им удовольствие, и не только не краснеют и не стыдятся, но скорее приходится краснеть судьям, допрашивающим их и выслушивающим такие гнусности».

Судьи, впрочем, хотя и краснели, были очень любопытны и старались на допросах узнать о различных подробностях половых сношений с дьяволом — о форме полового органа у дьявола, об ощущении, испытываемом женщиной от совокуплений с дьяволом, и т. д. Ответы были различные, смотря по темпераменту и фантазии женщины, и описания половых сношений с дьяволом часто между собою расходились. Но это служило в глазах судей только доказательством новых хитростей дьявола, умевшего разнообразить свои удовольствия и соблазны...

Обвинение в половой связи с дьяволом было самым излюбленным пунктом обвинительного материала против ведьм. Подозрение в этом преступлении падало на всех ведьм независимо от их возраста. Оно приписывалось как старым женщинам, так и подросткам-девочкам. В Тулузе в 1275 году была сожжена 58-летняя старуха Лабарт по обвинению в сношениях с дьяволом, плодом которых был урод с волчьей головою и змеиным хвостом. Для пропитания чудовища мать якобы воровала по ночам маленьких детей. В Померании в 1652 году была осуждена десятилетняя девочка, признавшаяся в том, что находится в связи с дьяволом и имеет от него двух детей, а третьим беременна.

Приведем в извлечении подробности одного процесса, в котором *corpus delicti** была половая связь с дьяволом.

Процесс этот интересен потому, что он относится к эпохе сравнительно поздней, отделенной от нас промежутком

* Состав преступления (лат.).

всего в полтора века, — когда ярость преследования ведьм значительно ослабела и судопроизводство по делам о колдовстве отрешилось от ужасающих жестокостей и получило более спокойный характер. Мы имеем тут дело не с фанатизмом ослепленных инквизиторов, искавших повсюду жертв для отправления их на костер *ad maiorem Dei gloriam**, а с судом добросовестных и образованных судей, доискивавшихся истины на основании объективных доказательств и стремившихся к истинному правосудию. Мы видим тут правильное, насколько это возможно было в то время, ведение судебного следствия, без применения пытки для исторжения признания, с принятием в соображение всех обстоятельств дела, с назначением подсудимой защитника и вообще с соблюдением всех формальностей установленного законом судопроизводства. Тем не менее старое заблуждение так глубоко вкоренилось и еще так сильно господствовало над умами, что оно подчинило себе здравый смысл и сделало возможным подобный процесс.

В 1728 году некая Анна-Мария Розенталь, жившая в Вюртемберге, была привлечена к суду по обвинению в любовной связи с дьяволом. Обвинение было основано на слухах, что Розенталь была много раз беременна, но каждый раз родившийся ребенок куда-то исчезал. Ввиду этих слухов 16 февраля 1728 года была допрошена местная акушерка, которой поручили исследовать Розенталь. Она показала, что нашла подсудимую беременной живым ребенком и что эта женщина просила ее никому не говорить о беременности, потому что она должна передать ребенка мужу своему некрещеному; при этом она призналась, что она замужем и ее муж, убийца и вор, навещает ее невидимым образом.

Вскоре после этого Мария Розенталь была освидетельствована хирургом Бюргером. Он показал, что также нашел ее беременною живым ребенком, причем после освидетельствования Розенталь ему с плачем призналась, что ребенок в скором времени должен будет умереть, потому что муж ее, который невидимым приходит к ней, отбирает у нее новорожденных детей. При следующем исследовании, рассказыва-

* К вящей славе Божьей (*лат.*) — девиз ордена иезуитов.

ет далее Бюргер, он, к удивлению своему, не нашел больше у нее беременности, но затем живот ее ему опять показался увеличенным.

Допрошенная Анна-Мария Розенталь показала, что ей 46 лет, что она тринадцать лет тому назад вышла замуж в Фельмеде за Антона Нагеля и родила шестерых детей, из которых четверо уже умерло. При показании имен, места крещения и смерти детей она запуталась в противоречиях и призналась, после увещеваний, что ее муж и его мать рождавшихся детей всегда «разрывали по кускам и куски разбрасывали по земле, чтобы их души погибли». Таким образом поступили уже с четырьмя детьми.

На основании этого показания Розенталь была подвергнута аресту, чтобы можно было наблюдать рождение ребенка, причем приказано было приковать ее за ногу и хорошо охранять.

Вскоре акушерка, навещавшая Розенталь в тюрьме, сообщила новые сведения, указывающие на связь Розенталь с дьяволом; Розенталь ей призналась, что была избита мужем-невидимкой, причем показала ей и другим свидетелям три окровавленных рубашки, спрятанные в соломенной подстилке на кровати.

На основании этих показаний подсудимая 24 февраля была снова допрошена. Она рассказала о различных преступлениях, совершенных ее мужем, Антоном Нагелем, и повторила свое прежнее показание о том, что муж является к ней невидимкой и что он умертвил четырех ее детей, разрезав их на куски, которые закопал или разбросал по земле. При этом она отрицала свое участие в этом злодеянии и заметила, что, коль скоро она не может ни чувствовать мужа, ни осязать и он даже с ней не говорит, то, вполне возможно, в его облике ей является злой дух. Кроме того, она вспомнила, что однажды видела дьявола в образе высокого черного человека, который, впрочем, сейчас исчез. При этом кровь на своих рубашках она объясняла самым натуральным образом. Суд, однако, ей не поверил. Рубашки были изъяты и, запечатанные судом, приобщены к делу как вещественные доказательства.

2 марта было заявлено тюремными сторожами, что все признаки беременности у Розенталь внезапно исчезли, и хирург Бюргер после продолжительного и тщательного исследования подсудимой подтвердил это. Тогда подсудимая была снова допрошена, и на этот раз более строго, с угрозой, что будет подвергнута пытке, если не покажет истину.

Угроза подействовала, и Розенталь пожелала исповедаться, после чего призналась, что до сих пор дьявол запрещал ей говорить истину; но теперь она, очистившись исповедью, может сказать правду. Ее муж и есть сам дьявол. Тринадцать лет тому назад встретила она в поле одного солдата, который приглашал ее выйти за него замуж и отдать ему свою душу, за что он обещал дать ей денег. Она ему отказала, и он сейчас же исчез; но три дня спустя, когда она брала воду, дьявол явился ей во второй раз в виде того же солдата и с тем же требованием. На этот раз предложенный союз был заключен, и она действительно предалась дьяволу, но от Бога и святых не отрекалась и поэтому надеется еще найти у Бога милость. С того времени она часто совершала блудодеяние с дьяволом, но никогда не рожала действительных детей, а только бесформенные куски мяса. Ее теперешняя беременность после исповеди исчезла — вероятно, от того, что дьявол от нее отступился; но прежде он был при ней в тюрьме постоянно и научал, что она должна говорить, а также, когда она хотела сказать правду, он ей сжимал горло и запрещал сообщать что-нибудь о союзе с ним. В настоящее время она рассказывает в грехах.

После этого все производство дела было передано прокурору, который представил свои выводы. Он принял только последнее признание обвиняемой, предложив ей еще раз вполне и обстоятельно все рассказать; вместе с тем в ее присутствии он привел к присяге хирурга и акушерку, чтобы выслушать их заявления как свидетелей.

Тюремная комната была окурена освященной виноградной лозой, и обвиняемая была снова 12 апреля приведена к допросу. Она повторила в целом свое прежнее признание, при этом рассказала еще о следующем случившемся с ней во время ее пребывания в тюрьме происшествии.

Четырнадцать дней тому назад у нее вышли изо рта три белых червя, вида и величины гусеницы, длиною в полпальца; из них два первые имели много ног и по одной голове, тогда как третий имел гораздо более ног, чем предыдущие, и две головы. Свидетель Иоганн Лютеке, по ее словам, видел двух-голового червя, а также и двух других; он же в ее присутствии их сжег, причем каждый раз было такое зловоние, что невозможно было оставаться в доме. Лютеке же утверждал, что двух червей, которые в различные дни вышли из горла обвиняемой, он видел и сжег; относительно же третьего он ничего не знает.

На основании всего этого обвинительного материала суд принял дело к обсуждению и открыл судебное заседание, поручив прокурору установить обвинение и назначив подсудимой защитника в лице доктора Вейса. Прокурор в своей обвинительной записке остановился на силе имеющихся в деле доказательств, он полагал, что показания акушерки и хирурга должны считаться полным доказательством виновности подсудимой. Вместе с тем он посчитал нужным отворать возможное возражение защитника относительно недостаточности доказательств и прибавил, что если даже имеющиеся доказательства и недостаточно полны, то, согласно мнению знаменитого криминалиста Карпцова, в таких опасных преступлениях, как любовная связь с дьяволом, для установления *corpus delicti* достаточно одного подозрения. Ввиду этого он посчитал виновность подсудимой установленной и предложил сжечь ее на костре.

Защитник прежде всего заявил, что возможность такого союза с дьяволом он не может отрицать, а лишь имеет в виду указать на недостаточность доказательств, послуживших основанием для обвинения. Он полагает, что для установления факта любовной связи подсудимой с дьяволом не имеется в деле никаких объективных данных, потому что все обстоятельства, удостоверенные свидетельскими показаниями и служащие будто бы для установления объективного факта, могут быть объяснены естественным образом. Признание подсудимой, по мнению защитника, тоже не может считаться объективным доказательством. Наконец, если даже союз

подсудимой с дьяволом и имел место, то он все-таки в настоящем случае должен считаться недействительным, потому что обвиняемая, несмотря на этот союз, не отреклась от Бога и святых, а это обстоятельство противоречит самой сущности такого союза. Принимая во внимание все эти обстоятельства и также раскаяние подсудимой, он просит суд быть милостивым к обвиняемой и оказать ей снисхождение, назначив умеренное наказание, например полугодовое заключение в тюрьме.

Член Арнсбергской коллегии, которому, согласно инструкции суда, было поручено составить мотивированный приговор, дал следующее заключение: принимая во внимание, что преступление любовной связи с дьяволом, согласно таким авторитетам, как Дельрио и Карпцов, вполне возможно, что, по Карпцову, достаточно для установления наличия этого преступления одного признания подсудимой и некоторые подтверждающие его подозрения, что, хотя наказание смертной казнью через сожжение, назначенное уголовным уложением Карла V⁵¹ за связь с дьяволом без причинения вреда⁵², нельзя не считать весьма строгим, но, после чтения того же знаменитого Карпцова, следует считать преступление, совершенное подсудимой, весьма тяжким и опасным, потому что она пребывала в этой преступной связи с дьяволом непрерывно в течение четырнадцати лет, между тем как уже при встрече со своим соблазнителем по его внезапному исчезновению легко могла узнать в нем дьявола — принимая все это во внимание, следует назначить обвиняемой строжайшее наказание — сожжение живою.

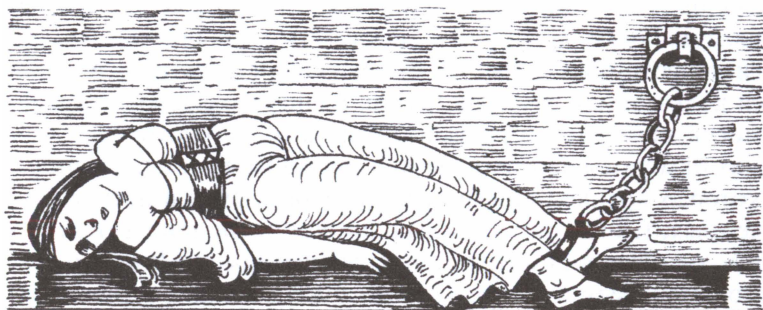
Другой член коллегии, содокладчик, разделяя соображения своего товарища, тем не менее нашел возможным оказать подсудимой снисхождение и назначить ей смягченную меру наказания, а именно сожжение после предварительного обезглавления.

Суд принял это последнее мнение содокладчика и 20 сентября 1728 года объявил следующий приговор:

«Мы, нижеподписавшиеся, строго обсудив обстоятельства дела обвиняемой Анны-Марии Розенталь, подтверждаем как заключение уголовного обвинителя со стороны курфюрст-

ского фиска, так и материалы следствия, своевременно нам доставленные. Посему считаем справедливым, чтобы обвиняемая Анна-Мария Розенталь за свое глубоко греховное дьявольское поведение, в котором она созналась, подверглась совершенно заслуженному ею наказанию — отрубанию головы и последующему сожжению ее тела, на страх и пример другим. Вместе с тем постановляется приказать приведение в исполнение означенного приговора совершить в наискорейшем времени, а когда он будет исполнен, позаботиться об отсылке нам надлежащего об исполнении приговора протокола. Предаем себя в руки Божьи».

Глава пятая Тюрьмы. Костры

Пытки дополнялись тюрьмами, в которых содержались жертвы обвинений в колдовстве в течение судебного следствия и после осуждения до приведения в исполнение приговора. В этих тюрьмах их ждали, если они мужественно перенесли пытку, новые, не менее ужасные муки, продолжавшиеся иногда целые годы и доводившие их до состояния полного отчаяния, нередко до самоубийства.

В то время места заключения вообще представляли собою отвратительные вонючие дыры, где холод, сырость, мрак, грязь, голод, заразные болезни и полное отсутствие какой бы то ни было заботы о заключенных в короткое время превращали несчастных, попадавших туда, в психических больных, в калек, в гниющие трупы. Но тюрьмы, назначенные для ведьм, были еще ужаснее. Такие тюрьмы строились специально, с особыми приспособлениями, рассчитанными на причинение несчастным возможно более жестоких мук. Одного содержания в этих тюрьмах было достаточно для того, чтобы вконец потрясти и измучить попавшую туда невинную женщину и заставить ее признаться во всевозможных преступлениях, в которых ее обвиняли.

Один из современников той эпохи следующим образом описывает внутреннее устройство этих тюрем:

«Тюрьмы помещаются в толстых, хорошо укрепленных башнях или в подвалах. В них находятся несколько толстых бревен, вращающихся около вертикального столба или винта; в этих бревнах проделаны отверстия, куда просовываются руки и ноги заключенных. Для этого бревна развинчиваются или раздвигаются, в отверстия между верхними бревнами кладутся руки, в отверстия между нижними бревнами — ноги заключенных; после чего бревна свинчиваются, сбиваются кольями или замыкаются так тесно, что заключенные не могут шевелить ни руками, ни ногами. В некоторых тюрьмах находятся деревянные или железные кресты, к концам которых крепко привязываются головы, руки и ноги заключенных, так что они должны постоянно или лежать, или стоять, или висеть, смотря по положению креста. В некоторых тюрьмах имеются толстые железные полосы с железными запястьями на концах, к которым прикрепляются руки заключенных. Так как середина этих полос цепью прикреплена к стене, то заключенные находятся всегда в одном положении.

Иногда к ногам прикрепляются еще тяжелые куски железа, так что заключенные не могут ни вытянуть ноги, ни притянуть их к себе. Иногда в стенах сделаны углубления такого размера, что в них с трудом можно сидеть, стоять или лежать; заключенные там запираются железными затворами, так что они не могут шевелиться.

В некоторых тюрьмах находятся глубокие ямы, выложенные камнем, с узкими отверстиями сверху и крепкими дверями. В эти ямы, глубиной нередко в 15, 20 и даже 30 саженей, заключенных опускают на веревках и таким же образом их вытягивают наверх.

Во многих местах заключенные страшно страдают от холода и отмораживают себе руки и ноги, так что выпущенные на свободу они остаются на всю жизнь калеками. Некоторые находятся постоянно в темноте, никогда не видят солнечного света и не отличают дня от ночи. Не владея своими членами, они находятся в постоянном оцепенении; они лежат в собственных нечистотах хуже всякой скотины, получают плохой

корм, не могут спокойно спать, мучимые мрачными мыслями, злыми снами и всякими ужасами. Так как они не могут пошевелить рукой или ногой, то их страшно кусают и мучат вши, мыши, крысы и всякие другие звери. К этому присоединяется еще ругань, злые шутки и угрозы, которые заключенные ежедневно выслушивают от тюремщиков и палачей.

И так как все это продолжается не только месяцы, но и целые годы, то люди, вступившие в тюрьму бодрыми, сильными, терпеливыми и в полном уме, становятся в очень короткое время слабыми, дряхлыми, искалеченными, малодушными, безумными».

В таких тюрьмах, которые «Молот ведьм» называет *carceris squalores**, ведьмы томились иногда долгие годы, прежде чем их приводили к допросу и пыткам. Исступленные, без сил, с расстроенным от отчаяния и тоски воображением, в страхе и смятении, они приводились на суд перед инквизиторами и подтверждали все обвинения, которые им предъявляли. Если же они упорствовали, их опять отводили в тюрьму и усиливали тяжесть содержания: связывали и заковывали в кандалы, скручивали члены так, что они цепенели, приковывали цепью к стене и т. д. — и в таком состоянии их держали до возобновления пытки. Бамбергские инквизиторы рекомендуют как хорошее средство для укрощения ведьм «*das gefaltet Stiiblein*» — буквально: комната в складках, — которая была специально устроена в бамбергской тюрьме для ведьм. Это была камера, пол которой состоял из острых жердей с очень узенькими промежутками между ними. В том же Бамберге одна женщина оставалась три года прикованная цепью. «Молот ведьм» рекомендует как общее правило выдерживать упорствующих ведьм в течение целого года в тюрьме и лишь потом приступить к возобновлению пыток.

Неудивительно, что во время содержания в тюрьме многие женщины впадали в исступленное состояние, в бред, и им представлялось, что их посещает дьявол, говорит с ними, дает им советы, указания, имеет с ними половые сношения и т. д. Об этих посещениях они потом заявляли на допросах, и это служило новым доказательством их винов-

* Отвратительный карцер (лат.).

ности. Часто дьявол являлся в лице тюремщиков, которые совершали над заключенными молодыми женщинами зверские насилия. Известен случай, когда насилию подверглась 12-летняя девочка, а затем это было объяснено посещением дьявола. Другие женщины впадали в состояние нечувствительности, нравственной и физической апатии и встречали мучения пытки с удивительным равнодушием, которое судьи объясняли участием дьявола, помогающего ведьме переносить без боли все страдания.

В конце обвиняемую в любом случае ждало наказание — даже если пытка не приводила ее к признанию и не находилось достаточных доказательств к осуждению. «Молот ведьм» вовсе не признает оправдательных вердиктов и рекомендует держать ведьм в тюрьмах и ждать новых указаний их виновности или перенести дело в другую инстанцию. Но даже если последовал оправдательный вердикт и подсудимую отпускали на свободу, ее положение было настолько жалкое, что многие предпочитали смерть и кончали самоубийством. Искалеченная пытками, с разбитыми членами, с болезнями от долгого пребывания в вонючей тюрьме, измученная и истерзанная всей процедурой вынесенного ею судебного следствия, она выпускалась на свободу как заподозренная и каждую минуту могла ждать нового обвинения и ареста. Часто таким женщинам запрещался вход в церковь, а если разрешался, то им отводилось в церкви особое место, отделенное от других. Даже в собственном доме среди своей семьи они должны были быть изолированы и жить в отдельной комнате. Нередко этих несчастных отталкивала собственная семья, которая боялась принять их — из страха навлечь на себя подозрение или вследствие того, что считали их все-таки во власти дьявола, хотя суд и оправдал их. Этих несчастных сторонились, как зачумленных, и им приходилось жить изолированно, в уединении, нищете, переходя с места на место, прося милостыню. Большею частью такая жизнь навлекала на них новые подозрения в колдовстве, и они опять попадали в тюрьму и под пытки, и на этот раз им больше свободы не возвращали.

Впрочем, оправдательные вердикты были очень редки. Большею частью пытки кончались признанием и за процес-

сом следовала казнь. Осужденную сжигали на костре живьем; иногда после удушения или обезглавливания. Последний вид казни считался смягчением наказания.

Практикой было принято за правило, что живьем сжигаются лишь те из ведьм, которые упорствовали и не обнаружили признаков раскаянья; по отношению же к раскаявшимся оказывалась милость, и их сжигали после предварительного удушения или отрубания головы. По этому поводу мы находим в инструкции одного суда следующее:

«Хотя многие ведьмы, дерзкие и отягченные тяжестью неверия в забвении Бога и спасения своей души, должны быть сожжены живыми, в наше время, однако, почти всеми христоблюбивыми судами принят милостивый обычай, что те из колдовствующих, которые отказываются от общения со злыми духами и с раскаявшимся сердцем вновь обращаются к Богу, не должны быть наказаны живыми при посредстве медленного огня, но, по нравам и обычаям местности, должны быть предварительно или задушены, или лишены головы посредством меча, и их мертвое тело, на страх всем прочим и в удостоверение доброго и правильного отправления юстиции, брошено в огонь и превращено в пепел».

Приговор суда о предании ведьмы сожжению на костре обыкновенно вывешивался на ратуше к общему сведению, с изложением подробностей выяснившегося преступления ведьмы. Иногда, вследствие особых обстоятельств, осужденной ведьме оказывалось снисхождение, которое, как выше указано, заключалось в том, что ее сжигали не живьем, а предварительно умерщвляли мечом, а только труп ее сжигали на костре. О такой милости также объявлялось особо, к всеобщему сведению, и это объявление называлось *Gnadenzettel**. Вот текст одного такого *Gnadenzettel*:

«Хотя представшая перед судом обвиняемая, согласно приговору, присуждена за ее тяжелые преступления и прегрешения к переходу от жизни к смерти посредством огня, но наш высокочтимый и милостивый князь и господин Бамберга из особых побуждений пожелал оказать ей свою великую княжескую милость, а именно, чтобы первоначально она была

* К сведению (нем.).

передана от жизни к смерти посредством меча, а уже потом превращена посредством огня в пепел и в прах, с тем, однако, чтобы осужденной за ее многочисленные и тяжкие преступления сначала было причинено прижигание посредством раскаленного железа, а потом чтобы ее правая рука, которою она ужасно и нехристиански грешила, была отрублена и была затем также предана сожжению вместе с телом».

Осужденную к сожжению на костре волокли к месту исполнения казни привязанной к повозке или к хвосту лошади по всем улицам города. За нею следовали вооруженная охрана и духовенство, сопровождаемое толпою народа. Перед совершением казни прочитывался приговор. В некоторых случаях костер зажигался небольшой, с маленьким пламенем, для того чтобы усилить мучения медленной смерти. Нередко также для усиления казни осужденным, прежде чем возвести их на костер, отрубали руки или палач во время исполнения приговора рвал накаленными щипцами куски мяса из их тела. Сожжение было более или менее мучительным в зависимости от того, гнал ли ветер удушающий дым привязанному к столбу в лицо или, наоборот, отгонял этот дым. В последнем случае осужденный сгорал медленно и испытывал ужасные муки. Многие имели нравственную силу ждать молча последнего удара сердца, другие оглашали воздух душераздирающими криками. Чтобы заглушать крики несчастных, им привязывали язык и затыкали рот. Окружающая толпа слышала только треск горящего костра и монотонное пение церковного хора — пока тело несчастной превращалось в пепел...

Глава шестая Преследование ведьм

Массовые преследования ведьм происходили во всех странах Европы, как католических, так и протестантских. Обвинения в колдовстве часто принимали эпидемический характер. В той или иной местности женщины одна за другой воображали себя в связи с сатаной и чинили перед судьями признания, в которых охотно расписывали все подробности времяпрепровождения на шабаше и все обстоятельства, при которых вступили во власть дьявола.

Во Франции эти процессы начались значительно раньше, чем в целом по Европе. Так, спустя пять лет после сожжения Жанны д'Арк⁵³ в кантоне Во появилось огромное множество женщин, утверждавших, что по внушению дьявола они вырывали из могил трупы новорожденных детей и их съедали. Все они были осуждены к сожжению. Судьям и в голову не приходило удостоверяться в истинности этих самообвинений: собственное признание считалось лучшим доказательством, не оставляющим надобности в других доказательствах. Почти в то же время в городе Арра женщины одна за другой рассказывали — с удивительными подробностями — о сво-

ем участия в шабаше. Они все также закончили свою жизнь на костре.

Известен случай массовой истерии в женском монастыре в Камбре, который, конечно, был объяснен тем, что в тело монахинь вселился дьявол. Они начали мяукать, лаять, беспорядочно бегать, лазить по деревьям, кататься на земле. Заклинание бесов не помогло, и пришлось назначить суд, который приговорил всех монахинь к сожжению. Между 1504—1523 годами распространилась эпидемия демономании в Ломбардии; искоренение ее было предоставлено доминиканцам, они действовали энергично и сжигали каждый год до тысячи ведьм. Здесь во многих монастырях монахини также оказались одержимы бесами, и эти монастыри опустели, так как все монахини были сожжены. В 1580 году поветрие признаний в колдовстве прокатилась по Лотарингии, где были сожжены тысячи женщин и даже дети.

Инквизиция весьма активно помогала несчастным женщинам в этих признаниях. В правление Франциска I эта деятельность была поставлена на поток, и в результате за тридцать с небольшим лет (1515—1547 годы) во Франции было сожжено свыше 100 тысяч ведьм. Примерно то же самое творилось и при короле Генрихе IV (правил в 1589—1610 годах). Один из иезуитов пишет в 1594 году: «Наши тюрьмы переполнены ведьмами и колдунами. Не проходит дня, чтобы наши судьи не запачкали своих рук в их крови и чтобы мы не возвращались домой, содрогаясь от печальных мыслей об ужасных, отвратительных вещах, в которых эти ведьмы признаются. Но дьявол так искусен, что мы едва успеваем отпавить ведьм на костер, как из их пепла возникают новые ведьмы».

В Тулузе были дни, когда сжигались на кострах по 400 ведьм в день. Инквизиторы свирепствовали по всему югу Франции. Аргументы выставлялись удивительные. Де Ланкру пришла мысль, что распространение колдовства около Бордо может находиться в связи с большим количеством фруктовых садов, так как очень хорошо известно, что дьявол имеет особенную силу над яблоками.

Следили из тем, чтобы судьи не проявляли «неоправданную» мягкость при вынесении приговоров. Так, в 1670 году

Руанский парламент потребовал от судей исключить всякую снисходительность при обвинениях ведьм. Постановления этого рода делались и другими парламентами — Парижа, Тулузы, Бордо, Реймса, Дижона и Ренна; каждый раз следствием таких постановлений становилась кровавая жатва.

К концу XV века настоящая эпидемия ведьм обнаружилась в Германии, и связано это, как мы уже знаем, с тем, что папа Иннокентий VIII в 1484 году издал специальную буллу «*Summis desiderantes affectibus*». Самообвинения ведьм были самые разнообразные и, по сути, невероятные. В своих признаниях они рассказывали о своих деяниях с такими подробностями, что превосходили самые фантастические вымыслы церковников; они как бы хвастались и с гордостью рассказывали о своей дьявольской силе. Одна женщина, например, похвалялась тем, что может одним магическим словом произвести страшную бурю. Суд постановил немедленно ее сжечь, чтобы она не смогла привести в исполнение свою угрозу.

Преследование ведьм переходило из одной страны в другую, из одного города в другой, заражая целые местности, опустошая целые города, истребляя целые семьи, целые роды. Чем больше людей было в каком-нибудь месте предано огню, тем больше оснований являлось для энергичной деятельности инквизиторов и тем сильнее проявлялось усердие судей — потому что тем глубже убеждались, что зараза сильно распространена в данной местности и что против дьявола необходимо действовать строже и энергичнее бороться. Каждый процесс порождал за собою множество других процессов, потому что одной из главных задач суда было вынудить признание относительно соучастников и вовлечь в дело новых обвиняемых.

Со времени появления буллы Иннокентия VIII процессы о ведьмах в течение полных трех столетий свирепствовали по всей Европе с ужасающей необузданностью. Благодаря «Молоту ведьм» и сочинениям других авторов была окончательно установлена сущность преступлений колдовства и выработана практика судопроизводства по этим процессам.

В Германии процессы о ведьмах начались позже, чем в других странах, но зато Германии принадлежит первое место по

размерам, которые приняло преследование ведьм. В Кведлинбурге насчитали в 1589 году 133 процесса; в Эльбинге в 1590 году в продолжение восьми месяцев было 65 процессов. В маленьком городке Визенбурге при одном процессе было осуждено 25 человек, в Ингельфингене — 13. Маленький городок Линдхайм, чье население составляло всего 540 жителей, отправил на костер в период с 1640 по 1651 год 30 жертв. В Брауншвейге было воздвигнуто столько костров на городской площади, что современники сравнивали это место с сосновым лесом. В течение 1590—1600 годов здесь случались дни, когда сжигали по 10—12 ведьм в день.

В 1633 году в маленьком городке Бюдингген было сожжено 64 человека, а в следующем году — 50. В городке Дибург в 1627 году было совершено 36 казней.

Магистрат города Нейссе соорудил особую печь для сжигания ведьм, в которой сожгли в 1651 году 22 женщины; во всем княжестве Нейссе в течение девяти лет было сожжено более тысячи ведьм, к которым были причислены и дети в возрасте двух — четырех лет.

В Оффенбурге (Баден), в котором преследования ведьм начались по примеру соседнего Ортенбурга, в течение трех лет было сожжено 60 человек. В оффенбургских протоколах упоминается металлическое кресло с утыканным шипами сиденьем, под которым разводили огонь. Если судить по протоколам, лишь у двоих человек использование этого замечательного изобретения не исторгло признания, причем одна из этих несчастных, женщина по имени Коттер Несс, перенесла две пытки в страшном кресле, умерла во время третьей.

В свободном имперском городе Линдхайме 1631—1633, 1650—1653 и 1661 годы примечательны особенно жестокими преследованиями ведьм. Подозреваемых бросали в ямы знаменитой «башни ведьм» (уцелевшей доныне) и непрерывно пытали до тех пор, пока они не признавались во всех смертных грехах.

В Эллингене (во Франконии) в течение восьми месяцев сожгли 65 ведьм.

В 1590 году совет города Нордлингена решил вырвать зло колдовства с корнем. Начали с поисков подозрительных лиц,

и эти поиски были так удачны, что вскоре в этом маленьком городке были сожжены 32 человека.

В католических епископствах наибольшее число осужденных за колдовство встречается во время контрреформации. В Трирском епископстве в 22 деревнях, прилегавших к Триру, с 1587 до 1593 года, во время епископства Иоанна⁵⁴, было сожжено 368 человек. В 1585 году после одного большого процесса в двух селениях уцелели только два человека. В некоторых деревнях все местные женщины подпали под обвинение в колдовстве, и в одной из них в живых после всех перипетий осталась только одна женщина.

Город Легамо приобрел себе обилием процессов против ведьм название *Nexennest* («гнездо ведьм»).

В Бамбергском епископстве начиная с 1625 года по 1630 были сожжены свыше 900 человек. Одно сочинение, изданное в 1659 году с соизволения епископа, указывает на распространение в стране колдовства и сообщает, между прочим, по поводу процессов: «Между осужденными находились канцлер доктор Горн, его сын, жена и дочери, также много знатных господ и некоторые члены совета, и даже многие лица, заседавшие с епископом за одной трапезой. Они все сознались, что их более чем 1200 человек, связанных между собою служением дьяволу, и что если бы их колдовство и дьявольское искусство не было открыто, то они сделали бы, чтобы в течение четырех лет во всей стране погиб весь хлеб и все вино, так что люди от голода съедали бы друг друга. Другие сознались, что они производили такие сильные бури, что деревья с корнем вырывались и большие здания обрушивались, и что они хотели вызвать еще более сильные бури, чтобы обрушить Бамбергскую башню, и т. д. Между ведьмами находились и девочки 7, 8, 9 и 10 лет от роду; 22 девочки были осуждены и казнены, проклиная своих матерей, научивших их дьявольскому искусству. «Колдовство, — пишет автор сочинения, — до такой степени развилось, что дети на улице и в школах учили друг друга колдовать».

Процессы тут велись с удивительною торопливостью и с полною упрощенностью судопроизводства. Подсудимые допрашивались по десять человек вместе, и их признания записывались в одном протоколе, причем для краткости они

назывались не по именам, а по номерам: № 1, 2, 3 и т. д. Сжигались они также вместе, по восемь — десять человек на одном костре.

Подобные гонения на множество лиц прошли в Вюрцбургском епископстве. В 1627—1629 годах было сожжено в одном Вюрцбурге более 200 (по одному вышедшему тогда сочинению более 900) человек всякого возраста, пола и состояния по обвинению в колдовстве. Среди них находились местные уроженцы и пришлые люди, чиновники и дворяне, пожилые женщины, девушки и несовершеннолетние дети; всякое выдающееся качество какого-нибудь человека вело его на костер. Так, например, после одного процесса в числе приговоренных к казни оказались канцлер с женой и дочерьми, член городского совета, самый толстый горожанин Вюрцбурга, два пажа, самая красивая девица Вюрцбурга, студент, говоривший на многих языках и бывший отличным музыкантом, директор госпиталя (очень ученый человек), два сына, дочь и жена городского советника, три церковных регента, четырнадцать духовных лиц, доктор теологии, чрезмерно тучная дворянка, слепая девушка, девочка девяти лет, ее младшая сестра, их мать и т. д. Массовое сжигание ведьм отмечено и в других местах епископства. В маленьком местечке Герольцхофен в одном 1616 году сожжено 99 ведьм.

В Фульде преследование ведьм свирепствовало с особенною силою — благодаря деятельности кровожадного судьи Нусса, которому были подведомственны дела ереси. В течение 1603—1605 годов в этом маленьком княжестве было сожжено свыше 350 человек. Хотя преступления колдовства здесь были подведомственны суду шёффенов⁵⁵ под председательством Нусса, но в действительности Нусс расправлялся единолично и без всякого суда и следствия приказывал хватать на улице или в домах заподозренных в колдовстве и передавать их палачу для пытки. Одну беременную женщину он велел стащить с кровати, на которой она еще не успела разрешиться от бремени, и без всяких улик пытать и сжечь вместе с новорожденным ребенком. Применение пытки было доведено у Нусса до самой ужасной, варварской жестокости. Многие умирали под пытками или вслед за нею. Многие из страха новых пыток кончали самоубийством. Жестокость

Нусса вызвала негодование даже среди шёффенов. В одной жалобе, поданной на этого бесчеловечного судью, рассказывается, например, о том, что во время пыток, проходивших под его руководством, несчастных порой в буквальном смысле разрывали на куски. Нусс был весьма изобретателен — он сам изобретал новые орудия пытки и придумывал невообразимые муки, причем не щадил ни возраста, ни пола и в особенности жестоко обращался с беременными женщинами. Как-то он похвастался, что уже сжег 700 ведьм и надеется довести это число до тысячи. Чтобы скорее достигнуть своей цели, он упростил производство следствия до последней степени: оно начиналось прямо с пытки, без всякого собирания улик, и продолжалось сколько угодно времени, пока ужасные мучения не доводили жертву до признания. Добившись от несчастной желаемого, он обыкновенно обращался к ней со следующим вопросом: «Припомни-ка, не живут ли на этой или той улице еще люди, занимающиеся колдовством? Назови их имена, не щади их, они также тебя не щадили...» В результате в руки палача попадали новые жертвы, которых также опрашивали и пытали. Дабы упростить казни, жертв сжигали обыкновенно гуртом по двенадцать — пятнадцать человек на одном костре.

При этом мужья, сыновья или другие родственники должны были оплачивать все расходы по судопроизводству и казни: в том числе платить за дрова и солому для костра, жалованье палачу, за вино и еду, которые судьи потребили во время следствия, и т. д.

Некоторым женщинам, однако, посчастливилось избежать суда Нусса путем откупа. Так, например, Себастьян Орт заплатил ему за свою жену 31 гульден; Гансу Гергету спасение жены обошлось дороже — 42 гульдена; Ганс Долер выкупил свою мать за 50 гульденов, а Иоганн Келлер не пожалел 80 гульденов за тещу. Таким образом, только за три года Нусс разбогател на 5393 гульдена.

Во второй половине XVI столетия широкие гонения на ведьм развернулись в архиепископстве Кельнском, вырывая из каждой семьи по несколько членов и проникая во все слои общества. Особенно сильно жгли в Бонне. В одном отправленном из Бонна частном письме, относящемся к тому

времени, мы читаем: «У нас сильно жгут. Нет сомнения, что половина города падет жертвой. Тут уже сжигали профессоров, кандидатов прав, пасторов, каноников, викариев и других духовных лиц. Канцлер со своей женой и жена тайного секретаря казнены. 7 сентября сожгли 19-летнюю девушку, любимицу епископа, которая считалась самою красивою, самою благонравною и благородною во всем городе. Девочки трех-четырёх лет уже считаются в связи с дьяволом. Тут сжигали уже мальчиков в возрасте от 9 до 14 лет».

В Цукмантеле⁵⁶, принадлежавшем Бреславскому епископству, находились на службе не менее восьми палачей. В 1639 году здесь сожжены 242, а в 1654 году — 102 человека, в их числе двое детей, которые были признаны детьми дьявола.

В Зальцбурге в 1679 году сожжены 97 ведьм.

В Падеборне постоянные зрелища дымящихся костров со сжигаемыми жертвами и рассказы о дьяволе и преступлениях ведьм вызвали настоящую волну безумия: женщины и молодые девушки бродили по округе и болтали почему зря, что они ведьмы, предавшиеся дьяволу, и оговаривали людей, знакомых и незнакомых, как участников шабашей и помощников дьявола. Многие из них оказались в конце концов на костре вместе с теми, на кого они указали.

В Кальве, в Вюртемберге, в 1673 году началась эпидемия среди детей. Дети в возрасте семи — десяти лет наперебой рассказывали, как ночью их возят на метлах, козлах, курицах, кошках на шабаш, где заставляют отрицать Св. Троицу. Охваченное ужасом население предалось унынию, и была назначена комиссия из теологов и юристов для исследования этого явления. Комиссия предписала зорко следить за детьми в течение всего ночного времени — не улетают ли они действительно, когда все спят. Оказалось, что дети пребывают в своих кроватях или в объятиях родителей все время, не просыпаясь и никуда не исчезая. Ввиду этого комиссия решила, что это наваждение одной ведьмы, которую и присутствовали к сожжению вместе с другими ведьмами, на которых она указала.

В обширных размерах преследования ведьм происходили в Майнцском курфюршестве и в Оденвальде. В Диебурге

в 1627 году в народных массах возникло подозрение, что колдуны в большом количестве распространились в респектабельных кругах местного общества. Возбуждение толпы против этих лиц было так велико, что судьи, испугавшись взрыва народной ярости, поспешили арестовать некоторых из заподозренных. Между прочими была арестована вдова Элизабет Падс, против которой единственной уликой служило то, что ее мать двадцать лет тому назад была сожжена как ведьма. Арестованных подвергли пыткам, и они, как водится, многих оговорили. На основании этих оговоров было привлечено к суду огромное число людей и в течение одного года казнено 85 человек. В 1629 году гонения на колдунов в Диебурге повторились, последствием которых было полное исчезновение целых семейств. Такие же опустошительные процессы происходили и в других местах. В Гроскросценбурге и Биргеле были казнены 300 человек.

Часто само население в лице городских магистратов хлопотало об искоренении распространяющейся заразы колдовства. В 1657 году магистрат города Аморбах решил энергично взяться за искоренение всех ведьм, так как они производили морозы, вследствие чего погибли все виноградники. В 1617 году города Гаденберг и Винтерберг подали курфюрсту петицию, в которой содержалась жалоба на то, что «ужасный порок колдовства усиливается до такой степени, что ему подпало также юношество». Бургомистры и советники магистратов этих городов выражали опасение, что юношество совершенно развратится и попадет в вечную гибель; посему они просили назначить специального комиссара для искоренения этого зла и предлагали в качестве такового доктора Дикмана, судью в Гезеке. Они так настаивали на своей просьбе, что вскоре к ним была отправлена специальная комиссия с предписанием представить подробный отчет о результатах расследования и указать надежных лиц из местных обывателей, которые могли бы быть опрошены относительно заподозренных. Комиссия указала на бургомистров обоих городов, при содействии которых и приступили к собиранию улик против заподозренных.

Чудовище преследования неистовствовало непрерывно, блуждая от одного города к другому. Весьма показательные

события развернулись в расположенных по соседству в районе Эслинген деревнях Мохринген и Вайхинген. Мы приведем здесь частный случай, чтобы продемонстрировать, как легко возбуждались там процессы против ведьм.

В апреле 1663 года Агнесса, жена Ганса Генше, ткача из Мохрингена, была арестована по подозрению в колдовстве и отвезена в Эслинген. Возникло подозрение после случая на крестинах, где Агнесса присутствовала в качестве гостыи. Во время застолья вдруг откуда ни возьмись появилась черная кошка и запрыгнула на стол; при этом из всех гостей одна Агнесса не испугалась и даже отпила из своего стакана, в который кошка угодила лапкой. В дом к предполагаемой ведьме явились с обыском и нашли мешочек, как предположили, с колдовским порошком, который, однако, медицинский факультет в Тюбингене признал за крахмальную муку. Но это не остановило инквизиторов, и Агнесса была подвергнута пытке. Старались следователи не зря, ибо под пыткой подозреваемая на некоторые вопросы ответила утвердительно — наивная, она надеялась, что после этого ее отпустят к мужу и детям. Когда же этого не случилось, она отреклась от признания, мужественно выдержала все высшие степени пытки и была все-таки отпущена, но с условием, что навсегда оставит страну. Она действительно уехала, но вскоре опять вернулась в Мохринген. Тогда ее снова арестовали, высекли розгами и довели до границы, предупредив, что если она осмелится еще раз вернуться, то не миновать ей костра.

В Нассау массовые преследования ведьм начались в первое десятилетие XVII века и к 1628 году достигли пика. В каждой деревне были выборные люди, которые должны были сообщать обо всех подозреваемых в колдовстве особым комиссарам, путешествовавшим для этого по стране. Скоро тюрьмы наполнились несчастными, сознавшимися под пыткой во всех ужасах сатанинских оргий. И здесь, под влиянием общего возбуждения, многие сами выдавали себя за ведьм. Одна девушка из Амдорфа призналась своему отцу, что она ведьма, и тот, совестливый человек, донес в магистрат на собственную дочь. Через десять дней девушка была казнена.

Борьба с ведьмами затянулась в Нассау на годы: пытали и сжигали повсюду. В одном маленьком Дилленбурге сожгли

35 человек, в Дриердорфе — 30, в Герборке — 90. Судя по актам, сохранившимся в государственном архиве Нассау, в Идштейне, костры пылали ежегодно на протяжении целого столетия. Ни одна женщина в этом германском герцогстве не могла быть уверена, что ее не повлекут в тюрьму, не станут пытать и не возведут на костер. Процесс, если исходить из протоколов, редко продолжался больше двух недель, так как пыткой достигали всего очень скоро. Многие умирали в темницах после пыток или вследствие жестокого обращения тюремщиков, не дожив до окончания следствия.

В Эльзасе первые костры задымались в 1570 году. В 1572—1620 годах здесь сожгли 136 ведьм, но это было только начало — массовые казни начались после 1620 года. В 1620—1635 годах в одном Страсбургском округе погибло пять тысяч человек.

Австрия в конце XVII столетия, судя по всему, также была переполнена ведьмами. В одной хронике мы находим следующее: «Достойное герцогство Штирии начиная с 1674 года перенесло чрез проклятые колдовские действия ведьм большой вред, как это удостоверяется собственными признаниями многих осужденных в Радкерсбурге, Фойтсберге, Гровлине и в других местах». И затем излагается содержание этих признаний, полных чудовищных выдумок.

В Инсбруке в 1637 году местные власти, дабы искоренение ведьм происходило самым что ни есть законным порядком, обратилось к доктору Вольперту Мозелю⁵⁷ с просьбой выработать надлежащие по этому предмету меры и правила судопроизводства — «как должно поступать с арестованными лицами и их соучастниками в колдовстве». Мозель выработал соответственные положения, руководствуясь главным образом «Молотом ведьм», но вместе с тем обнаружив некоторые гуманные взгляды. Например, по инструкции Мозеля, пытка не должна продолжаться долго, более одного часа, и никто не должен подвергаться пытке более трех раз. Если после этого подсудимый не признался, он должен быть освобожден. Вопросы о соучастниках могут быть предлагаемы лишь после того, как подсудимый сознался в своем преступлении, и т. д.

Вооружившись этой инструкцией, преследователи колдунов и колдуний взялись за дело с еще большим рвением

и к 1643 году добились того, что костры в Тироле горели едва ли не ежедневно. В архивах мы находим длинный ряд протоколов с приговорами по делам о колдовстве. Они похожи один на другой. Вот один из них: «15 апреля 1661 года. Анна Швайхоферин предалась душою и телом дьяволу, который являлся к ней в образе мужчины, по его приказанию отрицала Св. Троицу, богохульствовала и оскверняла Св. Таинства; при помощи колдовских средств умертвила ребенка и этими же средствами причинила порчу другому ребенку и т. д. За такие тяжкие и отвратительные преступления постановляется, чтобы она была посажена на повозку и отвезена к месту казни для сожжения ее на костре, причем предварительно оба плеча должны быть прижигаемы раскаленными щипцами, по одному разу каждое плечо. Но так как она обнаружила раскаяние, то постановляется оказать ей милость и отрубить ей голову мечом и потом тело ее сжечь — каковой приговор, ввиду ее слабого здоровья и преклонного возраста, был еще более смягчен, а именно она была освобождена от прижигания раскаленными щипцами».

В графстве Верденфелз (в Верхней Баварии) в промежуток между 1589 и 1592 годом было сожжено живьем после страшных пыток 48 женщин. По поводу этих процессов судебный следователь в своем отчете сожалеет, что накал преследований спадает, а иначе бы через пытки прошли бы все женщины и сколько ведьм удалось бы выявить!

В Зальцбурге в 1678 году сожжены 97 человек. Некий Кристоф фон Роцов в 1686 году приказал сжечь в своем имении в Хольстене в один день 18 ведьм.

В городе Манк в Австрии в 1583 году шестнадцатилетняя девушка Анна Шлюттербаур страдала конвульсиями, ее объявили одержимой и передали иезуитам, дабы они бесов из нее изгнали. Святые отцы весьма энергично взялись за это, но борьба с дьяволом оказалась очень упорной. Наконец, они одолели хитрости дьявола, и им удалось изгнать из тела девушки, как они точно подсчитали, аж 12 655 чертенят. После этого была подвергнута пытке ее 70-летняя бабушка Елизавета Пленахерин, которая созналась, что уже пятьдесят лет находится в связи с дьяволом, ездит на шабаш, делает непо-

годы и т. д. Ее осудили, поволокли к месту казни привязанную веревками к хвосту лошади и сожгли живую.

В Вене в 1601 году были осуждены две ведьмы, из которых одна покончила самоубийством в тюрьме, а другая умерла во время пыток; труп второй был все-таки сожжен на костре, а труп первой законопатили в бочке и бросили в Дунай, «дабы она была удалена от населения Вены».

В Венгрии в 1615 году погибло огромное число ведьм вследствие предположения, что они имеют намерение дьявольским искусством вызвать сильный град и уничтожить все посевы. Началось, как рассказывается в хрониках, с того, что одна двенадцатилетняя девочка, гуляя со своим отцом и слушая его жалобы на засуху, сказала ему, что, если он хочет, она может вызвать дождь и град, и, когда он спросил ее, кто ее научил этому, она указала на свою мать. В это время действительно разразилась страшная гроза с ливнем и градом. Отец донес об этом суду, и мать и дочь были арестованы и подвергнуты пытке. Они сознались в своем преступлении и оговорили многих других, которые тоже были привлечены к следствию. Автор хроники добавляет: «Дело было в высшей степени опасное, потому что если бы вовремя не открыли его, в короткое время не осталось бы в Венгрии от всех посевов и плодов даже следа».

В 1609 году была назначена комиссия для расследования вредоносной деятельности ведьм в Стране басков, причем в качестве командированного судьи выступал уже известный нам де Ланкр. Комиссия энергично взялась за дело и в короткое время отправила на костер 600 человек.

В герцогстве Лимбургском самые страшные гонения на ведьм отмечены в 1613 году. В Рурмонде и окрестных городах за связь с дьяволом и причинение порчи посевам и плодовым деревьям пострадали сотни женщин. Инквизиторы разъезжали по герцогству, ища везде ведьм, и в течение всего одного месяца, с 24 сентября до конца октября 1613 года, сожгли как минимум 460 ведьм. В актах инквизиции, относящихся к этим событиям, выражается желание, чтобы искоренение ведьм в герцогстве не останавливалось, а, наоборот, нарастало.

В Испании, в стране инквизиции по преимуществу, преследование ведьм осуществлялось планомерно и дольше, чем во всех других странах Европы. Это было вполне рутинным делом. Вот типичная история. В 1527 году по оговору двух девочек девяти и одиннадцати лет здесь было разом осуждено несколько десятков ведьм, которые были изобличены в колдовстве благодаря усмотренному инквизиторами в их левом глазе особому знаку.

Аналогичные события отмечены в различных частях Италии. В одном округе Комо после того, как туда был назначен в 1523 году папой Адрианом VI специальный инквизитор, взявший на себя руководство охотой на ведьм, происходило в среднем до тысячи процессов в год.

В Швейцарии инквизиция с особенной силой неистовствовала в романских кантонах, поскольку на характер уголовного законодательства здесь большое влияние оказал кальвинизм⁵⁸. По воззрениям кальвинизма, государство должно исполнять на земле Божеские законы и все то, что грешит против велений Божеских, должно в христианском государстве караться со всею строгостью человеческих законов. Поэтому всякий грех, а в особенности колдовство, как высшая ересь, должно обращать на себя преимущественное внимание уголовного законодательства и наказываться смертью. Этими воззрениями объясняется чрезвычайная строгость и жестокость, с которой происходили преследования ведьм в Женеве. В 1542 году за короткий промежуток времени было сожжено около 500 ведьм. В промежуток от 17 февраля до 15 мая 1545 года были пытаемы и казнены 34 ведьмы. В 1546 году тюремный смотритель донес городскому совету, что все тюрьмы переполнены и он не может более принимать новых заключенных. Попытки производились с ужасающей жестокостью; тех, кто не желал признаться в колдовстве, рвали на куски раскаленными щипцами, и, между прочим, тут практиковалось новация — ведьм замуровывали заживо в стену. Так, в протоколе от 2 апреля 1545 года говорится, что суд просто-таки вынужден прибегнуть к этому наказанию, ибо не видит иного способа заставить ведьму исповедовать истину. Попытки и казни следовали в таком количестве, что палач не успевал приводить

в исполнение приговоры и 5 мая 1545 года потребовал у городского совета дать ему помощников, так как сил одного человека недостаточно для исполнения лежащих на нем обязанностей.

Ненамного лучше была ситуация в других кантонах. В Берне в 1591—1600 годах сжигали в среднем по 30 ведьм в год, а всего погибло на кострах 311 женщин. В Коломбье за четыре месяца в 1613 году — 27 ведьм. В графстве Валанжен в 1607—1667 годах сожжено 48 ведьм, из этих 10 в течение одного 1619 года. В 1647 году в маленьком округе Тиль в течение двух месяцев — 11 ведьм, а в 1685 году здесь сжигали каждый день по три-четыре ведьмы. Не говоря уже о жесточайших пытках. При этом в Швейцарии существовал милый обычай: после сожжения живьем ведьмы обязательно устраивалась торжественная трапеза, в которой принимали участие весь состав суда и специально приглашенные почетные гости.

В Швеции известен ужасный процесс в селении Мора в 1669 году, в котором в качестве главных обвиняемых выступили дети. Все началось с того, что у многих детей в округе по неизвестным причинам возникали судороги и обмороки. Во время припадков детям рисовались картины, что они вместе с ведьмами летают на шабаш и сам сатана их бьет. Рассказы детей навели ужас на местное население, и в народе воображали, что во всем виноваты матери, которые «портят» этих детей. По просьбе обывателей правительство назначило специальную комиссию для расследования дела, и эта комиссия подвергла допросу около 300 детей. Показания их содержат чудовищные подробности о поездках на шабаш и происходивших там оргиях, чему, как можно догадаться, весьма способствовали допросы следователей. По рассказам детей, сатана на шабаше часто бьет ведьм и детей; иногда же, напротив, он очень милостив с ними и развлекает их игрой на арфе; будто бы иногда он болеет и любит, чтобы ведьмы за ним ухаживали и пускали ему кровь, а один раз он даже умер на короткое время. Основываясь на этих показаниях, комиссия арестовала многих женщин, и все они под пытками сознались в преступлениях, которые им инкриминировали. Самые злостные колдуньи, 84 женщины, были осуждены на смерть;

эта же участь постигла 15 детей; кроме того, 56 детей присуждены к ударам плетью.

Приговор объявили во всеуслышание, казнь свершилась, и члены комиссии, удовлетворенные содеянным и осыпанные выражениями признательности со стороны населения, вернулись к своим обычным обязанностям. А в шведских церквях еще долгое время после этого возносились благодарственные молитвы о спасении страны от дьявола.

В Англии и Шотландии преследования ведьм также достигали чудовищных размеров, в особенности в царствование Якова I. Этот король был ревностным защитником преследования ведьм и написал сочинение, посвященное демонологии⁵⁹, в котором, между прочим, полемизируя с противником охоты на ведьм Реджинальдом Скоттом⁶⁰, говорит: «Некто Скотт имел бесстыдство публично опровергать в печатном сочинении существование колдовства, подтверждая, таким образом, старинное заблуждение саддукеев⁶¹, утверждающих, будто духов не бывает». Яков I считал борьбу с дьяволом личным делом. Он вообразил себе, что дьявол преследует его, строит ему козни за усердное служение на пользу церкви и даже считает его самым злейшим своим врагом в целом свете, говоря о нем со злостью по-французски: «Il est un homme de Dieu»*. Яков I часто присутствовал при допросах ведьм и принимал самое ревностное участие в процессах.

Вскоре после восшествия его на английский престол был издан в 1603 году закон, признающий колдовство наказуемым независимо от причиненного вреда и не требующий никаких доказательств совершенного преступления. Этот закон вступил в силу в то время, когда Кок⁶² был генеральным атторнеем⁶³, а Бэкон⁶⁴ — членом парламента, и вызвал настоящий вал преследований по обвинениям в колдовстве. Надо признать, что в целом это отвечало устремлениям английского общества, и даже прогрессивный для своего времени Бэкон разделял эти взгляды; в одном из своих сочинений он говорит о «ереси, идолопоклонстве и колдовстве».

Еще активнее развернулась охота на колдунов во время республики⁶⁵, когда пуританство приобрело широкое рас-

* Он человек Божий (*фр.*).

пространение и влияние. Мрачная теология пуритан способствовала возникновению панических настроений, которые заставляли людей видеть сатанинские проявления в самых простых вещах. В Суффолке за один год за колдовство повесили 60 человек. Особенно жестокостью прославил себя Мэтью Хопкинс⁶⁶, который в качестве генерального следователя разъезжал по стране, разыскивая повсюду ведьм и предлагая свои услуги судам. Для уличения ведьм он главным образом прибегал к испытанию водой и иглой. Он отправил на костер сотни жертв и своей жестокостью до такой степени возбудил против себя народ, что в конце концов был разорван народом, после того как его самого предварительно подвергли испытанию водой⁶⁷.

В Северную Англию в 1649 году по петиции местных жителей, просивших расследовать деятельность лиц, которых народная молва заподозрила в колдовстве, был отправлен выписанный из Шотландии специалист, весьма искусный в «испытании иглой»; ему назначили плату 20 шиллингов за каждого осужденного и, кроме того, оплачивали дорожные расходы. Когда этот «следователь» в сопровождении суда приезжал в какой-либо город, магистратом вывешивалось объявление, приглашающее каждого, кто имел подозрение против какой-либо женщины, немедленно донести об этом. По этим доносам хватили женщин, приводили в ратушу и подвергали испытанию иглой. Большей частью, по удостоверению шотландского специалиста, они оказывались виновными и предавались суду для исторжения признания посредством пытки. Особенно часто здесь практиковалась пытка бессонницей. В Ньюкасле таким образом заставили признаться и осудили на сожжение 30 женщин; десятками исчислялись женщины, признанные ведьмами, в городах графства Нортумберленд, которое также посетил этот специалист. Вскоре, однако, настроения в народе, призвавшем следователя, изменились — настолько очевидна была жульническая практика шотландца, направленная лишь на то, чтобы получить 20 шиллингов за каждую жертву; «охотник на ведьм» был арестован, сам подвергнут пыткам и осужден. Однако он успел отправить на костер за весьма короткое время 220 невинных женщин.

Не случайно этот человек прибыл именно из Шотландии — там преследования ведьм были особенно свирепыми; апогея же они достигли в шестидесятых годах XVII века. В 1662 году здесь было сожжено 150 женщин. Иногда несчастных сжигали оптом. Один путешественник рассказывает, что ему пришлось в 1664 году по дороге в Лит видеть костер, на котором горели сразу девять женщин. В том же городе в 1678 году в один день сожгли девять ведьм. Очевидец рассказывает, как однажды несколько женщин, на которых уже горели волосы и одежда, вырвались с пронзительными воплями из огня, несколько мгновений с отчаянной энергией пробивались между зрителями прочь от костра, но вскоре упали на землю в предсмертных судорогах.

По некоторым сведениям, число жертв в Англии и Шотландии исчисляется тысячами. Отсюда зараза перешла в Америку, где она нашла благоприятную почву в среде крайне суеверного пуританского духовенства и набожных переселенцев из Европы.

Глава седьмая Одержимые. Бесовская эпидемия в монастырях в XVII столетии

Согласно мнению инквизиции, дьявол действует двояким образом. Или он совращает свою жертву, вступает с нею в союз, закрепляет с ее согласия связь с нею договором и сообщает ей колдовскую силу, посредством которой она, как добровольная союзница дьявола, причиняет вред и порчу людям. Или же он овладевает ею без ее ведома и помимо ее воли, вселяясь в ее тело, действуя через нее, говоря ее устами и пользуясь ею для своих богохульственных и пагубных целей. В первом случае мы имеем дело с активными ведьмами, которые виновны в преступлении колдовства и должны быть сожжены. Во втором случае — с пассивными ведьмами, которые называются одержимыми бесом, считаются невинными и подлежат исцелению посредством заклинания и изгнания поселившихся в них бесов.

Одержимыми бесом могут быть также животные и даже трупы людей, которые оживают или превращаются в ходячих мертвецов. О таких одержимых бесом упоминается еще в Ветхом Завете и Евангелии. Но особенно сильно вера в одержимость распространилась в XVII столетии. Это была болезнь века. Это тоже была своего рода эпидемия, которая расползлась по всей Европе. Большей частью она проявля-

лась в женских монастырях, где уединенный образ жизни, религиозная экзальтация и сосредоточенность на мистических представлениях способствовали развитию среди монахинь истеричности, которая и составляла сущность одержимости. Монахини одна от другой входили в чрезмерно возбужденное состояние, сходное с помешательством, и в короткое время все население монастыря «подпадало под власть дьявола». Зараза часто выходила за стены монастыря и завоевывала окрестности, а иногда и достаточно отдаленные местности. Огромные толпы женщин бились в конвульсиях, кричали, мяукали, лаяли, принимали непристойные позы, ползали и катались по полу, при этом многие из них между этими своими действиями заявляли, что одержимы бесами, и называли имена этих бесов. Священники производили заклинания, непрерывно переходя из одной церкви в другую. Но стоило победить нечистую силу в одном месте, как она тут же давала знать о себе в другом. Некоторые из священников сами делались жертвою одержимости и во время произнесения заклинаний падали на пол в судорогах, высывая язык и проделывая все те же движения, что и люди, из которых они только что изгоняли бесов.

В сочинении одного монаха, вышедшем в 1600 году, приводятся следующие признаки одержимости злым духом:

«У одержимой злым духом язык опухший, покрыт темной корой, выдается изо рта, горло также опухшее; одержимая как бы задыхается, плачет, сама не понимая о чем; с гневом отвечает на вопросы и зачастую вовсе не хочет говорить. Стискивает зубы и отказывается от пищи; обнаруживает ненависть по отношению к некоторым лицам; произносит бессмысленные слова, удручена чем-то страшным и как бы лишена всех чувств. Ударяет себя кулаком, рвет на себе одежду и волосы, дико вращает глазами, испытывает необычайный страх, от которого внезапно успокаивается. Подражает голосу различных зверей: рыканию льва, блеянию овец, мычанию быка, лаю собак, хрюканью свиньи; скрежещет зубами, изо рта идет пена и вообще ведет себя, как бешеная собака. Иногда ее насквозь пронизывает страшный зной или холод; она чувствует, что по ее телу бегают муравьи, скачут лягушки, ползут змеи, рыбы, мухи и пр. Слышит и ви-

дит сверхъестественные вещи. Когда священник кладет ей руку на голову, она чувствует то холод, то жар и кричит, если ей ставят Св. Дары на голову: “Уберите это с меня, я не могу выносить этого, мне становится дурно”. Затем она рычит, трясет головою, пытается опрокинуть Дары, раздражается на священника и присутствующих. Ненавидит все церковные предметы, чувствует ужас при виде престола и Св. таинств. Не желает смотреть на иконы и особенно на распятие, у подножия которого она сумасшедше извивается. Не произносит никаких молитв, и если хотят ее к тому принудить, то бормочет что-то непонятное; под влиянием заклинаний теряется, раздражается, рычит и отбивается. Будучи безграмотною, понимает наиболее трудные места Священного Писания и говорит на неизвестных ей языках; предсказывает будущее и творит сверхъестественные вещи».

Исцеление одержимых производится путем молитв и заклинаний. Процедура заклинания сопровождается целым рядом приемов и была церковью торжественно введена в ритуал. Формул заклинаний было очень много. Вот одна из таких, взятая из «Молота ведьм»:

«Изыди, злой дух, полный кривды и беззакония; изыди, исчадие лжи, изгнанник из среды ангелов; изыди, змея, супостат хитрости и бунта; изыди, изгнанник рая, недостойный милости Божией; изыди, сын тьмы и вечного подземного огня; изыди, хищный волк, полный невежества; изыди, черный демон; изыди, дух ереси, исчадие ада, приговоренный к вечному огню; изыди, негодное животное, худшее из всех существующих; изыди, вор и хищник, полный сладострастия и стяжания; изыди, дикий кабан и злой дух, приговоренный к вечному мучению; изыди, грязный обольститель и пьяница; изыди, корень всех зол и преступлений; изыди, изверг рода человеческого; изыди, злой насмешник, полный лживости и возмущения; изыди, враг правды и жизни; изыди, источник несчастий и раздоров; изыди, бешеная собака, подлая змея, дьявольская ящерица; изыди, ядовитый коршун, дракон, полный злых козней; изыди, лакей сатаны, привратник ада; изыди, козел, страж свиней и вшей; изыди, зараженное страшилище, черная ворона, рогатая гадина; изыди, лжец коварный, поганый, зачумленный...» и т. д.

Другая формула, более короткая, гласила так:

«О, ты, душегубец окаянный, дьявол, несчастный дух, искушитель, лжец, еретик, пьяница, безумец! Заклинаю тебя, именем Господа нашего, выйти немедленно из этого человеческого тела; скройся в пучинах морей или исчезни в бесплодных деревьях или в пустынных местах, где нет ни одной христианской души, куда ни один человек не может вступить, и там пусть уничтожит тебя небесный огонь; изыди, проклятый змий, ступай, спеши и, оставляя это Божие создание, не делай ему вреда, ни ему, ни кому другому, провались в преисподню ада и оставайся там до дня Страшного суда».

Первое такое массовое помешательство отмечено в 1610 году в Провансе, в Эксе, в монастыре урсулинок. У двух монахинь начались странные припадки, которые внушили всем уверенность, что эти монахини одержимы дьяволом. Над ними — с целью изгнать дьявола — были прочитаны заклинания, но безуспешно. Одна из монахинь, Луиза Капо, призналась, что в ней сидят три дьявола: Веррин, добрый дьявол, католик, легкий, один из демонов воздуха; Левиафан, злой дьявол, любящий рассуждать и протестовать, и, наконец, третий дьявол — дух нечистых помыслов; кроме того, она заявила, что чародей, наславший на нее этих дьяволов, — патер Луи Гофриди, бывший в то время приходским священником церкви Нотр-Дам дез Аккуль. Другая монахиня, Мадлен де ля Палю создалась в том, что Гофриди испортил и ее своими чарами, а также наслал на нее целый легион демонов — общим число 6666.

Инквизитор Михаэлис, которому обе монахини были переданы для заклинаний, донес на чародея Гофриди прованскому парламенту. Несмотря на защиту, которую Гофриди имел в лице марсельского епископа и всего духовенства, он был арестован и предан суду. «Во время заклинания, — сообщил Михаэлис следователям, — Вельзевул продолжал терзать Мадлен, то с силою бросая ее на живот, то опрокидывая на спину; три или четыре раза он принимался душить ее. За обедом демоны продолжали истязать ее, пригибая ей голову к земле, а за ужином они ее пытали в течение целого часа, выворачивая ей руки и ноги с такой силой, что у нее кости трещали и все внутренности переворачивались; окончив истяза-

ния, они погрузили ее в такой глубокий сон, что она казалась мертвой». Луиза Капо показала, что Гофриди хотя делает вид, что не ест мясной пищи, но на самом деле наедается до отвала мясом маленьких детей, которых он душит сам или выкапывает из могил. Мадлен, на которую сильно действовал бред Луизы, разразилась против Гофриди проклятиями и обвинила его в разных преступлениях — между прочими в том, что он ее обольстил.

Несчастный священник клялся именем Бога и святых, что все обвинения ложны, но ему не поверили, посчитав, что связь между его чародейством и дьяволами, которыми одержимы монахини, вполне установлена благодаря услышанным показаниям. Его подвергли пытке, чтобы добиться признания. Гофриди понял, что это конец, и мужество его покинуло — он сознался во всех преступлениях, в которых его обвиняли. Он сообщил, что дьявол посещал его часто; обыкновенно он поджидал сатану у дверей церкви, а пообщавшись с ним, заражал женщин ядовитым дыханием, сообщенным ему Люцифером; так он и заразил до тысячи женщин. «Признаюсь и в том, — говорил он, — что, когда я желал отправиться на шабаш, я становился у открытого окна, через которое являлся ко мне Люцифер, и вмиг переносился на сборище, где я оставался два, три, а иногда и четыре часа». На теле Гофриди нашли в трех местах «печать дьявола» — туда вонзали иглу, и он не чувствовал никакой боли, и кровь не текла. После этого виновность священника уже не подлежала сомнению, и 30 апреля 1611 года его сожгли в Эксе, предварительно отрешив от сана. Перед тем как возвести Гофриди на костер, палач подвел его к главному входу в церковь, где он должен был публично каяться и просить прощения у Бога, короля и правосудия.

Громкую известность получила история, случившаяся в 1631 году в монастыре урсулинок в Лудене. Она вызвала общее волнение во всей Франции, благодаря процессу Урбана Грандье, павшего жертвой показаний истеричных монахинь. Процесс этот похож на процесс Гофриди, но размах его был значительно шире. Та же драма, основанная на показаниях полусумасшедших монахинь, обвиняющих священника в том, что он их околдовал; та же процедура изгнания

и заклинаний бесов и суда над виновником бесовских наваждений — несчастным духовником одержимых.

Община урсулинок в Лудене состояла из женщин самых аристократических фамилий. Настоятельница монастыря Жанна де Белциер вообразила себе, что она одержима бесом, который является к ней по ночам в двух образах — в виде недавно умершего духовника монастыря и в виде духовника другого монастыря, аббата Урбана Грандье. Вскоре все остальные сестры стали видеть такие же видения. Приступили к заклинанию духов, но во время заклинания галлюцинации одержимых еще более усилились: они ложились на пол, ползали на животе, высовывали язык, который делался совсем черным, выпускали крики, мяукали, лаяли и бессвязно бредили. В бреду каждая рассказывала о своем дьяволе, какой он имеет вид, что он делает с нею, что говорит, при этом они произносили богохульственные речи, поносили Бога и святых. Некоторые из них впадали в каталептическое состояние и блуждали как сомнамбулы.

Вот описание одного из этих заклинаний, которое мы приводим со слов одного из тех, кто изгонял бесов в Лудене: «Однажды начальница пригласила отца Сюрена отслужить молебен св. Иосифу и просить его защиты от демонов на время говенья. Заклинатель немедленно выразил свое согласие, не сомневаясь в успешности чрезвычайного молитвословия, и обещал заказать мессы с той же целью и в других церквях; вследствие этого демоны пришли в такое бешенство, что в день поклонения волхвов стали терзать игуменью. Лицо ее посинело, а глаза уставились в изображение лика Богородицы. Был уже поздний час, но отец Сюрен решился прибегнуть к усиленным заклинаниям, чтобы заставить демона пасть в страхе перед Тем, Кому поклонялись волхвы. С этой целью он ввел одержимую в часовню, где она принесла массу богохульств, пытаясь бить присутствующих и во что бы то ни стало оскорбить самого отца, которому наконец удалось тихо подвести ее к алтарю. Затем он приказал привязать одержимую к скамье и после нескольких воззваний повелел демону Исаакаруму пасть ниц и поклониться младенцу Иисусу; демон отказался исполнить требование, изрыгая страшные проклятия. Тогда заклинатель пропел

“Magnificat”⁶⁸, и во время пения “Gloria Patri”⁶⁹ и т. д. эта нечестивая монахиня, сердце которой действительно было переполнено злым духом, воскликнула: “Да будет проклят Бог Отец, Сын, Святой Дух, св. Мария и все небесное царство!”

Демон еще усугубил свои богохульства, направленные против Св. Девы во время пения “Ave maris stella”⁷⁰, причем сказал, что не боится ни Бога, ни Св. Девы, и похвалялся, что его не удастся изгнать из тела, в которое он вселился... Его спросили, зачем он вызывает на борьбу Всемогущего Бога. “Я делаю это от бешенства, — ответил он, — и с этих пор с товарищами не буду заниматься ничем другим”. Тогда он возобновил свои богохульства в еще более усиленной форме. Отец Сюрень вновь приказал Исаакаруму поклониться Иисусу и воздать должное как Св. Младенцу, так и Пресвятой Деве за богохульственные речи, произнесенные против них... Исаакарум не покорился. Последовавшее вслед за тем пение “Gloria” послужило ему только поводом к новым проклятиям на Св. Деву. Были еще делаемы новые попытки, чтобы заставить демона Бегемота⁷¹ покаяться и принести повинную Иисусу, а Исаакаруму — повиниться перед Божьей Матерью, во время которых у игуменьи появились столь сильные конвульсии, что пришлось отвязать ее от скамьи. Присутствующие ожидали, что демон покорится, но Исаакарум, повергая ее на землю, воскликнул: “Да будет проклята Мария и плод, который она носила!” Заклинатель потребовал, чтобы он немедленно покался перед Богородицей в своих богохульствах, извиваясь по земле, как змей, и облизывая пол часовни в трех местах. Но он все отказывался, пока не возобновили пения гимнов. Тогда демон стал извиваться, ползать и кружиться; он приблизился к самому выходу из часовни и здесь высунул громадный черный язык, принялся лизать каменный пол с отвратительными ужимками, воем и ужасными конвульсиями. Он повторил то же самое у алтаря, после чего выпрямился и, оставаясь все еще на коленях, гордо посматривал, как бы показывая вид, что не хочет сойти с места; но зачинатель, держа в руках Св. Дары, приказал ему отвечать. Тогда выражение лица его изменилось и стало ужасным, голова откинулась совершенно назад, и послышался сильный голос, произнесенный как бы из глубины груди: “Царица Неба и земли, прости!”»

Между прочим, духовник Миньон перед изгнанием беса из тела настоятельницы подвергнул беса тщательному допросу на латинском языке. Вопросы духовника и ответы дьявола были следующие:

Вопрос: Propter quam causam ingressus es in corpus hujus virginis?

Ответ: Causa animositatis.

Вопрос: Per quod pactum?

Ответ: Per flores.

Вопрос: Quales?

Ответ: Rosas.

Вопрос: Quis misit?

Ответ: Urbanus.

Вопрос: Die cognomen?

Ответ: Grandier.

Вопрос: Die qualitatem!

Ответ: Sacerdos.

Вопрос: Cujus ecclesiae?

Ответ: Sancti Petri.

Вопрос: Quae persona attulit flores?

Ответ: Diabolical⁷².

Урбан Грандье не был монастырским духовником, но он был известен в обители урсулинок, так как возбуждал много толков о себе благодаря своему уму, красноречию и красивой наружности. Кроме того, он сделался популярен своей оппозицией высшим церковным властям и памфлетом, направленным против кардинала Ришелье.

Слухи об одержимых в Лудене распространились по всей Франции. Многие приезжали из Парижа, Марселя, Лилля и других городов, чтобы посмотреть деяния дьяволов. Брат короля Гастон Орлеанский прибыл специально, чтобы видеть одержимых и присутствовать при процессе изгнания. Во время одного из таких процессов случился любопытный случай: отец Сюрен, производивши изгнание, сам сделался одержимым и вместе с заклинаемыми катался по полу в конвульсиях и судорогах и кричал, что дьявол Исаакарум проник в него. Граф Орлеанский тоже присутствовал при настоящем спектакле: монахини и сама настоятельница катались по полу, принимали самые неприличные позы, делали смеш-

ные движения, высовывали языки, кружились вокруг церкви и при этом произносили ужасные богохульства. На основании показаний монахинь молва продолжала обвинять во всем этом аббата Грандые, который заключил союз с Асмоем. Нашли даже письмо к нему, подписанное Асмоем (оно хранится теперь в Париже, в Национальной библиотеке Франции), в котором Асмодей дает обещание мучить сестер урсулинок в Лудене, в особенности одну из них, настоятельницу де Белциер.

Ришелье, желая положить конец этому делу, послал в Луден специального комиссара де Лобардена, снабдив его самыми неограниченными полномочиями. На другой день по прибытии в Луден Лобарден приказал арестовать Грандые.

Священник был брошен в тюрьму, и над ним начали следствие. Изгнания и заклинания бесов, засевших в монахинях, между тем продолжались. По просьбе Грандые, а также чтобы уличить его очной ставкой с одержимыми, ему разрешили самому производить изгнание. Его привели в церковь, где были собраны все одержимые, и в присутствии огромной толпы, собравшейся по этому экстраординарному случаю, Грандые приступил к делу. Но тут случилось нечто невероятное: одержимые при виде Грандые, произносящего священные слова заклинания, пришли в неопиcуемый раж — испускали ужасные крики, катались по полу, прыгали, извергая пену и произнося самые страшные богохульственные слова. Затем они окружили бедного Грандые и стали его рвать, кусать, потащили по полу, так что его еле вырвали живым из их рук и отвели в тюрьму.

Через несколько дней собрался суд, и 18 августа 1634 года Грандые осудили на сожжение живым, но прежде он был подвергнут самым ужасным пыткам, чтобы добиться от него признания. Когда читаешь рассказ одного из присутствовавших об этих пытках, волосы становятся дыбом — до того они были бесчеловечны. В поисках на его теле «чертовой печати» ему оторвали ногти с пальцев рук и ног и искромсали кости ног, так что из них сочился мозг... Так как ноги были раздроблены и идти он не мог, то его поволокли к месту казни на повозке завернутым в солому. По дороге, перед главным входом в церковь, Грандые стащили с повозки и заста-

вили его просить прощения у Бога, короля и правосудия. По прибытии на место казни его положили на костер и еще раз прочли ему приговор. Площадь была покрыта густою толпою народа, собравшегося со всех окрестностей, чтобы присутствовать при казни колдуна. Несчастный пробовал обратиться к народу с речью. Тогда окружавшие костер монахи стали бить его палками и распятиями. Наконец один из них схватил факел и зажег костер. Медленный огонь охватил тело несчастного Грандье, которое в предсмертных корчах скоро покрывлось густым дымом и превратилось в пепел...

Сохранился рисунок, изображающий казнь Грандье, со следующей наивной надписью: «Урбан Грандье, священник, был родом из Мэна и волшебником по профессии. Девять лет тому назад он сделался волшебником и тогда же был помечен Асмодеем, демоном прелюбодеяния, клеймом в форме кошачьей лапы, в четырех местах на теле. Дьявол дал Грандье следующие обещания: первое, что он его сделает самым красноречивым оратором, и действительно Грандье говорил на диво; второе, что он предоставит ему в пользование самых красивых и важных девиц Лудена; третье, что он даст ему красную шапку; но дьявол подразумевал под красной шапкой не кардинальскую, а огненную, от которой Грандье не ушел и которую он вполне заслужил».

Страшные припадки монахинь, вызванные луденскими бесами, не прекращались, однако, и после сожжения колдуна Грандье. Урсулинки продолжали бесноваться. Хуже того: зараза перешла на мирян города и распространилась далеко по окрестностям Лудена до соседнего города Шинона, где демонические припадки стали появляться у многих дам и девиц. Во всех церквах служились мессы и производились заклинания.

Луденская драма поразила многие умы; в особенности она сильно подействовала на лиц, участвовавших в ней. Отец Сюрен и другие заклинатели луденских бесов лишились рассудка, вообразив, что в них поселились бесы, и кончили жизнь в конвульсиях и судорогах.

Спустя несколько лет после луденской истории, в 1642 году, то же самое повторилось в монастыре Св. Елизаветы в Лувьере. Как в Лудене, монахини здесь впали в странное

состояние: кружились, прыгали, кричали, богохульствовали, причем богохульство доходило до того, что они плевали на образа и на крест. Один из теологов той эпохи, Исаак Лебресон, который видел их и которому приходилось заклинять их, описывает их следующим образом: «Эти восемнадцать сестер обнаруживают странный ужас при виде Св. Даров: они делают гримасы, высовывают язык, плюют и произносят самые нечистые богохульственные слова. Они богохульствуют и отрицают Бога более ста раз в день, с бесстыдством и смелостью удивительными. Несколько раз в день они приходят в особый раж, во время которого они имеют конвульсии и делают странные движения, сворачиваются в виде кружка, приставляя ноги к голове, и в особенности этот раж усиливался во время заклипания». У некоторых из них были также галлюцинации: одна видела черную голову без туловища и членов, которая целую ночь на нее смотрела; другая имела беспрестанно перед глазами демона, который ее искушал, сопровождал повсюду, насмехаясь над нею — над всем, что она делала и говорила.

Чтобы дать представление о происходившем, приводим описание, сделанное собственноручно одною из одержимых сестер монастыря Св. Елизаветы, Мадлен Бавен.

Она призналась, что дьявол вступил в монастырь по предложению покойного духовника, отца Пикара, по настоянию которого она заключила договор с дьяволом, посещала шабаш, убивала маленьких детей и т. д.

По совету патера Демаре она изложила свою историю в рукописи, которая была этим патером в 1652 году издана в свет.

Вот некоторые места из этой книги: «Однажды Пикар, давая мне причастие у решетки, дотронулся пальцем до моей груди, выше нагрудника и, вместо обычных по требнику слов, сказал мне: “Вот ты увидишь, что с тобою случится”. Действительно, охваченная внутренним волнением, я вынуждена была выйти в сад и села там под тутовое дерево. Тогда ко мне явился дьявол в образе домашнего кота и, положив задние лапы мне на колени, а передние на мои плечи, приблизил свою морду к моему рту и, смотря на меня ужасным взглядом, казалось, хотел высосать из меня причастие. Сде-

лал ли он это — я не знаю. Следующую ночь я услышала голос, похожий на голос монахини, который звал меня. Я встала, направилась к дверям моей кельи и вдруг почувствовала себя унесенной — не знаю ни кем, ни куда. Я потеряла сознание и очнулась в каком-то неизвестном мне месте, где находилось много священников и монахинь, в том числе и Пикар». Потом она рассказывает подробности происходивших на шабаше сборищ: «Я никогда не могла узнать, каким образом меня туда переносили. Но нет сомнения, что это было по приказанию Пикара. Если бы даже мне захотелось теперь побывать на шабаше, для меня это невозможно; я даже не знаю, как к этому приступить. Впрочем, меня приносили обратно совершенно одинаковым образом, и часа полтора или даже три спустя я опять оказывалась в своей келье и ложилась в постель. Место, где происходило сборище, мне неизвестно. Я даже не подметила никаких особенностей, только мне кажется, что помещение скорее тесное, чем обширное, что там нет места, где можно было бы сесть, и что оно освещалось свечами. Я там видела преимущественно священников и монахинь, весьма редко мирян. Бесы там очень часты, то в виде полулюдей или полуживотных, то просто в образе людей, и Пикар, возле которого я находилась, указывал мне на них. У престола священники служат обедню с богохульственными книгами. Что касается облатки, освящаемой во время службы, то она показалась мне схожей с той, которую употребляют в церквах, только она имела рыжеватый оттенок; я могу о ней говорить, так как мне случалось там приобщаться. Там также бывает возношение Даров, и в это время я слышала самые гнусные богохульства. Когда там ели, то только человеческое мясо, но это бывало редко. В Чистый четверг я видела ужаснейшую тайную вечерю: принесли целого изжаренного ребенка и он был съеден присутствующими. Я не могу достоверно сказать, пробовала ли я его или нет. Я говорила своему духовнику, что, кажется, я начала есть, но сейчас же оставила, потому что мясо показалось мне слишком пресным. Два каких-то важных человека были приведены на сборище: одного из них, совершенно голого, привязали к кресту и прободили ему бок, отчего он немедленно умер; другого же привязали к столбу и выпотрошили ему внутренности» и т. д.

На основании показаний этой безумной монахини было возбуждено обвинение в колдовстве против Булье, духовника монастыря, как сообщника покойного Пикара, которому к тому времени уже посчастливилось умереть. Обвинение основывалось на том, что на нем нашли печать дьявола, а также на показаниях Мадлен Бавен, которая видела его на шабаше чинящим непристойности и гнусные святотатства, и других монахинь, утверждавших, что он — властелин поселившихся в них демонов; важным пунктом обвинения стало и то, что с Булье случались нервные припадки, когда он служил обедню; кроме того, он читал какую-то книгу с закопченным переплетом и т. д.

Булье подвергли ужасной пытке и, хотя он ни в чем не сознался, приговорили к смерти. Вот приговор, постановленный в Руане парламентом 21 августа 1647 года: «Суд объявил и объявляет Метьюрена ле Пикара и Тома Булье вполне уличенными в чародействе, колдовстве и других нечестивых деяниях, обращенных против Божией власти. В наказание и воздаяние за таковые преступления суд приговорил: названного Булье вместе с телом названного Пикара, передав исполнителю уголовных приговоров, провезти по улицам и площадям города в тележке, доставить названного Булье к главной паперти соборной церкви Богоматери, где он должен с обнаженной головой и босой, в одной рубашке, с веревкой на шее и зажженной двухфунтовой свечой в руках, принести покаяние и просить прощения у Бога, короля и правосудия; после чего доставить его на площадь старого рынка и там сжечь живого, а тело названного Пикара также сжечь, пока трупы их не превратятся в пепел, который рассеять по воздуху».

Приговор был приведен в исполнение 22 августа 1647 года. Булье связали с разложившимся трупом Пикара и протащили в таком виде по улицам Руана, а затем сожгли на той самой площади, где погибла Жанна д'Арк.

Глава восьмая

Реакция против преследования ведьм

Еще в XVI столетии, в самый разгар гонений на ведьм, время от времени стали раздаваться протестующие голоса против безумия, охватившего всю Европу и стоившего жизни стольким тысячам женщин. Голоса эти были слабые, робкие, побуждаемые более жалостью и состраданием к несчастным жертвам, чем уверенностью в их невинности, более возмущенные бесчеловечной жестокостью судей и палачей, чем убежденные в безумии своего века.

Удивительное, беспримерное в истории заблуждение, господствовавшее над умами в течение целых четырех столетий, подчинившее себе здравый смысл, чувство человечности, правосудие, науку, философию, имело слишком глубокие корни и обуславливалось слишком сложными и разнообразными причинами, чтобы реакция против этого заблуждения могла обнаружиться смело и энергично. Притом нужно было иметь много мужества, чтобы возвысить голос против преследования колдовства в то время, когда одно сомнение в существовании дьявола и ведьм признавалось высшей степенью ереси и соединялось для выразившего чем-либо такое сомнение с опасностью подпасть под обвинение в сношении-

ях с дьяволом. Поэтому те немногие, которые сомневались в действительности колдовства и возмущались бесчеловечным преследованием ведьм, весьма осторожно решались выступить против заблуждения своего века и в защиту несчастных жертв инквизиторского мракобесия.

Первым, кто осмелился выступить с протестом против преследования ведьм, был Корнелий Агриппа Неттесгеймский, адвокат из Меца. В своем сочинении «*De occulta philosophia*» («О тайной философии», 1531), где развивались взгляды, изложенные им в предшествующем сочинении «*De incertitudine et vanitate scientiarum*» («О тщете наук», 1527), Агриппа обнаруживает скептическое отношение ко многим воззрениям своего времени, и в числе прочих к магии и колдовству. За это, хотя он прямо не выступил против преследования ведьм, Агриппу тем не менее заподозрили в сношениях с дьяволом и посадили в тюрьму. Впрочем, не найдя достаточных доказательств вины, его через некоторое время выпустили, но, видимо, заключение сильно подорвало его здоровье: оказавшись на свободе, ученый вскоре умер. Распространялись слухи, что перед смертью у него из затылка вышла черная собака, облик которой принял дьявол — его и объявили причиной гибели Агриппы.

Надо признать, что сочинения Агриппы остались без всякого влияния на его время, но он оставил после себя ученика, который первый высказал громкий протест против повального безумия. Это — Иоганн Вейер. После многих преследований и приключений Вейер водворился в качестве придворного врача при дворе герцога Вильгельма IV в Дюссельдорфе и тут, под покровительством герцога и при его содействии, энергично боролся против инквизиторов и преследования ведьм. В 1563 году вышла его книга «*De praestigiis daemonum et incantationibus ac veneficis*» («Об обманах демонов, заклинаниях и волшебных зельях»), выдержавшая в короткое время шесть изданий и приобретшая большую популярность. В этой книге Вейер с энергией и смелостью вооружается против бесчеловечного преследования ведьм и доказывает несправедливость этих обвинений и абсурдность приемов, практикуемых в процессах. Но Вейер все-таки не отрешается вполне от верований своего века и не отрицает существо-

вания дьявола и возможности причинения им вреда людям. Он старается только очистить это верование от грубых представлений своих современников о непосредственных телесных сношениях между дьяволом и человеком, объясняя многие из обвинений ведьм естественными причинами; вместе с тем он призывает палачей пыток и костров к мягкосердечности и человечности. По мнению Вейера, «ведьмы — это большею частью слабые, старые, не вполне разумные женщины; ими, когда они отягчены горем или недомоганием, овладевает бестелесный дух или дьявол, который путем ослепления и наваждения так сильно внушает им, что они причинили людям всякого рода несчастья, вред и порчу, что они начинают верить в действительность всего этого, между тем как они совершенно невинны». Вейер, таким образом, считает все преступления колдовства произведением фантазии и объясняет их своего рода галлюцинацией, исходящей от дьявола, помимо воли обвиняемых и без всякого договора между ними и дьяволом.

Поэтому Вейер считает преследование ведьм несправедливостью и в предисловии к своему трактату обращается с горячим воззванием к государям Европы, чтобы они остановили пролитие невинной крови. «Безумные, бедные женщины, — говорит Вейер, — одержимые злым духом, которых без пощады бросают в темную мрачную тюрьму, мучают под пытками, осуждают на смерть и сжигают на костре, оказываются виновными единственно на том основании, что они сознались в своих мнимых преступлениях. Только этим порядком судопроизводства объясняется то, что многие несчастные предпочитают один раз умереть в огне, чем много раз переносить бесчеловечные мучения пытки. И бессердечные судьи и палачи не хотят понимать, что часто проливается невинная кровь и что несчастные себя обвиняют только благодаря ужасным мучениям пытки. Ибо если какая-либо из них не сознается и испускает дух под страшными пытками или решается в отчаянии на самоубийство в тюрьме, то судьи объясняют это тем, что дьявол свернул им шею, для того чтобы помешать им признаться и подвергнуться публичной казни».

Сочинение Вейера произвело сильное впечатление, оно было признано в числе запрещенных книг первого разря-

да в списке Тридентского собора⁷³, а он сам был обвинен в колдовстве и принужден бежать из Дюссельдорфа в Мекленбург, где он нашел защиту у графа Бентхайма. Сразу же по выходе эта книга возбудила горячую полемику со стороны теологов и юристов, защитников гонений на ведьм. Одним из его наиболее ярых оппонентов был Боден, которого мы выше цитировали. Он не находит слов, чтобы выразить удивление и негодование, которые вызвала в нем книга Вейера. Он называет ее сплетением «ужасающих богохульств». «Ни один человек, сколько-нибудь дорожающий почтением к Богу, не может читать таких богохульств без справедливого гнева. Вейер не только осмелился опровергать приговор столь многих честных судей, не только пытается спасти тех, кого Св. Писание и голос церкви заклеил как худших из преступников, но осмелился публиковать заклинания ведьм. Кто может без сокрушения подумать о будущности христианства после таких страшных книг? Кто усомнится, что рассеянное таким образом знание умножит в несметной степени число ведьм, громадным образом увеличит силу сатаны и произведет бесконечные страдания для невинных. При таких обстоятельствах необходимо не только не ослаблять преследования за волшебство и колдовство, а, напротив, продолжать их с удвоенной энергией». Боден требовал казни всех тех, которые пишут подобные книги, потому что они прощают колдунов, а человек, дающий человеку, заслуживающему смерти, возможность избежать ее, навлекает наказание на себя самого.

Еще один оппонент Вейера, фанатик Бартоломео де Спи-на⁷⁴, пишет по поводу его книги: «Зараза колдовства в настоящее время так сильна, что, как признались многие ведьмы, недавно сатана на одном из сборищ ведьм сказал им следующее: будьте утешены, пройдет немного лет и вы будете торжествовать над всеми христианами, ибо дела дьявола обстоят благополучно благодаря Вейеру и его последователям, которые утверждают, что все это — плод воображения, и нападают на инквизиторов, и покровительствуют ведьмам, и оправдывают их дела. Если бы не Вейер, отцы инквизиторы в скором времени искоренили бы всю секту дьявола»⁷⁵.

Сатана, однако, преувеличивал значение Вейера и влияние его сочинения на преследование ведьм. Напротив, книга Вейера вызвала еще более яростную борьбу с дьяволом, и конец XVI столетия в особенности изобилует процессами о ведьмах во всех странах Европы, где еще в течение двух столетий костры не переставали дымиться.

В числе теологов, выступавших с протестом против способов ведения процессов о ведьмах, следует упомянуть Адама Таннера⁷⁶, состоявшего в течение четырнадцати лет профессором теологии в Инсбрукском университете. В своем сочинении «*Universa theologia scholastica*» («Универсальная теология»), вышедшем в 1626 году, Таннер посвящает несколько глав обширным рассуждениям о дьяволе и дьявольской силе на земле. Таннер допускает возможность нанесения вреда человеку со стороны дьявола непосредственно или через ведьм, но лишь под условием соизволения Божия. Он считает необходимым преследование ведьм, и, хотя «из опыта судей и из признания самих ведьм известно, что преступление это одними уголовными процессами, как бы они ни были строги, не уничтожается, даже едва уменьшается, но все-таки процессы эти необходимы, как для удовлетворения справедливости, так и для подавления соблазна». Он считает преступления колдовства крайне тяжкими. «Ясно, что чародеи и ведьмы не только суть нечестивцы и хулители Бога и религии, но и худшие из всех и самые вредные враги человеческого спасения. Это преступление по природе своей заразительно; подобно ереси, оно ползет, как рак, и постоянно старается многих увлечь в свое сообщество; тайно и изменнически, в уединенных местах, большею частью в ночное время и без всяких свидетелей, которые могли бы видеть преступление, и притом с постоянным усердием, совершает оно обыкновенно свою работу. Все это совершенно убеждает в том, что обыкновенный процесс для расследования и наказания этого преступления не может иметь места и не могут быть освобождены от тяжелого греха те из начальствующих лиц, которые по беспечности не обращают внимания на этого рода преступления; также не должны быть терпимы те, которые отрицают большую часть этого рода преступлений ведьм, в частности телесное превращение и сообщение с дьяволом».

Таким образом, Таннер не только признает возможность вреда со стороны дьявола и ведьм, действующих его силой, но считает преступления колдовства самыми тяжкими и процессы против ведьм крайне необходимыми. Но, разделяя, в принципе, все воззрения своего времени и являясь вполне сыном своего века, Таннер вместе с тем обнаруживает весьма гуманные взгляды. Он требует, чтобы следствие велось сообразно с указаниями законов и чтобы те процессы, которые будут не согласны с последними, считались недействительными. В особенности следует остерегаться, чтобы не пострадали невинные; по его мнению, лучше отказаться от преследования действительно виновных, если среди них должен пострадать невинный. При этом он предупреждает обычное возражение, что Бог не позволит, чтобы невинные погибли вместе с виновными, и говорит, что такое мнение — заблуждение, что доказывается многими фактами. Он настаивает на необходимости давать обвиняемым самую широкую возможность оправдаться; требует, чтобы не применяли пытку к тем, которые добровольно сознаются в вине, и чтобы, с другой стороны, не доверяли признаниям, вынужденным мучениями пытки. Далее Таннер возражает против мнения тех, которые полагают, что в процессах против ведьм многое должно быть оставлено на личное усмотрение судьи на том основании, что в таком темном и исключительном по своей важности деле, как колдовство, трудно установить ясные объективные доказательства. По мнению Таннера, напротив, в таких важных процессах необходимо сколь возможно точно определить в законах все, что относится к этого рода преступлениям, и как можно меньше оставлять на произвол судьи, — и в виде доводов Таннер ссылается, между прочим, на то, что иногда сами судьи недостаточно умны и опыты, чтобы можно было ручаться за правильность их суждения, что в делах этих, сопровождаемых сложными обстоятельствами, между самими судьями часто бывают разногласия, если нет прямых указаний закона, и что предоставляемая судьям свобода переходит нередко свои пределы. Таннер говорит, что в ряду улики может быть и донос, но не следует доносам давать столько веры, чтобы на основании их тотчас же хватать и пытять оговоренных.

С нашей современной точки зрения, нельзя не видеть, как, в сущности, робок и слаб этот протест Таннера. Но для своего времени и это было слишком смелой ересью, и Таннер за свои рассуждения о колдовстве навлек на себя преследование по обвинению в колдовстве и сношениях с дьяволом. Когда он умер, его тело лишили погребения по христианскому обряду, что в то время считалось страшным наказанием.

В 1631 году в протестантском городке Ринтельн появилась анонимная книга под заглавием: «*Cautio criminalis seu de processibus contra Sagas Liber*» («Меры против преступлений, или Процессы против ведьм»), которая по силе и горячности протеста превосходила все, что до тех пор было высказано в защиту невинных жертв преследования. В короткое время она разошлась в нескольких изданиях и произвела поразительное впечатление. Имя автора стало известно только спустя долгое время после его смерти. Это был Фридрих фон Шпее, красноречивые и горячие слова которого мы уже выше цитировали. Шпее девятнадцати лет от роду вступил в орден иезуитов, где он выделился своими знаниями и ревностью и, как уже говорилось, был в 1627 году назначен духовником в Бамберге и Вюрцбурге. Это была эпоха наибольшего расцвета гонений, и жители этих двух католических городов показали себя едва ли не самыми яркими преследователями несчастных. Шпее был очевидцем многих казней, и ему, как исповеднику, пришлось выслушать много рассказов осужденных, быть свидетелем ужасных сцен и видеть всю массу горя, страданий и мучений, которые распространяло повсюду страшное чудовище преследования с его процессами, пытками, кострами... Посещая несчастных в тюрьме, присутствуя на их истязании во время пыток и сопровождая их на костер, Шпее предавался тяжелым размышлениям о пролитой невинной крови, и благородная душа его изнывала под гнетом сострадания к несчастным жертвам инквизиторской жестокости. Один из его друзей, Иоганн Филипп фон Шёнборн⁷⁷, рассказывает, что он еще в молодом возрасте посещал, и на вопрос о причине Шпее ответил ему, что это пришло ему от ведьм, которых он сопровождает на костер, и от их признаний при исповеди, из которых он убедился, что все они невинные и что их невинно пролитая кровь вопиет к Богу.

Шпее не решается восстать против самого принципа преследования ведьм и не отрицает существования дьявола и необходимости преследования ведьм. «Cautio criminalis» изложена в виде вопросов или «dubia*», на которые Шпее дает ответы. На первый вопрос: существуют ли ведьмы? — Шпее отвечает утвердительно. В третьем вопросе Шпее спрашивает, каково преступление ведьм, — и отвечает: «Огромнейшее, весьма тяжкое и жестокое, так как в нем совмещаются обстоятельства следующих величайших преступлений: отступничества, ереси, святотатства, богохульства, человекоубийства, часто противоестественного совокупления с дьяволом и ненависти к Богу; ужаснее всего этого не может быть».

Таким образом, Шпее вполне разделяет веру в дьявола и ведьм и считает преступления колдовства крайне тяжкими, заслуживающими самого строгого наказания. Но при этом он доказывает несправедливость и абсурдность системы улик и вынужденных под пыткой признаний и дает яркую картину жестокостей, которых он был свидетелем. В особенности он нападает на пытки, которые, по его мнению, порождают гибель невинных, так как обвиняемые, чтобы избавиться от мучений, высказывают многое такое, о чем понятия не имеют. Он упрекает современников, что они более жестоки, чем язычники, и что Христова вера не сделала их более мягкими и гуманными.

Главное достоинство книги Шпее — это глубокое гуманное чувство, которое разлито по ее страницам. Нам пришлось уже выше цитировать горячие слова этого гуманного заступника за несчастных женщин, которых суеверие и жестокость обрекали на смерть. В них вылилось непосредственное чувство свидетеля бесчисленных изуверств, выразился протест наболевшей души, возмущенной жестокостями и полной сострадания к несчастным жертвам инквизиторского суда. Книга Шпее обращалась к сердцу читателей, и поэтому она имела гораздо большее влияние на общество, чем сочинения предшественников Шпее вроде Таннера, которые с академическим спокойствием разбирали отрицательные стороны судопроизводственных порядков в процессах о ведьмах

* Сомнения (лат.).

и предлагали их усовершенствовать. Книга Шпее не оказала прямого влияния на прекращение процессов, которые еще долго продолжались во всей Европе, но она образовала изрядную брешь в здании демонологии.

Вейер, Таннер, Шпее и их последователи принадлежали к переходному времени. Они еще стояли на почве верования в дьявола и колдовство и не могли еще отрешиться от этого верования, слишком сильно господствовавшего над умами их современников, бывшего принципом их мирозерцания. Не отрицая самого принципа, они только восставали против крайностей, против жестокостей в процессах о ведьмах. Но семя скептицизма, брошенное ими в общество, дало всходы, и к концу XVII столетия появились новые борцы, имевшие смелость посягать на самую сердцевину взглядов своих современников.

В 1690 году вышла в Амстердаме на голландском языке книга «De Betoverde Weereld» («Очарованный мир»), принадлежавшая Бальтазару Беккеру⁷⁸, реформатскому пастору в Амстердаме, и вышедшая вскоре в переводе почти на всех европейских языках: на немецком — в 1692 году, под заглавием «Die bezauberte Welt», на французском — в 1694 году, под заглавием «Le monde enchanté ou examen des communs sentiments touchant les esprits leur nature, leur pouvoir, leur administration et leurs opérations et touchant les états que les hommes sont capables de produire par leur communication et leur vertu».

В сочинении Беккера впервые объявляется война самому преследованию колдовства и с большой эрудицией и всесторонним анализом рассматривается учение о дьяволе и его власти на земле. С ссылками на Святое Писание, историческими сопоставлениями и философскими рассуждениями Беккер разбивает всю систему ортодоксальных воззрений на природу дьявола как темную силу, действующую в мире рядом с силами добра с соизволения Бога для искушения человечества и для гибели человеческих душ. Он доказывает, что многие места из Библии, на которых основывается учение о дьяволе, совершенно не подтверждают этого учения и даже, напротив, находятся в полном противоречии с господствующими воззрениями. По Библии, сатана вовсе не есть всесильный князь тьмы, властвующий над тайнами приро-

ды, всезнающий, могущий иметь власть над человечеством и по своему желанию принимать различные образы и действовать во вред человеку. Он скорее падший дух, ввергнутый в бездну и там ожидающий суда и наказания, немощный, которому чуждо знание сокровенного в природе и который неспособен принять вид плоти, являться в образе и каким-либо образом действовать на физический мир. Представление о союзе ведьм с дьяволом — не более как поэтический образ, выдуманный древними языческими поэтами и принятый ортодоксальными представителями христианства как основа христианства — в противоречие с действительными основами евангельского учения и на посрамление Церкви.

Книга Беккера имела огромный успех и вызвала во всем христианском мире сильное волнение. В особенности она повлияла на теологов. Появилось много ответных сочинений и полемических памфлетов. Образовались два лагеря, и завязалась сильная полемика, предметом которой было учение о дьяволе и его природе. Противники Беккера доказывали, что его воззрения должны быть рассматриваемы как отрицание Бога и истинной веры и должны быть строго преследуемы. Беккера лишили места пастора, во многих местах Голландии ему вообще было запрещено участие в церковной службе.

Еще более сильный удар нанесло средневековым представлениям о колдовстве знаменитое сочинение Христиана Томазиуса, которое появилось в 1701 году под заглавием «*Theses inaugurales de crimine magiae*» («Тезисы о преступлениях колдовства») и которое как яркий луч солнца осветило густую тьму, покрывавшую всю Европу. Томазиус, картезианец по своему философскому образованию и юрист по специальности, был ярким выразителем реформаторских стремлений своего века, подготовленного уже к восприятию новых воззрений трудами Вейера, Шпее, Беккера и других борцов против тьмы суеверий. В нем эти новые воззрения — еще глухо бродившие в обществе, еще не уясненные логическим путем и еще не осознанные вполне — нашли своего систематического истолкователя и убедительного вразумителя; он был для своего века одним из тех глашатаев истины, которые обыкновенно являются в переходные эпохи истории для

окончательного уничтожения отжившего старого и формулирования запросов нового. Но насколько было еще сильно заблуждение даже в его время и насколько оно подчиняло себе даже выдающиеся умы, видно из того, что Томазиус в начале своей ученой деятельности разделял веру в дьявола и ведьм и в качестве референта на юридическом факультете подал голос за то, чтобы подвергнуть пытке одну женщину, обвиняемую в колдовстве. Томазиус сам рассказывает об этом случае в доказательство того, что верования держатся на привычке, на традиции, передаваемые из рода в род, без проверки, без размышлений. Ближайшее знакомство с актами процессов о ведьмах заставило Томазиуса вникнуть в сущность обвинения колдовства и раскрыло перед ним всю несостоятельность учения о дьяволе и сношениях его с людьми, всю дикость преследования ведьм.

Томазиус подробно останавливается на происхождении верования в дьявола и колдовство, разбирает шаг за шагом все аргументы, которые выставлялись такими авторитетами демонологии, как Дельрио, Боден, Карпцов и др., в защиту необходимости преследования ведьм, подвергает строго научному анализу возможность сношений между дьяволом и людьми и в стройной, логически продуманной системе доводов уничтожает с корнем все учение о дьяволе как реальном существе, являющемся в образе телесного принца тьмы и действующем в мире на пагубу людей. Путем этих доводов Томазиус приходит к заключению, что ведьм не существует и что они являются только там, где их ищут, и поэтому для того, чтобы процессы по обвинению в колдовстве были прекращены, необходимо, чтобы царствующие особы специальными постановлениями совершенно запретили расследования относительно колдовства. Наконец Томазиус уничтожил последний аргумент духовенства, на котором ревнители церкви основывали преследование колдовства как высшей степени ереси, — высказавшись в особом сочинении, вышедшем в 1727 году, что ересь есть не преступление, а заблуждение.

Сочинение Томазиуса, о котором Фридрих II сказал, что благодаря ему женщины получили возможность в безопасности состариться и спокойно умереть, было окончательным

ударом в здание суеверий и жестокостей, после чего оно стало давать трещины. Оно предвещало зарю восходящего солнца просвещения и разума, и перед этими первыми лучами стала постепенно рассеиваться и редеть темная ночь, державшая Европу в течение четырех столетий.

Хотя и после Томазиуса процессы еще продолжались, и теологи в своих сочинениях еще продолжали доказывать необходимость сжигать ведьм, и суды их сжигали, но эти процессы потеряли свой эпидемический характер и возникали сравнительно редко как случай в судебной практике. Хотя еще в течение всего XVIII столетия до самого исхода его появляются время от времени юристы, защищающие существование колдовства и необходимость преследования ведьм, но они ограничивают наказание смертью лишь случаями доказанного вреда, предъявляют строгие требования относительно улик и доказательств преступлений колдовства, ограничивают применение пытки, устраняют исключительные судопроизводственные правила по этим делам и вводят произвольное прежде судопроизводство в законные границы.

Одни правители издали специальные постановления, во все запрещающие всякое преследование ведьм; другие установили ограничительные правила употребления пыток, многие из них миловали и освобождали осужденных.

Между царствующими особами следует прежде других упомянуть Гогенцоллернов, которые решительно выступили против колдовства. Уже Фридрих I, король Пруссии в 1701—1713 годах, многократно миловал осужденных, а кроме того, установил строгие правила относительно порядка допросов, применения пыток и признания обвиняемых. Лично он, однако, не был свободен от веры в дьявола, что видно из того, что, будучи курфюрстом Бранденбурга, в Бранденбургском военном уставе запретил под угрозой наказания пребывание в лагере колдунам, заклинателям оружия и всяким мастерам дьявольского искусства. Это же законоположение, в сочетании с угрозой смертной казни, было повторено во второй главе военного устава от 1713 и 1724 годов. Тем не менее на практике процессы о колдовстве при Фридрихе I постепенно прекращаются.

Но самый серьезный удар по охоте на ведьм нанес его преемник, король Фридрих-Вильгельм I, издавший 18 декабря 1714 года указ, в котором, между прочим, потребовал все решения о пытках и смертные приговоры присылать на его утверждение, мотивируя это слабостью прежнего судопроизводства о колдовстве. В указе говорилось, что «дела о колдовстве не всегда производились с соответственной осторожностью и исходили из малодостоверных показаний, вследствие чего много невинных подвергались пыткам, погибали на костре и таким образом много невинной крови проливалось в стране».

Далее в прусском государственном праве Фридриха-Вильгельма I от 27 июля 1721 года мы находим следующие параграфы:

«§ 1. Что касается колдунов, как они представлялись до сих пор, то в эти вещи не нужно вкладывать никакой основательной веры: что будто бы они заключают действительный союз со злым духом, остаются не крещеными и потом с ним смешиваются; что будто бы они через трубу, кузнечный горн или через какие-нибудь другие узкие отверстия проезжают верхом на метле или как-нибудь иначе, и то на ней, то на каком-нибудь животном верхом отправляются по воздуху на известную каменную гору (лысую) и устраивают там, в известное время, сходки, на которых они сами себя или также и других превращают в кошек, волков, козлов и других животных, по их злому усмотрению или забаве, и, преобразованные таким образом, они снова потом превращаются в их прежнее состояние; наконец, будто бы они могут производить непогоду, гром и ветер, и прежние процессы по обвинению в колдовстве очень большое на это обращали внимание; все это, однако, покоится на внушенных им гнусным дьяволом ложной мечте, грезе и фантазии. Таким образом, мы желаем, чтобы отныне, если подобные дела представятся в каком-нибудь из процессов по обвинению в колдовстве в нашем королевстве Прусском, не было бы даже размышления о том, нужно ли за это назначать смертную казнь, если обвиняемые при этом ничего другого не совершили. Поэтому наши судьи должны гораздо более думать о том, чтобы наставлять, что подобное предпринято отвратительным сата-

ной, и лучше укреплять заблуждающийся народ в христианстве проповедью слова Божьего и приводить его к истинному признанию и искреннему раскаянию, чтобы подобным образом можно было бы скорее вырвать его из рук дьявола. Если же будут находиться некоторые из таких нечестивых людей, которые, словесно или письменно, открыто объявят, что они отрекаются от Бога и предаются дьяволу, то такие должны быть рассматриваемы как богохульники и наказаны смертью или телесным наказанием.

§ 2. Тот же, который не отрицает, что он старался, естественными или сверхъестественными средствами, принести вред или убыток людям или скоту при помощи яда или другим образом, если при этом он еще убил человека, такой, как убийца или отравитель... должен быть наказан. Если же он убил не человека, а быка, бессловесное животное, должен такой злодей поплатиться не жизнью, а после уплаты причиненного убытка или быть наказанным розгами, или быть навеки изгнанным из всех наших земель, или, смотря по обстоятельствам... Если же вред был настолько велик, что он не мог бы быть вознагражден, то в таком случае и смертная казнь должна иметь место...»

Этими постановлениями была устранена необходимость в специальных процессах, по обвинению в связи с дьяволом. Только колдуны-богохульники за открытое прославление дьявола могли быть наказаны смертной казнью посредством меча с «бесчестным погребением», каковое наказание для евреев было усугублено «отрезанием языка и т. п.». Таким образом, ведьмами, подлежащими наказанию, отныне назывались только те, кто наносил действительный вред людям или животным. Смертная казнь теперь применялась только к колдунам, виновным в умерщвлении человека или причинении невознаградимого вреда животным. Это, конечно, было большое смягчение против прежних времен, когда не только богохульство, но, по уложению Карла V, даже обыкновенное воровство наказывалось смертной казнью. Что же касается возникавших процессов против колдунов, то Фридрих-Вильгельм I вновь подтвердил постановление от 13 декабря 1714 года, по которому все приговоры к смертной казни или к пыткам должны были посылаться на утверждение

государя. В действительности же сложилось так, что Фридрих-Вильгельм I ни одного такого приговора не утвердил.

Эти перемены в Пруссии, начатые Фридрихом I, были достойно продолжены Фридрихом Великим, который окончательно отменил пытки в 1740 году. Примеру Пруссии последовали и другие протестантские части Германии, где начиная со второй четверти XVIII века процессы о ведьмах совершенно прекращаются. В католических же странах они еще продолжались в течение всего XVIII столетия.

В Австрии вера в ведьм продолжала еще держаться в начале XVIII столетия; процессы по обвинению в колдовстве получили сильную опору в новом уголовном уложении, изданном Иосифом I в 1707 году для королевства Богемского, маркграфства Моравского и герцогства Шлезвигского; это уложение санкционировало почти в полном объеме все прежние постановления относительно гонений на колдунов.

«Колдовство... есть злодеяние, учиненное с ясно выраженной или тайной помощью дьявола» — говорилось в нем. Далее закон устанавливает в подробностях сущность преступления колдовства, заключающегося в нанесении, при помощи связи с дьяволом, вреда людям, скоту и т. д., и определяет наказание смертью через сожжение, даже если действительно вреда при помощи колдовства не было причинено. Уложение Иосифа I исключало учет смягчающих обстоятельств, а, напротив, «по причине огромности порока колдовства» допускало в каждом случае достаточные основания к усугублению наказания, в особенности если к колдовству присоединяется какой-нибудь богохульный поступок, как, например, осквернение святой просфоры или какой-нибудь другой, освященной Богом вещи. Оно предписывало пять степеней пыток, с предварительным обжиганием волос на всем теле, «для предупреждения всякой нечувствительности, часто производимой злодеями при помощи дьявольского искусства».

Действовало, однако, уложение Иосифа I относительно недолго; применение его резко противоречило духу времени. С вступлением на престол императрицы Марии-Терезии в 1740 году был положен конец всем преследованиям ведьм — если не по закону, то по крайней мере на практике. Императрица приказала, чтобы материалы следствия раньше объ-

явления приговора отправлялись ей на утверждение, и этого было достаточно, чтобы охладить раж борцов с колдунами. Вместе с тем Мария-Терезия назначила комиссию для выработки нового уголовного уложения. В последовавшем по этому поводу указе говорится:

«Пусть будет сделано святое дело, чтобы судьи производили следствие с самой заботливой осторожностью, так как до сих пор в нашем государстве не были открываемы истинные колдуны, начальники ведьм и ведьмы, а эти процессы приводили лишь к злобе и обману, к затемнению и безумию обвиняемого или к другим порокам.

Так как мы ревностно стараемся быть самой справедливой, честь Бога всеми нашими силами справедливо поддерживать и все, что направлено ко вреду ее, искоренить, в особенности то, что касается колдовских дел, то мы никаким образом не можем позволить, чтобы обвинение в этом пороке было возбуждаемо против наших подданных на основании пустых старых заблуждений, простого признания обвиняемых и незначительных подозрений. Мы желаем, чтобы против людей, которые сделаются подозрительными в волшебстве или колдовстве, всякий раз было произведено следствие на законных признаках и основаниях, и в особенности на основании справедливых доказательств, причем главным образом следует обращать внимание на то, не произошло ли колдовство: от ложного представления, выдумки и обмана или от меланхолии, расстройства ума и безумия, или произведено было особенной болезнью; также с вредными ли последствиями от приведения в исполнение задуманного колдовства или без оных, и наконец, существуют ли вернейшие признаки того, что совершенное злодеяние есть действительно настоящее волшебство, по природе своей возможное только при содействии дьявола и человеку, самому по себе, недоступное».

Этим указом были запрещены всякого рода испытания ведьм (посредством иглы, воды) и твердо ограничено применение пыток. Что касается наказаний, то новый закон устанавливал различные его степени, в зависимости от обстоятельств дела — имеется ли наличность полного колдовства или только попытки к совершению преступления колдовства, соединено ли оно с богохульством, с причинением

вреда и т.д. При полном колдовстве, в соединении с богохульством, полагалась смертная казнь, которая, смотря по обстоятельствам, могла быть даже усугублена сожжением заживо на костре. В случаях специального вида волшебства, предусмотренных законом, императрица посчитала нужным применить особенную осторожность и предписала такие дела представлять на ее усмотрение для определения меры наказания. «Мы хотим при подобном исключительном событии сами лично подумать ясно о роде наказания такому преступнику, поэтому постановляем весь процесс нам сообщить».

Впрочем, несмотря на просвещенные взгляды, обнаруженные Марией-Терезией, процессы против ведьм в местностях, подвластных короне Священной Римской империи, не прекращались до самого исхода XVIII века, а в некоторых из них продолжались даже в текущем XIX веке. В Вюртемберге, Вюрцбурге, в особенности в Баварии процессы происходили даже в последней четверти «просвещенного» XVIII века — по самым чудовищным обвинениям, возвращающим во времена расцвета гонений на ведьм в XVI и XVII столетиях.

Во Франции в царствование Людовика XVI был издан эдикт, утвержденный Кольбером⁷⁹, в котором отвергалось существование ведьм и воспрещалось судам впредь принимать обвинение в колдовстве. Парламент считал своим долгом сделать королю внушение, ссылаясь на то, что Святое Писание приговаривает к смерти всех, кто занимается колдовством, что у всех народов, начиная с древних времен, было правилом подвергать колдунов смертной казни и что в самой Франции издревле установлено в практике и по закону преследовать колдовство и наказывать ведьм смертью. Это внушение, однако, не подействовало на короля, и он не отменил эдикта. Однако еще в XVIII столетии во Франции обвинения в колдовстве возбуждались довольно часто и велись процессы против ведьм. Только Великая французская революция законом от 22 июля 1791 года положила всему этому конец, признав одержимых бесом больными и предписав их как таковых передавать в дома для сумасшедших для лечения.

В Швейцарии процессы о ведьмах продолжались до конца XVIII века. Так, в 1782 году в Гларусе была обезглавлена

молодая девушка, Анна Голди, служанка одного врача, обвиненная в том, что околдовала ребенка и тот заболел.

Позже, чем во всех других странах Европы, удержались процессы в Испании, где преследование колдовства сохранялось даже в начале XIX столетия. А самые поздние процессы против ведьм отмечены в католической республике Мексике, где они продолжались и во второй половине XIX века. Последний процесс, произведенный по всем правилам судопроизводства, завершился там 20 августа 1877 года — пять женщин были обвинены в колдовстве, осуждены и сожжены на одном костре.

Глава девятая Колдовство в России

История колдовства в России весьма отличается от истории колдовства в Западной Европе.

Разнообразие элементов, наполнявших религиозную жизнь и питавших религиозную мысль на Западе, — вся обстановка католицизма, с ее папством, инквизицией, теологией, с ее догмой греха и искушения, с ее таинственными сводами и мрачными оградами монастырей и соборов, с искусством, отдавшим себя на служение религиозным сюжетам, — все это вызывало разнообразие и яркость представлений о сатане, его власти на земле и его похождениях среди людей. Кроме того, Западная Европа наследовала богатый материал для демонологии от классического мира, на котором возникла цивилизация Запада, — от язычества, которое со всеми своими богами, с водворением христианства сошедшими на землю и вступившими в борьбу с началами добра и света, послужило основанием демонологических понятий и сатанинского культа.

Совсем другое мы видим на Руси. Здесь также были распространены представления о дьяволе и о борьбе с ним. Но благодаря простоте внутреннего содержания восточ-

ной церкви, однообразие форм ее внешнего строя, слабому развитию философско-теологической литературы, бледности красок и однообразию жизненных элементов в складе древнерусской жизни — представления о дьяволе остались в бледных зачатках и в самых слабых очертаниях и не могли развиваться в ту стройную систему демонологических учений, какую мы видим на Западе.

«Древнейшие сказания, — говорит Буслаев⁸⁰, — распространенные на Руси, как национального, так и византийского происхождения, изображают беса в самых общих чертах, придавая ему только одно отвлеченное значение зла и греха. Фантазия, скованная догматом, боязливо касается этой опасной личности и, упомянув о ней вскользь, старается очистить себя молитвой. Самые изображения бесов в русских миниатюрах до XVII века однообразны, скудны, не занимательны и сделаны как бы в том намерении, чтобы не интересовать зрителя».

Восточная церковь не считала своей задачей борьбу с дьяволом и не посвящала себя этой борьбе, как служению Богу. Поэтому и в народе не была выработана вера в организованный демонический культ, и народным воззрениям были совершенно чужды те демонологические понятия, которые вызывали на Западе жестокое преследование колдовства. Как справедливо замечает В. Б. Антонович⁸¹, «народный взгляд, допуская возможность чародейного, таинственного влияния на бытовые, повседневные обстоятельства жизни, не искал начала этих влияний в сношениях со злым духом; демонология не только не была развита как свод стройно развитой системы представлений, но до самого конца XVIII столетия, насколько можно судить по процессам, совсем не существовала в народном воображении, даже в виде неясного зародыша. Народный взгляд на чародейство был не демонический, а исключительно пантеистический. Допуская существование в природе законов и сил, неведомых массе людей, народ полагал, что многие из этих законов известны личностям, тем или другим образом успевшим проникнуть или узнать их».

Само по себе обладание тайною природы не представлялось, следовательно, делом греховным, противным учению

религии. Поэтому преследования колдовства и ведьм не имели у нас того жестокого фанатического характера, какой приняли процессы о колдовстве на Западе. Производившиеся у нас процессы по обвинению в колдовстве не имели ничего общего с процессами западными. Это были большею частью обыкновенные гражданские иски, возбуждавшиеся против тех или других лиц (преимущественно женщин), обвиняемых в причинении вреда посредством колдовства. Колдовство, таким образом, играло лишь роль орудия для нанесения вреда другому, и вина обвиняемых вытекала не из греховного начала колдовства, а измерялась экономическим началом — степенью и количеством нанесенного ущерба. Никаких религиозных или иных причин для преследования колдовства в народном сознании не было. Дьявольская сила преследовалась не за свою греховность, а за то, что ею пользовались для нанесения вреда. Народ смотрел на колдунов как на силу, умеющую вредить, и защищал себя от колдовского вреда или мстил за причиненный вред. Судьи принимали к своему решению дела о колдовстве как частные случаи и были чужды каких-либо фанатических представлений о необходимости искоренения колдовства во имя каких-либо общих демонологических понятий. Поэтому у нас не было систематизированного преследования ведьм, как на Западе, не было выработано никаких исключительных судопроизводственных порядков по делам о колдовстве, не было специальных законов о преступлениях колдовства, обвиняемые не пытались, не сжигались на костре. Дела оканчивались обыкновенно вознаграждением потерпевшего или уплатою штрафа в пользу церкви, церковной епитимьей или очистительной присягою.

Ниже мы приведем некоторые процессы по обвинению в колдовстве, относящиеся к прошлому столетию, а пока обратимся к историческому очерку развития колдовства в России. Из него мы увидим, что, несмотря на слабое развитие демонологических понятий, Россия тем не менее также заплатила тяжелую дань этому суеверию.

Чародейство известно в России с самых древних времен. В летописях находим много рассказов о волхвах. Под 1024 годом рассказывается, что из Суздаля вышли волхвы

и стали избивать «старую чадь», то есть стариков и старух, говоря, что они портят урожай. Князь Ярослав велел схватить волхвов и иных из них прогнать, других предать смерти, говоря: «Бог наводит по грехам на каждую землю голодом или мором, ли ведром, ли иною казнью, а человек невесть ничтожен»*. Во время голода в Ростовской земле в 1071 году пришли туда из Ярославля два волхва и стали преследовать женщин: мучить их, грабить и убивать — за то, что будто они виновны в этом народном несчастье. Обыкновенно, придя в какой-либо погост, они называли лучших жен, то есть наиболее зажиточных женщин, и утверждали, что одни из них задерживают жито, другие медь, третьи рыбу или кожи; жители приводили к ним своих сестер, матерей и жен; волхвы же, прорезавши у них за плечами кожу, вынимали оттуда жито, рыбу и т. д. и затем убивали несчастных, присваивая себе их имущество.

Отсюда волхвы пошли в Белоозеро в сопровождении большой толпы народа, их последователей. Через некоторое время сюда пришел Ян, сын Вышаты, для сбора дани от имени своего князя Святослава. Белоозерцы рассказали ему, что волхвы тут убили много женщин. Ян вступил с волхвами и их последователями в борьбу, дело дошло до сечи, которая кончилась гибелью волхвов. При князе Глебе явился в Новгород волхв, который «многы прельсти, мало не весь город»**; он хулил христианскую веру и хвалился, что перейдет перед глазами всех через Волхов. «И бысть мятеж в городе, и вси яша ему веру и хотя победити епископа»***; последний, взявши в руки крест, пригласил всех верующих стать возле него: «и разделишася надвое: князь бо Глеб и дружина его сташа у епископа, а людьє вси идоша за волхва»****. Дело кончилось тем, что князь Глеб убил волхва топором, а люди разошлись;

* Бог за грехи посылает на какую-либо страну голод, или мор, или засуху, или иную казнь, а человек же ничего не ведает (*др.-рус.*).

** ... многих обманул, чуть ли не весь город... (*др.-рус.*)

*** И была смута в городе, и все поверили ему, и хотели погубить епископа (*др.-рус.*).

**** И разделились люди надвое: князь Глеб и дружина его стали около епископа, а люди все пошли к волхву (*др.-рус.*).

«он же, — прибавляет летописец о волхве, — погыбе телом и душою, предався дьяволу»*.

В Киеве в 1071 году явился какой-то волхв, который предсказывал страшные вещи: «яко на пять лет Днепру потещи вспять, а землям переступати на ина места, яко стати Гречкой земле на Руской, а Руской на Гречкой и прочим землям изменитися»**. Невежды, по словам летописца, слушали его, а «верные» смеялись над ним, говоря: «Бес тобою играет на пагубу тебе». По этому поводу летописец прибавляет от себя: «Беси бо подтокше и на зло вводить и по сем же насмихающихся, винуша и в пропасть смертную, научивше глаголати, яко се скажем бесовское наущение и действо»***.

В древнерусских памятниках литературы находим весьма много указаний, в которых выразилась церковная точка зрения на существование злой силы в виде дьявола и его слуг — чародеев. Волшебство, чары, волхование представлялись как реально существующие явления и порицались церковью как грех. Юрисдикция дел о чародействе была предоставлена духовенству. В «Церковном уставе» Владимира имеется на этот счет указание, как и в «Правиле» митрополита Иоанна II (1080—1089) и в «Уставе белечском» митрополита Георгия (XII век). Из этих постановлений видно, что первоначально духовная власть смотрела весьма мягко на преступление колдовства и не требовала наказания за чародейство смертью. По крайней мере до конца XII века чародейство не встречает строгого преследования со стороны духовного суда и воззрения нашего духовенства на чародеев отличаются весьма мягким гуманным характером.

Начиная с XVI века отношение к чародеям изменяется, становится строже как среди духовенства, так и среди народа. Отношение народа к чародеям выразилось, между прочим,

* Так погиб он телом, а душою предался дьяволу (*др.-рус.*).

** ...на пятый год Днепр потечет вспять, и земли начнут перемещаться, и Греческая земля станет на месте Русской земли, а Русская на месте Греческой, и прочие земли переместятся (*др.-рус.*).

*** Бесы ведь, подстрекая людей, во зло их вводят, а потом насмеются, свергнув их в пропасть смертную, подучив их говорить; как мы сейчас и расскажем об этом бесовском наущении и деянии (*др.-рус.*).

в «Повести о волховании», написанной неизвестным автором для царя Иоанна Васильевича Грозного. В этой «Повести» доказывается необходимость строгих наказаний для чародеев и в пример выставляется один царь, который вместе с епископом «написать книги повеле и утверди и проклят чародеяние и в весех заповеда после таких огнем пожечи». Это отношение к чародейству выразилось также в следующем народном предании (относящемся к царствованию Иоанна Грозного): «При царе Иване Васильевиче Грозном расплодилось на Русской земле множество всякой нечисти и безбожия; долго горевал благочестивый царь о погибели христианского народа и решился наконец для уменьшения зла уничтожить колдунов и ведьм. Разослал он гонцов по царству с грамотами, чтобы не таили православные и высылали спешно в Москву, если есть у кого ведьмы и переметчицы; по этому царскому наказу навезли со всех сторон старых баб и рассадили их по крепостям, со строгим караулом, чтобы не ушли. Тогда царь приказал, чтобы всех их привели на площадь; собрались они в большом числе, стали в кучку, переглядываются и улыбаются; вышел сам царь на площадь и велел обложить всех ведьм соломой; когда навезли соломы и обложили кругом, он приказал запалить со всех сторон, чтобы уничтожить всякое колдовство на Руси на своих глазах. Охватило пламя ведьм, и они подняли визг, крик и мяуكانье; поднялся густой черный столб дыма, и полетело из него множество сорок, одна за другою: все ведьмы обернулись в сорок, улетели и обманули царя в глаза. Разгневался тогда царь и послал им вслед проклятие: чтобы вам отныне и до веку оставаться сороками. Так все они и теперь летают сороками, питаются мясом и сырыми яйцами; до сих пор они боятся царского проклятия, и потому ни одна сорока не долетает до Москвы ближе 60 верст вокруг».

Как сильно было распространено в Московском царстве колдовство, показывает формула присяги, по которой клялись служилые люди в 1598 году в верности избранному на царство Борису Годунову: «ни в платье, ни в ином ни в чем лиха никакого не учинити и не испортити, ни зелья лихово, ни коренья не давати... да и людей своих с ведовством не посылати и ведунов не добывати на государское лихо... и на-

следству всяким ведовским мечтаньем не испортити и ведовством по ветру никакого лиха не насилати... а кто такое ведовское дело похочет мыслити или делати... и того поймати»...

В архивах сохранилось множество ведовских дел, относящихся к XVI—XVII столетиям. Почти все эти дела имеют характер государственных преступлений и касаются порчи кого-либо из членов царской фамилии и вообще посягательства колдовскими средствами на жизнь и здоровье государей. Очень часто к оговору в чародействе прибегали, как к лучшему средству отделаться от противников, в борьбе партий, вечно кипевшей вокруг царского трона. Немало людей было замучено по этим ведовским делам. Вот несколько из них, которые мы заимствуем у Забелина⁸².

В 1547 году, во время Великого московского пожара, народная молва приписала это бедствие чародейству Глинских, родственников по матери молодому Ивану IV. По совету благовещенского протопопа Федора Бармина, бояр князя Федора Скопина-Шуйского да Ивана Федорова царь приказал сделать розыск по делу. Бояре приехали в Кремль на площадь, к Успенскому собору, собрали черных людей и стали спрашивать: «Кто зажигал Москву?»

Толпа закричала: «Княгиня Анна Глинская со своими детьми и с людьми волховала, вынимала сердца человеческие, клала их в воду да тою водою, езда по Москве, кропила — и от того Москва выгорела!»

На площадь явился и Юрий Глинский, родной дядя Ивана Васильевича; слыша такое ужасное обвинение, он поспешил укрыться в Успенском соборе, но озлобленная чернь бросилась за ним, убила его в самой церкви и поволокла труп на торговое место, где обыкновенно совершались казни...

В 1635 году одна из золотных мастериц царицы, Антониды Чашникова, выронила нечаянно у мастериц в палате, где они работали, платок, в котором был заверчен корень «неведомо какой». Этого было достаточно, чтобы возбудить подозрение. Донесли об этом государю. Государь повелел дьяку царицыной мастерской палаты Сурьянину Тараканову сыскать об этом накрепко. Дьяк начал розыск расспросом: «Где мастерица Чашникова тот корень взяла или кто

ей тот корень и для чего дал, и почему она с ним ходит к государю и государыне вверх, то есть во дворец». На эти вопросы мастерица Чашникова отвечала, что «тот корень не лихой, а носит она его с собою от сердечной болезни, что сердцем больна». Дьяк снова со всякими угрозами начал допрос, словами: «Если она про тот корень, какой он словоет и где она его взяла и для чего дал и кто ей дал, подлинно не скажет и государю в том вины своей не принесет, то, по царскому повелению, ее будут пытать накрепко». Эти слова сильно подействовали на бедную женщину, она повинилась и сказала, что в первом расспросе не объявила про корень подлинно, блюдаясь от государя и от государыни опалы, но теперь все откроет. «Ходит в Царицыну слободу, в Кисловку, к государевым мастерицам жонка, зовут ее Танькою. И она-де той жонке била челом, что до нее муж лих; и она ей дала тот корень, который она выронила; и велела ей тот корень положить на зеркальное стекло, да в то зеркало смотреться, и до нее-де будет муж добр. А живет та жонка на Задвиженской улице».

Дьяк тотчас велел сыскать Таньку. Когда посланные за нею дети боярские поставили ее к допросу, она сказала, что зовут ее Танькою, а мужа ее зовут Гришка-плотник и что отнюдь в Царицыну слободу, в Кисловку, ни к кому не ходит и золотной мастерицы Антонида Чашниковой не знает и иных никаких мастериц не знает. Поставили ее на очную ставку с Чашниковой и угрожали пытать крепко и жечь огнем, но она продолжала отпираться. Дело было снова доложено государю, и он повелел окольному Василию Стрешневу и дьяку Сурьянину Тарakanову «ехать к пытке и про то дело сыскывать и мастерицу и жонку Таньку расспрашивать накрепко». Под пыткой Танька подтвердила, что она дала мастерице корень, который зовут обратим, вследствие просьбы ее, чтобы она ей сделала, чтобы ее муж любил. О судьбе этих женщин имеется в сыском деде следующее: «Сосланы в Казань за опалу, в ведовском деле... Григорий Чашников с женою, и велено ему в Казани делать недели и поденный корм ему указано давать против иных таких же опальных людей. Да в том же деле сосланы с Москвы на Чаронду Гриша плотник с женою с Танькою, а велено им жить и кормиться на

Чаронде, а к Москве их отпустить не велено, потому что та Гришина жена ведомая ведунья и с пытки сама на себя в ведомстве говорила».

Лет через пять, в ноябре 1638 года, случилось другое подобное дело. Одна из мастериц государыни Мария Сновидова сделала извет на другую мастерицу, Дарью Ламанову, обвиняя ее в том, что она на след государыни-царицы сыпала песок и что во время царского отсутствия из Москвы к ней в Троицкий монастырь приходила неведомо какая жена. Розыск опять поручен был окольниковому Стрешневу и дьяку Тараканову; они подвергли Ламанову пытке и допросу относительно следующих пунктов: «как та мастерица Дарья на след государыни-царицы сыпала песок и как она Дарья звала с собою за Москву-реку Степаниду Арапку к бабе; и та мастерица Дарья для государских порч хотела идти к бабе или для иного какого дела, и кто с нею в том деле и какие люди в думе были, и в верх к ней, Дарьи, в светлицу та ли баба, которая живет за Москвою-рекою, приходила или какая иная и для чего приходила?» Ламанова под пыткой повинилась: «В том-де она перед государем и перед государыней виновата, что к бабе к ворожее подругу свою Степаниду Арапку за Москву-реку звала, а тое-де бабу зовут Настасьицею, живет за Москвою-рекою на Всполье, а опознала ее с нею подруга ее, золотная же мастерица Авдотья Ярышкина, для того, что она людей привораживает, а у мужей к женам сердце и ревность отымает; а наговаривает на соль и на мыло, да ту соль дают мужьям в еде и в питье, а мылом умываются; да и над мужем-де она Авдотья своим тоже делала и у него к себе сердце и ум отняла: что она Авдотья ни делает, а он ей в том молчит. Да та ж баба давала, наговариваючи, золотной же мастерице, Анне Тяпкиной, чтобы муж ее, Алексей Коробанов, добр был до ее Аннинных детей». Послали за колдуньей, которая в расспрос сказала, что зовут ее Настасьицею, Ивановой дочерью, родом она черниговка, а муж у ней литвин, зовут его Янко Павлов. На очной ставке ее признали за ту именно бабу, которая приходила во дворец к Дарье Ламановой. Но Настасьица во всем запиралась: «мастериц она никого не знает и в светлице не бывала». Ее велели «пытати накрепко и огнем жечь». «И послыша то, мастерица Дарья

Ламанова учала винитца и плакать, а той жонке Настьке говорит, чтобы повинилась: помнишь ты сама, говорила она ей, как мне про тебя сказала мастерица Авдотья Ярышкина, и я по ее сказке к тебе пришла и, ворот черной своей рубашки отодрав, к тебе принесла, да с тем же воротом принесла к тебе соль и мыло. И ты меня спросила, прямое ли имя Авдотья, и я сказала тебе, что прямое, и ты в те поры той моей рубашки ворот у печи сожгла, и на соль и на мыло наговаривала, а как наговорила и ты велела мне тот пепел сыпать на государственой след, куда государь и государыня-царица и их царские дети и ближние люди ходят; и тебе-де в том и от государя и от царицы кручины никакие не будет. А мылом велела ты мне умываться с мужем, и соль велела давать ему ж в питье и в еде, так де у мужа моего сердце и ревность отойдет и до меня будет добр. Да и не одна я у тебя была, продолжала Дарья; приходила после того со мною же к тебе Васильевна, жена Жолоднича, Семенова, жена Суровцева, ты им, наговоря, соль и мыло давала».

Несмотря на эти улики, ворожея запиралась. Ее стали пытаться еще раз, и она не выдержала и призналась, что «мастерицам Дарье Ламановой и ее подругам, которых знает, а иных и не знает, сжегши женских рубашек вороты и наговоря на соль и мыло, давала и пепел велела сыпать на государственой след, но не для лихого дела, а для того, как тот пепел государь и государыня перейдет, а чье в те поры будет челобитье и то дело сделается, да от того бывает государственая милость и ближние люди к ним добры. А соль и мыло велела она давать мастерицам мужьям своим, чтобы до них были добры». И еще была она спрошена: «Сколь она давно тем промыслом промышляет и от литовского короля к мужу ее, литвину Янке, присылка или наказ, что ей государя или государыню испортить, был ли; и чем она и какими лихими делами их государей портила; и давно ль она тому делу, что мужей привораживать, научилась и кто ее тому учил и муж ее про то ведает ли?» Колдунья отвечала, «что к мужу ее, к литвину Янке и к ней из Литвы от короля для государственой порчи приказу и иного никакого заказа не бывало и сама она их государей не порчивала. А что она мужей привораживает и она только и наговорных слов говорит: как люди смотрятся в зерка-

ло, так бы муж смотрел на жену, да не насмотрелся; а мыло сколь борзо смоеся, столь бы де скоро муж полюбил; а рубашка, какова на теле была, столь бы де муж был светел, да и иные де она не лихие слова наговаривала, чтобы государь и государыня жаловали, а ближние люди любили, а учила ее тому на Москве жонка Манка, словет Козлиха, а живет за Москвою-рекою у Покрова».

Тотчас отыскиали и Манку Козлиху и поставили их с очей на очи. Манка запиралась и сказала, что «ворожить не знает, а только и знает, что малых детей смывает, да жабы, у кого прилучитца во рте, уговаривает, да горшки на брюхо наметывает, опричь того и ничего не знает». Начали ее пытать накрепко, и после третьего раза она повинилась и сказала, что она сама ворожит и Настасьицу ворожить учила. «А ей Манке то ворожбу оставила при смерти мать ее родная, Оленка. А как матери ее не стало, тому ныне седьмой год... Да и не одна она тем ремеслом промышляет: есть на Москве и иные бабы, которые подлинно умеют ворожить. Одна живет за Арбацкими воротами, зовут ее Ульянкою, слепая; а две живут за Москвою-рекою, одна в Лужниках, зовут Дунькою, а другую зовут Феклицей, в Стрелецкой слободе».

Таким образом, явились еще ворожеи, Улька, Дунька и Феклица, все слепые, которых разыскали и поставили на очную ставку с Манкой. Так как они запирались, то их стали пытать. Жонка Улька во время пытки призналась во всем и прибавила, что «не одним этим промышляет, есть-де за нею и иной промысл: у которых людей в торговли товар заляжет, и она тем торговым людям наговаривает на мед, а велит им тем медом умываться, сама приговаривает: как пчелы ярые роются да слетаются, так бы к тем торговым людям для их товаров купцы сходились. И от того наговору у тех торговых людей на товары купцы бывают скорые». Другая ворожея, Дунька слепая, объяснила с пытки между прочим, что она, «у кого что пропадет, смотрит, и на кого скажут наверну и она, посмотрев на сердце, узнает, потому что у него сердце трепещет». Третья ворожея, Феклица, созналась только, что «грыжи людям уговаривает, а наговаривает на громовую стрелку, да на медвежий ноготь, да с той стрелки и с ногтя дает пить воду; а приговаривая говорит: как-де ей, старой жон-

ке, детей не рожать, так бы, у кого та грыжа, и болезни не было».

Несмотря на жестокие пытки огнем, что повторялось по несколько раз, все эти жонки-колдуны ничего более не открыли. Между тем в январе 1639 года после непродолжительной болезни умер пятилетний царевич Иван Михайлович, а в марте 25-го дня умер новорожденный царевич Василий Михайлович. Эти несчастья в царской семье были приведены в связь с ворожбой мастерицы Дарьи Ламановой, посыпавшей пепел на след государыни-царицы, и 1 апреля государь указал снова расспросить и пытать накрепко и мастерицу Дашку, и ведунью жонку Настьку. В указе сказано, что «с того времени как Дашка по ведовству жонки колдуны Настьки на след государыни сыпала пепел и от того времени... меж их государей скорбь и в их государском здоровье помешка...».

Мастерицу Дашку и жонку ведунью Настьку подвергли новым пыткам и жжению огнем; кроме того, допросили в пытке также остальных мастериц, подруг Дашки. Ничего нового, однако, не открыли. Вскоре после этих пыток колдуны Настька и Ульянка слепая умерли. Прочие подсудимые были розданы приставам под стражу до окончания дела. В сентябре того же 1639 года всех прикосновенных к этому делу мастериц велено выслать из дворца и впредь в царицыне чину им не быть. Дарья Ламанова с мужем сосланы в сибирский город Пелым, колдунья Манка Козлиха — в Соликамск, а Феклица слепая с мужем на Вятку, а Дунька слепая к Соли Вычегодской.

При царе Михаиле Федоровиче была отправлена в Псков грамота с запрещением покупать у литовцев хмель, потому что посланные за рубеж лазутчики объявили, что есть в Литве баба-ведунья и наговаривает она на хмель, вывозимый в русские города, с целью навести через то на Русь моровое поветрие.

Суровое отношение к чародеям выражается и в законодательных памятниках того времени, в которые начинают проникать постановления относительно строгого преследования ведьм и колдунов. В «Стоглаве»⁸³ наказания еще сравнительно мягки: для мирян высшим наказанием положено отлуче-

ние от церкви, а для клириков — лишение сана. В одном из указов царя Ивана Васильевича Грозного 1552 года говорится, что те, которые будут «к чародеем и к волхвом и к звездочетам ходить волховать и к полям чародеи приводить, и в том на них доведут и обличены будут достоверными свидетели, и тем быть от царя и великого князя в великой опале, по градским законам, а от святителей им же быти в духовном запрещении, по священным правилам». В указе, изданном царем Федором Алексеевичем при основании московской Славяно-греко-латинской академии в 1682 году, читаем: «А от церкви возбраняемых наук, наипаче же магии естественной и иных, таким не учить, и учителей таковых не имети. Аще же таковые учителя где обрящутся, и они со учениками, яко чародеи, без всякого милосердия да сожгутся; аще... отныне начнет от духовных и мирских всякого чина людей волшебные и чародейные и гадательные и всякие от церкви возбраняемые богохульные и богоненавистные книги и писания у себе коим ни буди образом держати и по оным действовать и иных тому учить, или без писания таковые богоненавистные делеса творити, или таковыми злыми делами хвалиться, яко мощен он таковая творити; и таковой человек за достоверным свидетельством без всякого милосердия да сожжется».

Котошихин⁸⁴ говорит, что в его время мужчин за волшебство и чернокнижничество сжигали, а женщин за волшебство живых по грудь закапывали в землю, отчего они умирали на другой или на третий день.

Также в Воинском уставе Петра Великого 1716 года сказано: «Ежели кто из воинских людей найдется идолопоклонник, чернокнижец, ружья заговоритель, суеверный и богохульный чародей: оный по состоянию дела в жестоком заключении, в железах, гоняемым шпицрутен наказан или весьма сожжен имеет быть».

Достойно замечания, что усиление веры в колдовство в России относится к тому времени, когда на Западе эта вера стала ослабевать, то есть к XVIII столетию. Таким образом, мы видим в отношении колдовства то же самое, что и в ряде других сфер жизни, — переживание Россиию западноевропейских задов.

Во второй половине XVIII столетия в народе существовало убеждение, что сожжение за колдовство — дело обычное и вполне законное. В июне 1758 года управляющий имением графа Тышкевича пишет к последнему: «Ясновельможный пане! С возвращающимися клепацкими крестьянами доношу, что с вашего позволения сжег я шесть чаровниц, — три сознались, а остальные не сознались, потому что две престарелые, третья тоже лет пятидесяти, да к тому же одиннадцать дней они все просидели у меня под чаном, так, верно, и других заколдовали. Вот и теперь господская рожь в двух местах наломана. Я собираю теперь с десяти костелов воду и буду на ней варить кисель: говорят, непременно все колдуньи прибегут просить киселя; тогда еще мне работы. Вот и г. Епернети, по нашему примеру, сжег женщину и мужчину, войта⁸⁵... Этот несчастный ни в чем не сознался, зато женщина созналась во всем и с великим отчаянием пошла на тот свет».

У нас также практиковалось «испытание водой», которое заключалось в следующем. Женщин, подозреваемых в причинении засухи, заставляли непрерывно носить воду из реки или пруда через поля и поливать ею кресты или образа, выставляемые обыкновенно близ села или на перепутье. Если женщина выносила это испытание, она избавлялась от подозрений в колдовстве. Также употреблялось, как на Западе, топление женщин в воде. В Малороссии им обыкновенно привязывали на шею камень и таким образом опускали в воду: если она тонула, ее считали невинной и вытягивали веревками вверх, а если она держалась на поверхности воды, ее признавали ведьмой и обрекали на смерть.

Вот некоторые дела об испытании водой, сохранившиеся в архивах судебных учреждений прошлого столетия.

В 1709 году во время засухи в Подолии владельцы села Подфилипья, чтобы узнать виновниц бездождия, распорядились, чтобы все крестьянки, в виде первого испытания, носили ведрами воду из реки Збруча через поля и поливали ею крест, стоявший у дороги в значительном расстоянии от реки. Но так как все крестьянки исполнили это приказание и тем сняли с себя подозрение, то владельцы должны были искать виновниц между дворянками. При этом один из вла-

дельцев указал на дворянку, которую следовало бы подвергнуть испытанию. Этой женщине он был должен значительную сумму денег, от уплаты которых уклонялся в течение двух лет; поэтому в его интересе было содействовать ее обвинению или по крайней мере опозорить ее. С общего совета устроили на берегу реки Збруча нужные приспособления; созвали в это место всех жителей села и пригласили упомянутую дворянку. Когда она явилась, то крестьяне, по приказанию ее должника, бросились на нее, раздели донага, связали особенным образом, установленным для подобного рода испытаний: большой палец правой руки привязали к большому пальцу левой ноги и то же делалось накрест. Затем между связанными членами продета была веревка и несчастную принялись на блоках опускать в воду и подымать вверх. Так как при этом она утонула, то признана была общим собранием невинною.

В мае 1711 года на Волыни была сильная сушь вследствие отсутствия дождя. Виновницами, конечно, считали женщин. Управляющий именьями одного князя приказал подвергнуть испытанию посредством воды женщин окрестных деревень. По испытании десять баб села Погорилец не ушли под воду. Их признали виновными и вследствие этого представили в Дубнинский магистрат для заключения в тюрьму до решения дела. Магистрат, однако, отпустил их домой за поручительством мужей с тем, чтобы они были представлены в суд по первому требованию судебных властей.

Как уже выше было замечено, у нас не было процессов ведьм в смысле организованного преследования, как на Западе. Но единичные случаи преследования мнимых ведьм повторялись очень часто в течение XVIII столетия. Дела по обвинению в колдовстве рассматривались в обыкновенных судах и, как выше указано, возбуждались лишь по жалобе потерпевших, как гражданские иски о причиненном колдовством вреде. Суды не придавали этим делам никакого религиозного характера и присуждали только к вознаграждению потерпевшего или к очистительной присяге, которую должны были принять ответчики в знак своей невинности.

Заимствуем у В. Б. Антоновича некоторые дела из актов Киевского центрального архива, относящиеся к процессам

прошлого столетия по обвинению в колдовстве и извлеченные им из книг градских и магистратских судов Юго-Западного края. Рассмотренные дела Антонович распределяет по следующим группам — по цели, с которой колдовство производилось:

1) Самые многочисленные данные свидетельствуют о посягательстве посредством чародейства на жизнь, здоровье и рассудок, а также об излечении таинственными средствами различных болезней.

2) Другая группа фактов относится к применению колдовства с целью снискать или предотвратить любовь.

3) Далее следуют дела, касающиеся причинения вреда в хозяйстве или ремесле.

4) Группа фактов, свидетельствующих об использовании колдовства при разнообразных предприятиях.

5) Группа дел, заключающих факты о колдовстве, которым пользуются стороны при судебном процессе.

В 1701 году каменецкий мещанин почтарь Судец жаловался на гречанку Антониеву в том, что она желала причинить ему болезнь, посыпая порог его дома каким-то порошком. Магистрат освободил обвиняемую от ответственности, присудив ее лишь к принятию очистительной присяги.

В 1705 году ковельский мещанин Трофим Григорьевич жаловался на соседа своего Михаила Максимовича о том, что обвиняемый с женою совершили «такое преступление, какого и высказать нельзя». Преступление заключалось в том, что Максимовичи с целью повредить здоровью истцов вылепили из теста что-то круглое, в виде калача, и в собственном саду истцов повесили на дереве. По распоряжению магистрата отправлен был присяжный заседатель освидетельствовать факт и действительно нашел на вербе кругло вылепленный калач из ржаного теста. Максимович не явился в суд к ответу и был заочно приговорен к уплате штрафа и судебных издержек.

В 1716 году в магистрате города Выжмы на Волыни разбиралось дело по обвинению мещанки Ломазянки некими Супрунюками в том, что она таинственным образом причиняла смерть всем лицам, имевшим с нею тяжбу в суде.

В 1732 году в Дубенском магистрате разбиралось дело по жалобе солдата Степана Гембажевского на его соседку ме-

шанку Дембскую в том, что она причинила истцу семинедельную болезнь, разложив на его заборе какое-то истолченное зелье. Обвиненная объяснила, что зелье это не имело значения, приписываемого истцом, что она только просушивала истолченную горчицу, приготовленную на лекарство больного ребенка. Магистрат определил, чтобы Дембская приняла очистительную присягу.

В 1733 году в Овручском городском суде дворяне Ярмолинские обвинялись в том, что похвалялись публично посредством колдовства умертвить дворян Верновских и искоренить их род.

В 1739 году в магистрате города Олыки разбиралось дело по обвинению мешанки Райской в том, что будто она чародейством причинила смерть сыну мешанки Анны Шкопелихи.

В 1747 году состоялся приговор Овручского магистрата по жалобе мешанина Опанаса Моисеевича, обвинившего мешанку Омельчиху в том, что она, желая причинить ему вред, вылила какой-то состав под его хлев. Обвиняемая объяснила, что она вылила «щелок» для того, чтобы там не было грязи. Магистрат определил, чтобы Омельчиха вместе с мужем приняла очистительную присягу и извинилась перед истцом, «а впредь если она осмелится выливать что бы то ни было, доброе или злое, в чужую усадьбу, то безотлагательно будет наказана 50-ю ударами».

В редких случаях, когда какое-либо народное бедствие возбуждало народное воображение, были случаи более жестокой расправы с теми, которых считали чародеями.

В 1738 году в Подолии распространилась моровая язва. Желая предохранить свое село от заразы, жители села Гуменец предприняли ночью крестный ход по своим полям. Между тем в соседнем селе Пржеватье у дворянина Михаила Матковского пропали лошади. Матковский ночью же отправился на поиски и наткнулся на крестный ход. Жители Гуменец вообразили, что неизвестный им человек, ходящий ночью по полям с уздечкою, есть не что иное, как олицетворение моровой язвы; подозревая, что он упырь, парубки бросились на Матковского, жестоко его избили, порвали на нем одежду и полумертвого оставили на земле. Едва возвратился

Матковский домой, как из Гуменнец прибежал посланный узнать, жив ли он. Узнав, что он вернулся и жив, жители Гуменнец целою толпою, вооруженные ружьями, пиками, косами, цепами, пришли ночью в село Пржевратье и окружили дом Матковского. Разбив двери, они схватили Матковского и увели в Гуменнец. Здесь у дома дворянина Кочковского собрались все жители села. Предварительно арестованному дали 50 ударов, допытываясь о связи его с моровою язвой. Несмотря на уверение в невинности, большинством голосов решили его сжечь; несколько лиц заявили, впрочем, сомнение в юридической правильности приговора. Некто дворянин Выпрышинский протестовал, что дворянина нельзя жечь без приговора городского суда. Тогда большинство потребовало от него, чтобы он дал запись о том, что он принимает на себя ответственность за все бедствия, могущие возникнуть вследствие оставления в живых Матковского. От этого Выпрышинский уклонился, отговариваясь сначала отсутствием чернила, и наконец сказал: «Некогда мне писать — жгите!»

Впрочем, люди пришли в раздумье, боясь судебной ответственности. Но тут нашлись лица, выведшие их из сомнения. Дворянин Скульский прискакал верхом на сборный пункт и крикнул: жгите скорее, я готов уплатить сто золотых, если за это будет штраф. Затем явился священник и, исповедав Матковского, объявил: «Мое дело заботиться о душе, а о теле — ваше; жгите скорее». В толпе раздавался крик: «Нужно жечь!» — и Матковского передали в руки палачей. Один из них, дворянин Лобуцкий, вырезал пояс из сыромятной кожи, окружил им голову жертвы, заложив в уши под повязку камушки и затем сложив в узел пояса палку, стал его сильно стягивать. Другой, Войтех Дикий, замазывал свежим навозом рот Матковского, а дьяк Андрей Софончук, намочив большую тряпку в деготь, обвязал глаза Матковского. После этого устроили костер из сорока возов дров и двадцати возов соломы, втащили на него Матковского и сожгли. После этого послали в дом Матковского за его одеждою и ее также бросили в огонь.

В XVII—XVIII веках было весьма распространено у нас кликушество, напоминающее во многом одержимость бесом на Западе. Кликуша (от слова «кликать»), или икотница, —

это женщина испорченная, в которую вселился бес. В автобиографии протопопа Аввакума имеется описание кликуши, которая, когда «паде на нее бес, учала собакою лаять, и козою блекотать, и кукушкою куковать». Обыкновенно припадки случаются с кликушами в многолюдных собраниях, особенно в церквах. Кликуша не может переносить запаха ладана и слышать Евангелие. Во время припадка она говорит от имени дьявола и его языком. Приписывая свою болезнь «порче», кликуша обыкновенно выкликает имя того лица, которое чародейством напустило на нее болезнь. В XVII столетии такие лица, имена которых кликуши выкликивали, привлекались к суду по обвинению в чародействе и предавались пыткам, самих же кликуш только отчитывали для изгнания поселившихся в них бесов. В допетровский период погибло под пытками немало людей благодаря таким выкликиванием кликуш.

Кликуши нередко играли роль в борьбе партий при Московском дворе, и ими часто пользовались для возведения обвинения в чародействе и устранения противников. Вследствие этого в XVIII столетии кликушество начинает вызывать против себя строгое отношение со стороны правительства. Петр I видел в кликушестве притворное беснование, имеющее целью возведение поклепа на невинных людей. В 1715 году вышел указ: «Ежели где явятся мужеска и женска пола кликуша, то, сих имея, приводить в приказы и розыскивать» (то есть допрашивать под пыткой). Указом 1716 года и духовным регламентом 1731 года на архиереев была возложена обязанность выявлять кликуш и предавать их гражданскому суду. В 1729—1730 годах в одной волости обвинены были в икотном деле 232 человека, в том числе замужних женщин 116, вдов 5, малолетних и девушек 26, мальчиков и женатых мужчин 84. Указ 1737 года, замечая, что «в Москве являются по церквам и монастырям кликуши, которым в той притворной жалости свобода дается, а сверх того над ними молитвы отправляются», подтверждает обязанность архиереев обнаруживать кликуш и за недонесение грозит им извержением из сана.

Лиц, которых выкликали кликуши, обвиняли у нас даже во второй половине XVIII столетия. На это указывает любопыт-

ный указ Сената от 14 марта 1770 года по поводу поступившего на ревизию приговора Яренской волостной канцелярии и Великоустюжской духовной консистории над лицами, обвиненными кликушами в порче. Вот этот указ под титулом «О предостережении судей от неправильных следствий и решений по делам о колдовстве и чародействии и о наказании кликуш плетью, яко обманщиц»:

«...Находит Правительствующий Сенат, к великому сожалению своему, с одной стороны, закоснелое в легкомыслии многих людей, а паче простого народа о чародейственных порчах суеверие, соединенное с коварством и явными обманами тех, кои или по злобе или для корысти своей оным пользуются, а с другой, видит с крайним неудовольствием не только незаконные с ними, мнимыми чародеями, поступки, но невежество и непростительную самих судей неосторожность в том, что с важностью принимая осязательную ложь и вещь совсем несбыточные за правду, следственно пустую мечту — за дело, внимания судейского достойное, вступили без причины в следствие весьма непорядочное, из чего сверх напрасного невинным людям истязания, не иное что произойти могло, как вящее простых людей в сем гнусном суеверии утверждение вместо того, что по долгу звания своего и на основании явных законов обязаны они стараться о истреблении оногo. При таковых обстоятельствах за нужно представляет Правительствующий Сенат, для отвращения впредь подобных сему неистовств, а поэтому для предостережения судей, приметить и изъяснить нижеследующие к сему случаю принадлежащие окрестности»... Далее Сенат вошел в подробное опровержение суеверия колдовства и, между прочим, признал «порчу людей посредством пускания на ветер даваемых якобы от дьявола червяков» за «пустую, смеха и презрения паче, а не уважения достойную басен»; самые же доставленные червяки, по вскрытии в Сенате, оказались «не иное что, как засушенные простые мухи». Сенат постановил: отрезать судей от должности, начать следствие вновь, но над кликушами, а не над теми, кого они выкликали.

Такой же взгляд на кликушество проводится и в нашем действующем законодательстве⁸⁶. В Уложение о наказаниях 1846 года была включена статья: «Так называемые кликуши,

которые делают на кого-либо изветы, утверждая, что он причинил им зло будто бы посредством чародейства, подвергаются за сей злостный обман заключению в смиренном доме на время от 6 месяцев до 1 года». Уложение о наказаниях 1885 года сохранило это установление (ст. 937), заменив лишь заключение в смиренном доме тюремным заключением на время от 4 до 8 месяцев.

В литературных памятниках прошлого столетия имеются указания относительно заклинания и изгнания бесов. По всей вероятности, такие заклинания у нас производились, как и на Западе, но ни по своему ритуалу, ни по последствиям борьбы с заклинаемыми бесами они не походили на заклинания, производившиеся в католических странах.

Буслаев приводит повесть, составленную в начале XVIII века и вошедшую в сказание об Иларионе Суздальском.

При державе благочестивейшего царя Алексея Михайловича всей России самодержца случилось в царствующем граде Москве вот какое дело в нищепитательнице патриаршей на Куличках, что за Варварскими воротами, близ Ивановского монастыря. Под действием некоторого чародея вселился там демон и живущим различные пакости творил, как поведал о том отец Марко, который в то время сам был вместе с Иларионом в тех богадельнях и все то видел своими глазами. Ни днем, ни ночью тот демон никому не давал уснуть, таская людей с постели и с лавок и всем вслух нелепости вопиял, и на печи, и на полатах, и в углах, стуча и гремя и нелепыми голосами крича, всех устрашал. Благочестивейший же царь Алексей Михайлович повелел духовного чина людям на отогнание того демона молитвы творить; но успеха не было, и демон еще свирепее укорял всех и грехи всех явно рассказывал, обличая и стыдя, а иных даже бил и выгонял вон. Много раз принимались изгнать того беса, но не могли с ним сладить.

Тогда кто-то из приближенных возвестил царю о преподобном Иларионе, что он сподобился от Бога принять власть на изгнание нечистых духов. Благочестивый царь повелел преподобного к себе призвать, потому что он был тогда в Москве. Посланные нашли Илариона где-то на пути и позвали

к царю, к великому испугу Илариона, потому что он подумал, не оклеветал ли его кто перед царем. Однако повиновался и пошел к царю. На преподобном была в то время овчинная шуба, лычным поясом подпоясана, а сверх шубы суконная ряса, ветхая. Представ перед царем, он сначала отказывался от трудного подвига изгнать бесов из женских богаделен, но потом, в виде монашеского послушания, согласился и в тот же день к вечеру отправился в богадельню с монахами Марком и Иосифом, по прозванию Рябиком.

Пришедши в богадельню, монахи по своему пустынно-жительскому обычаю стали петь вечернее пение и читать молитвы. Дьявол же, не терпя их пения, начал на полотах крепко стучать и нелепыми голосами кричать, укоряя Илариона бесстыдными речами: «Уж не ты ли, калугере⁸⁷, пришел сюда выгонять меня? Поди-ка ко мне, переведайся со мною!» Но преподобный продолжал свое пение, никуда не озирался, между тем как демон все кричал: «Поди, калугере, ко мне! Переведаемся со мною!» Когда же преподобный стал читать акафист Богородице, в умилении вознося свои руки к небу, ударяя ими себя в грудь, испуская потоки слез и припадая к земле, тогда дьявол, молитвами преподобного, как огнем, опалая, отскочил оттуда, яко стрела быстра, и умолк до тех пор, пока не кончилось чтение акафиста. Потом опять стал вопить нелепыми голосами, приговаривая: «Эй ты, плакса! Еще расплакался! Иди же ко мне, переведаемся!» По совершении пения, уже ночью, когда погасили огни, преподобный стал читать молитвы на изгнание беса, неутешно проливая слезы; а дьявол продолжал кричать громким голосом: «Э-эх, калугере. Еще ты и в потемках расплакался!» И застучал на полотах крепко и, промолвив: «Я к тебе иду, к тебе иду!» — замолчал.

При этом монах Марко свидетельствует следующее: от страха хотел было я вон из кельи бежать, но преподобный ободрил меня на молитве крепко стоять и ничего не бояться, присовокупив: «Даже и над свиньями дьявол без повеления Божия власти не имеет». Дьявол же обернулся тогда черным котом и начал преподобному под колени подскакивать всякий раз, как он поклонится в землю. Мешая так преподобному молиться, дьявол хотел навести его на гнев и отклонить от

молитвы. Но Иларион был незлобив. Подскочит к нему бес под колени, а он рукою его отбросит в сторону и сотворит поклон. Отправив свое келейное правило, повелел он всем перекрестить лицо свое крестным знамением, лечь спать. Я же — присовокупляет отец Марко — под шубу глубоко от боязни спрятался.

На следующий день преподобный, совершив утреннее пение, вышел из богадельни по своим делам. Тогда дьявол сказывал богаделенным бабам о преподобном, как он хорошо перед Богом живет: «Как стал он во время акафиста плакать, то, — говорил бес, — устрасил он меня, будто огнем опалил, так что я выбежал вон; а как молился он в потемках, я черною кошкою к нему подскакивал, мешать ему класть земные поклоны, думая его на гнев привести и уклонить от молитвы; но ничего не мог я успеть». И все это говорил окаянный бабам, а сам был невидим.

В это время одна баба положила ребенка в люльку и стала качать его. Дьявол же выхватил ребенка, взял невидимую силой саму бабу, положил в люльку и начал ее трясти, приговаривая: «Люли, баба! Люли, дурная!» Тут вошел в богадельню сам преподобный; дьявол бросился от него в великом страхе, оставив бабу в люльке. Когда Иларион стал святить воду, бес начал страшно кричать и бросать белым камнем, так что вся богадельня потряслась; однако, по молитвам преподобного, никому вреда от того не учинилось. Преподобный совершал свое служение, никуда не оглядываясь, между тем как дьявол все вызывал его с ним переведаться. Наконец, окропляя иконы и стены святою водою, Иларион вступил с дьяволом в решительную борьбу и, обращаясь в ту сторону, где он кричал нелепыми голосами, преподобный воскликнул: «Где еси ты, враже всякие правды? Аз раб Господа моего Иисуса Христа, от его имени гряду бороться с тобою; выходи же, окаянный!» И начал повсюду кропить водою, и на печи, и на полатах, и на лавках, и под лавками, и потолок, и стены. Дьявол же умолк и скрылся и не являлся целые три дня. Но потом опять очутился в богадельнях и опять стал кричать богаделенным бабам: «Хорошо этот монах перед Богом живет, нельзя мне приблизиться к нему!» Когда воротился Илари-

он, дьявол уже стал не так дерзновенно подавать голос, видимо, ослабевал, и говорил как-то немо. Преподобный говорил ему: «Все ли ты бесстыдствуешь, окаянный? Заклинаю тебя именем Божиим, поведай мне, где ты был в эти три дня и где скрывался, когда я кропил святою водою?» — «Когда ты кропил, — отвечал дьявол, — в то время я под платьем на шесте сидел, а как там не мог усидеть, перескочил я на шесток, потому что там ты забыл окропить: там и сидел я до сих пор и отдыхал». Иларион опять спросил: «А камни белые где берешь?» — «С белого города, — отвечал дьявол. «Как твое имя?» — спрашивал Иларион. — «Имя мое Игнатий, — отвечал бес, — княжеского рода; я телесен, живу по плоти. Мамка послала меня к демону, и тотчас же взяли меня демоны». Потом Иларион стал его изгонять из богаделен, но он не шел, говоря, что не сам он здесь вселился, но был послан, и потому не может уйти. Однако мало-помалу стал говорить немо и, ослабевая, исчезал.

Однажды, в отсутствие Илариона, мимо той богадельни шли попы и, став под окном, начали заклинательную молитву читать. Дьявол же, застучав и как бы устремляясь на них, стал нелепыми голосами кощунствовать. «Ох вы, пожиратели! — кричал он. — Сами пьяны, как свиньи, — меня ли вам выгнать!» Другой раз стали богаделенные бабы между собою браниться из-за того, что многие пропажи между ними бывают. Демон же переключался их устами. Одна скажет: «Отдай мыльце!» — а другая ей в ответ: «Свиное рыльце!» Итак, сначала окаянный научил их воровству, а потом сам же и обличал их. Еще раз как-то монах Иосиф Рябик спал в той богадельне на полотах, но, ложась, забыл лицо свое перекрестить. Дьявол же дерзнул поцеловать его в губы и громко воскликнул, обращаясь к самому Илариону: «Я поцеловал в уста дьякона вашего, что на полотах лежит: длинные у него волосы, но студенные губы!» — «Как ты смел, окаянный, на это дерзнуть?» — спрашивал Иларион. «А я узнал, что он не перекрестясь заснул», — отвечал дьявол.

И боролся Иларион с тем дьяволом пять недель, и наконец совсем изгнал его от богаделенных баб. Пожив в богадельнях десять недель, возвратился в свой монастырь в духовной си-

ле, яко царев храбрый воин, и во бранях победитель крепкий, от супостата же отнюдь не преодоленный; нечистым духом страшный и всему миру преславный...

Верования в колдовство и ведьм весьма распространены в народе и в настоящее время. В особенности это характерно для Малороссии: тут в каждом селе имеется одна или несколько ведьм, о проделках которых отлично известно всякому. Здесь в народных представлениях о черте и о ведьмах нет ничего таинственного. Черт представляется более комичным существом, чем грозным, более добродушным, чем злобным. Колдуны и ведьмы — обыкновенные люди, они живут среди людей, всем в деревне известны, и с ними входят в постоянные сношения и даже обращаются к ним за помощью и советом во всех трудных случаях жизни.

Существуют два вида ведьм: ведьмы прирожденные и ведьмы ученые. Первые обладают таинственной силою ведовства от природы, вторые научаются пользоваться этой силой от первых или непосредственно от черта, отдавая ему взамен свою душу. Природные ведьмы, а также ведьмачи или упыри могут оказывать добро людям, и к ним люди обращаются, чтобы исправить зло, нанесенное учеными ведьмами.

Вот образ ведьмы по представлениям народной фантазии: пожилая женщина, чаще старуха, высокая, тонкая, худая, костлявая, несколько сгорбленная, растрепанные или выбившиеся из-под платка волосы, большие, с сердитым выражением глаза, желтые или серые, косой из-под насупленных бровей взгляд, всегда вбок, а никогда прямо в глаза другому человеку; в зрачках «мальчики» головою вниз; рот широкий, губы тонкие, подбородок, выдавшийся вперед, руки длинные. У прирожденной ведьмы всегда небольшой хвост и черная вдоль спины полоска волос от затылка до плеча*.

* Большая часть приводимых ниже рассказов о ведьмах заимствована нами из статьи г. Иванова, которым они собирались в течение 14 лет при посредстве учителей и учительниц сельских училищ Купянского уезда Харьковской губернии. — *Прим. автора.* (См.: Иванов П. В. Народные рассказы о ведьмах и упырях // Сб. Харьковского историко-филологического общества. 1891. Т. 3.)

По народным верованиям, ведьмы (у нас, как и на Западе, колдовством занимаются преимущественно женщины) способны причинять людям всякое зло: они доят по ночам чужих коров, причем выдаивают их до крови и тем портят их; скрадывают с неба дождь и росу, которые они уносят в завязанных сосудах с собою и хранят в своих домах, чем причиняют засуху или, наоборот, вызывают дождь, град, чем уничтожают посевы и производят голод; также они делают «закрутки» или «заломы» на нивах, которые «закручивают», с целью причинить смерть хозяину нивы или чтобы перетянуть к себе чужое хлебное зерно. Им также приписывается моровое поветрие и падежи скота. Ведьмы умеют превращаться в разных животных и в различные неодушевленные предметы. Они также сосут кровь у людей, в особенности у парней и девушек, и тем причиняют им смерть.

Между ведьмами есть чаровницы, которые разным зельем и приговорами причиняют людям зло, вмешиваясь в частные дела человека, расстраивая семейное счастье, отнимая любовь или, напротив, заставляя влюбиться в нелюбимую особу, расстраивая здоровье, причиняя смерть и т. д. Но чаровницы могут также действовать на пользу человека: давать во всем удачу, успех, освобождать своими чарами от угрожающих опасностей и т. д.

Способность ведьм к превращениям, по народным рассказам, безгранична. Ведьма может принять вид иглы и копны сена, мухи и лошади, медленно ползущего бревна и быстро несущегося вихря. По некоторым верованиям, превращениям подвергается не тело ведьмы, а душа ее, тело же ее остается дома бездыханным в то время, когда блуждающая душа меняет свой образ, являясь людям в разных видах. Так, однажды солдат переверотил тело ведьмы, ушедшей на свой промысел, головою туда, где лежали ноги; возвратившаяся с ночных походов душа ее начала летать вокруг да около, «то куркою, то гускою, то мухою, то пчелою», чтобы как-нибудь попасть в свою телесную оболочку, однако не могла войти в нее, пока наконец тело не было приведено в то положение, в каком его оставила душа, когда ушла странствовать.

Ведьмы прибегают к превращениям, чтобы отводить глаза, морочить людей. Зато им достается, когда они попадутся

в руки народа. Лет тридцать тому назад в Купянске жила старуха с совершенно обезображенным шрамами лицом, про которую рассказывали, что она ведьма. С ней был следующий случай. Поздно вечером вез крестьянин по Колонтаевской улице на мельницу рожь в мешках, видит — бежит за санями большущая крыса да все старается вспрыгнуть на мешки. Сколько ни отгонял ее мужик от саней, не мог прогнать, так вместе с крысой и доехал до мельницы. Рассказал здесь мирошнику* о чудной крысе, а тот ему и говорит: «Знаю я, что это за крыса! Надоела она мне хуже горькой редьки. Постой, не будет больше таскаться сюда». Взял да поймал эту крысу. Внес ее в сукновальню, бросил в ступу и приказал ударить пестом три раза, а потом выбросить за греблю. Наутро нашли около гребли женщину, всю окровавленную, с страшно изуродованным лицом и перебитой рукой. Это и была старуха со шрамами на лице.

Наши ведьмы, как и западные, способны к оборотничеству. Существует масса народных рассказов о превращениях в собак, кошек, свиней и т. д.

«У одного чоловика була мать видьма. От вона раз сняла з неба зирку и зробылась собакою. Той чоловик выйшов ночью надвир и баче — чужа звирына по двору ходе. Вин на неї почав крычаты: “Пишла, пишла, поганко!” А вона стоить собі, наче не чує! Вин як схвате сокиру та як трахне — так ий одрубив лапу. На другый день лыжыть его мате та квохче на печи без руки».

«Иде парубок уночи по вулиці, а его мате зробылась собакою и перебига ему дорогу. Вин догадався, шо це видьма, а не знав, шо его мате, пиймав ии и потянув додому. Дома взяв одрубав ий лапы передни и задни. Уранці встає: “Ой, лыщечко!” Мате лежыть на лави без рук и ниг».

Очень часто ведьма принимает вид клубка, это еще опаснее, чем если она принимает вид собаки. Клубок, под видом которого скрывается ведьма, катится обыкновенно, пересекая путь пешеходу, попадает под ноги и наносит ему удары в различные части тела. У одних людей доила ведьма корову; пошли они к знахарю, просить их горю пособить, посу-

* Мирошник — мельник (южн. диал.).

лили ему за это кусок полотна. Знахарь пришел вечером, нашел в загороде в плетне дырку и сел около нее; как стемнело, видит — лезет в дырку что-то, он и схватил, а оно обратилось в клубок. Знахарь отнес этот клубок к себе домой и прибил его к стене гвоздем. Наутро смотрит — висит не клубок, а женщина, за губу прибитая. Стала она просить знахаря отпустить ее и пообещала никогда уже не ходить доить чужих коров, а ему предложила три куска полотна. Он отпустил ведьму и получил от нее три куска полотна да от хозяев коровы еще один кусок.

Однажды ведьма превратилась в копну сена, передвинулась через дорогу, приблизилась к стоявшей тут корове и стала ее доить. Корова, заметив, что около нее сено, стала щипать и есть. Выдоивши корову, копна сена поползла назад домой. На следующий день утром встали дети и видят, что у матери вырваны на голове все волосы — это корова ей ночью повыщипала. Корова наутро издохла. Хозяйка коровы пришла в хату к ведьме и видит, что та варит кашу с молоком. Она ее спрашивает: «Где ты взяла молоко, у тебя ведь нет коровы?» Ведьма ответила, что купила. Тогда хозяйка, придя домой, содрала с коровы шкуру, разрежала живот и нашла там волосы ведьмы».

Существует также масса рассказов о волкулаках, то есть оборотнях, принимающих образ волка. Это или колдун, принимающий звериный образ, или простой человек, чарами колдовства превращенный в волка. В последнем случае волкулаки представляются существами незловредными, а страждущими, несчастными, заслуживающими полного сострадания. Они живут в берлогах, рыскают по лесам, воют по-волчьи, но сохраняют человеческий образ. Наоборот, колдуны, принимающие образ волка, крайне опасны: они наводят голод, высасывают кровь из людей и скота, причиняют смерть. Большею частью волкулаки — это мертвецы, которые при жизни занимались колдовством и умерли без покаяния. После смерти в их тело входит дьявольский дух, одушевляет его и вынуждает под различными образами причинять всевозможные несчастья человеку. Народная фантазия яркими красками рисует образ волкулака: желтоватое, изрытое глубокими морщинами лицо, всклокоченные, стоящие дыбом

волосы, красные налитые кровью глаза; покрытые кровью до локтей руки, железные зубы, черные, как смоль, голубоватые усы и отвисшая кожа на теле.

Ведьмы обязательно должны участвовать на сходках шабаша, которые происходят на Лысой горе в Киеве и куда они летают обыкновенно на метле или кочерге через дымовую трубу. Эти полеты ведьм на шабаш считаются актом, вменяемым дьяволом им в обязанность, от которой они никак не могут освободиться. Вот один рассказ, в котором с наивностью и добродушием выражается народное воззрение на эти обязательные полеты ведьм на шабаш: «Одна женщина пришла к своей соседке, старухе, слывшей ведьмою, вечером под Пасху, когда ведьмы обыкновенно летают на шабаш. Начали звонить в церквах, старуха стала одеваться; соседка спрашивает ее: “До церкви одягаетесь, бабусю?” — “Ни, моя дочко, не до церкви, а треба лититы”. — „Куды, бабусю?“ — “Луче и не пытай, треба; хочь ни хочь, а треба”. — “А вы б, бабусю, пишлы до церквы, Богу помолылись, — так вам ничего и не вдиють”. — “Ни, мое сердце, не можно: не полечу, сами являтьця, озьмуть мене и горе буде мини, треба лититы”. — “А можно мини поглядити, як вы, бабусю, политите?” — “Чом ны можно — можно”. Вышли в сени: старуха стала пид бовдур* и вдруг, как дым, вылетела из трубы».

По общепринятому мнению, ведьма когда умирает, то страшно мучится и так стонет и корчится, что при виде страданий ее ни у кого не хватает духа оставаться в хате. Она до тех пор не умрет, пока не просверлят дыры в потолке или в стене над дверью. После смерти распространяется от трупа страшный смрад и труп в тот же день разлагается. Погребают женщин, слывших ведьмами, по обыкновенному христианскому обряду, как и прочих умерших естественною смертью крестьянок, но иногда хоронят их поздно вечером. Это бывает тогда, когда родственники умершей, боясь посещения ее из могилы, просят священника прочитать над нею «заклятие молитвы», а потому желают, чтобы было поменьше народа при исполнении этого обряда. Часто ведьма после смерти

* Бовдур — дымоход (укр.).

приходит по ночам к своим домашним и занимается хозяйством, как при жизни. Чтобы избавиться от этих ужасных посещений ведьмы, ее прибивают к гробу колом или по крайней мере осиновым колком прибивают крышку к гробу.

В народе крепко держится поверье, что умершие могут оставлять могилы и являться среди людей. В особенности распространена вера в упырей, то есть ведьмачей или ведьмунов. Упыри встают из могил по ночам, ходят в разных видах, пьют кровь из детей, вступают в связь с девками и женами.

Как пишет Афанасьев⁸⁸, автор книги «Поэтические воззрения славян на природу», упыри — это злобные блуждающие мертвецы, которые при жизни своей были колдунами, волколаками и вообще людьми, отверженными церковью, каковы: самоубийцы, опойцы, еретики, богоотступники и проклятые родителями. Упыри и упырицы бывают виновниками чумы и других эпидемических болезней, засухи, неурожаев и вообще всяких общественных бедствий. Вот один рассказ об упыре: «В одном селе жили два кума ведьмача; один из них умер и был по общепринятому порядку похоронен, как обыкновенно хоронят крестьян. Через несколько дней после похорон оставшийся в живых ведьмач вспомнил о своем умершем куме и сказал: дай, пойду, проведу кума. Сказано — сделано. Пришедши на кладбище, он отыскал могилу кума, наклонился над нею и крикнул в отверстие, которое было в могиле: “Здоров, кум!” — “Здоров!” — отвечал ему из могилы голос. “Я тебя, кум, пришел проведать”. — “Спасибо, кум!” Долго переговаривались они; между тем наступили сумерки, стемнело, в хатах зажглись огни. Выходит из могилы ведьмач и предлагает своему куму отправиться вместе в деревню, как только заснут люди. Долго ходили они по деревне, отыскивая такую хату, где бы окна не были на ночь осилены крестным знаменем. Наконец нашлась хата, хозяйка которой забыла перед сном перекрестить окна, в эту хату они и вошли. Мертвый пошел в кладовую, принес оттуда хлеба и меду, сели за стол и поужинали. Все хозяева хаты спали крепким сном и, конечно, не видели и не слышали, что делается у них в хате. Между тем упырь заметил, что в люльке лежит грудной ребенок; поэтому, когда, поужинав, они вышли из хаты и прошли

улицу до конца, он сказал своему товарищу: “Эх, кум, что мы сделали: мы забыли в хате погасить свечу! Побудь тут, я пойду погасить”. Воротился мертвец в хату, а живой, догадываясь, зачем он воротился, пошел вслед за ним, подошел к окну и видит: кум наклонился над колыбелью и сосет из младенца кровь. Потом вышел мертвец из хаты, подошел к куму и сказал: “А теперь, куме, отведи до могилы меня”. — “Нет, кум, я не хочу идти туда с тобою”. — “Почему?” — “Боюсь”. — “Не бойся, кум, я для тебе не злодей, пошли, брат, ты взял меня из гроба, ты и отведи”. Делать нечего: пришлось живому куму идти с мертвым до могилы. Пришли к могиле, мертвый и говорит: «Пошли со мною в могилу, меня будешь веселить!»! Схватил кума за полу да и тянет за собою в могилу. Но кум был настороже: отполосовал ножом часть полы, а тут, к счастью, запели петухи, и кум-мертвец скрылся в могилу. Тогда живой кум побежал в деревню, собрал народ и рассказал все, что в эту ночь с ним случилось. Пошли на кладбище, разрыли могилу, вынули гроб, видят, что мертвый лежит лицом вниз, взяли осиновый вол и забили ему в затылок. Когда вбивали кол, мертвец проговорил: “Эх, кум, кум! Не дал ты мне на свете пожить!”»

Вот случай народной расправы с упырем, сообщенный в «Киевской старине» (1890 год, том XXVIII) на основании акта, извлеченного из документов о гайдамаках⁸⁹, которых судила в Кодне военно-судная комиссия. Во время поветрия в 1770 году между крестьянами села Войтовка возникли частые толки о том, что по селу что-то ходит, отворяет окна и «надыхуе» через них в хаты, отчего народу мрет больше, чем бы мерло без этого. Несколько человек из народа, ввиду таких толков, поставили себе целью выследить виновника народного бедствия. Вскоре на одном из их сборищ было заявлено некоторыми из присутствовавших, что они видели ходящего по селу упыря, что на упыря этого с остервенением нападали собаки, а скот при виде его стремительно убегал. Проследили при этом и во что был одет упырь: он был в белой рубаше и синих суконных штанах, от колен подштанкованных белым сукном. А в таком одеянии, как всем было известно, ходил обыкновенно приходский войтовский поп, отец Василий. Тогда у всех явилось подозрение, что ходит по

селу по ночам не кто иной, как поп. Обратились с вопросом об этом к самому батюшке, но он категорично отрицал возводимое на него обвинение. Тогда спросили попадью, ходит ли батюшка ночью по селу, — и она тотчас заявила, что ходит и что у него бывает по ночам его уже умершая сестра вместе с другими мертвецами, причем все они толкутся с шумом по комнате и «клацают ртами, как будто что едят». Ввиду такого показания сделали очную ставку попадье с попом, ее мужем, требуя, чтобы она сказанное ею повторила в его присутствии. Она повторила, добавив: «Не запирайся, это ведь правда, что ты ходишь по селу в ночи». Это подтвердила и попова кухарка. После этого участь попа была решена. Тринадцать человек, выбранные сельчанами, сначала выкопали на кладбище яму, а затем явились к попу и в то время, как он вышел из приходского дома, кинулись на него и стали бить дрючками. Избив его до полусмерти, достали носилки, положили его на них и отнесли к выкопанной яме.

Там, пробив его осиновым колом от плеча к плечу «навылет», бросили в яму и, не слушая мольбы попа, заживо закидали его землей. Поветрие после этого, по показаниям участвовавших в убийстве, затихло, хотя не совсем. На суд попал только один участник убийства, 26-летний крестьянин села Войтовки Леско Ковбасюк, остальные умерли от поветрия. Кодненская военно-судная комиссия отпустила его без наказания.

В 1727 году 6 июля в Решетиловку Полтавской губернии явился некий Гаврило Мовчаненко, уроженец села Стасовец, объявил себя упырем и говорил, что дожда в Решетиловке нет потому, что там много ведьм. Народ привел его в ратушу и потребовал от сотника, чтобы он, кого упырь покажет ведьмами, велел в воду топить. Хотя сотник и не допустил топления ведьм, но, «невозможши народ унять» и уступая принуждению, велел при всем народе допросить упыря. На этом допросе упырь показал: родом он из села Стасовец, волшебству учился в Зенькове, у Ивана Голи-Постолы. Наука волшебства состояла в мазанье под плечами «неяким зельем». В Зенькове он находился три года и знает там трех ведьм, с которыми вместе волшебствовал. В Решетиловке он указал на четырех ведьм. Показания упыря произ-

вели сильное волнение в народе, и сотник, боясь бунта и того, что его убьют, если он не даст топить указанных ведьм, донес обо всем этом полтавскому наказному полковнику. Для унятия бунта была выслана из Полтавы помощь. Упырь и четыре решетиловские обывательницы, объявленные им ведьмами, были доставлены в Полтаву для допроса. При допросе Мовчаненко назвал себя волшебником и на очной ставке с Марией Пещанской, Марией Пустоваровой, Мотрей Гуриной и вдовой Ефимьей Сорочихой показал, что все они ведьмы, что Пустоварова ночью, сделав его конем, ездит на нем и погоняет его коленом, что Иван Гомо-Постолы, зеньковский житель, упырь, пересказал ему упырьство, и с того времени ведьмы, узнав, что он упырь, ездят на нем в Киев. Обвиняемые ведьмы показали, что ничего про то не ведают. Когда же упырь был спрошен вновь и под «батожным боем», то сознался, что «в безумии опорочил» этих жен и что в «новомесяц припадает ему в голове замешание», вследствие которого три раза он был близок к смерти. Полтавский полковой суд, узнавши «явную его Мовчаненко плутню и обману», приговорил «опороченных жен освободить из-под караула и отпустить их домой по-прежнему, о чем всему урядово-решетиловскому товариществу и посполитству и кому того ведати надлежит объявить, дабы всяк, ведая о таковом вымышленного обманщика и неполного ума человека потворе, впредь оному и подобным ему лжецам весьма не доверял».

Мы не имели в виду системно и всесторонне охватить все проявление народной фантазии в отношении колдовства. Тут надо сказать, что наша литература бедна исследованиями по этому вопросу, а нашими учеными обществами и лицами, занятия которых ближе всего соприкасаются с этой областью народоведения, ничего не делается для организации таких исследований. Если не считать двух-трех монографий и статей, разбросанных по различным журналам и газетам, — в нашей литературе совершенно не разработана область народных верований в колдовство. Между тем эта область представляет огромный интерес — не только культурно-исторический и этнографический, но и юридический, ввиду возникающих у нас время от времени на почве этих верова-

ний судебных дел о колдовстве и фактов народной расправы с ведьмами. Поэтому мы и посчитали нужным в общих и кратких чертах охарактеризовать эти верования. Теперь же мы перейдем к изложению некоторых дел о колдовстве, разбиравшихся в наших судах в течение XIX столетия.

В 1824 году общество крестьян деревни Аксеновки через своего выборного донесло управляющему местной удельной конторы, что крестьянин Андрей Копалин, мельник на мукомольной мельнице, «имея за собою колдовство», портит людей, «садит икоты под названием кликуш и выпускает другие болезни, как-то: грыжи, вздутие живота, боль в пояснице и проч.». Управляющий конторой, «принимая в уважение рапорт крестьян», просил суд произвести законное расследование возводимого на Копалина подозрения. Копалин в колдовстве не признался. Крестьяне же утверждали, будто бы многие из-за этого уже померли и что терпеть в селении Копалина они не согласны.

В числе обвинителей Копалина явился, между прочим, родной его племянник Евдоким, «одержимый болезнью и не в полном разуме». Когда с ним «случалось», он кидался при людях на своего дядю мельника, называл его отцом и «выговаривал», что тот впустил ему в утробу воробья с золотыми перышками. Крестьянин Иван Мысов удостоверил, что мельник напустил ему на правую ногу болезнь с большою опухолью, под названием грыжа. Крестьянин Рычков удостоверил, что жена его от порчи Копалина «подвержена такой икоте, что почасту и вовсе ума лишалась». Во время припадков она бьется об землю, не щадя жизни своей. При встречах с мельником порченная кидается ему в ноги и вопит, обнимая его колена: не трогайте моего батюшку! Таких больных, кликуш, испорченных Копалиным, оказалось в волости не менее семнадцати. Каждая из них заявляла, что Копалин испортил ее по злобе на мужа, брата или отца. Молодой крестьянин Урентов показал, что вскоре после свадьбы его семнадцатилетняя жена Марья сделалась больна икотой и со временем эта болезнь стала так тяжела, что она уже больше не встает с постели. Порчу эту Копалин напустил на нее единственно за то, что на свадьбе молодая не подала ему вина. Старуха Ларионова жаловалась, что ее двадцатитрех-

летний сын «с глазу» Копалина «начал скучать и болеть сердцем, и расходится оная болезнь по всей его утробе». У других также «с глазу» оказывается ломота во всех членах, в руках и в ногах.

Вологодский совестный суд⁹⁰ первоначально решил, «передав дело воле Божией, наказать Копалина в селении прутьями, дав ему 70 ударов». Но спустя восемь лет дело это опять было возбуждено, так как крестьяне нескольких смежных волостей, как видно не удовлетворенные решением суда, «составили приговоры» об удалении из обществ, с ссылкой на поселение в Сибирь, Андрея Копалина, его свояченицы, жены Прасковьи Копалиной и еще троих крестьян, водившихся с ними, «за зловердные действия их порчею людей, напусканьем кликуши или икоты, от которой порчи страждут люди». Департамент уделов⁹¹, не утвердив эти приговоры, передал дело для нового судебного расследования.

Прасковья Копалина, по свидетельству крестьян, кроме порчи девок и женок, изобличалась еще в том, что «для привлечения в дом свой кого-либо из мужчин для сожития с нею источала из разных частей тела своего кровь и клала оную в муку, дабы таковою лепешкою приворожить к себе молодого мужчину».

Следователь при вторичном расследовании дела пригласил местного штаб-лекаря «для исследования в истине болезни одержимых». Врач после тщательного осмотра дал следующий отзыв: «Таковые люди одержимы истерическими припадками, а не порчею или напусанием на них посредством чародейства икоты или кликуш».

Старинное народное верование, что для прекращения моровой язвы необходимо отыскать виновницу в ее распространении и сжечь или закопать живую в землю, со временем перешло в другое верование, по которому для уничтожения мора самое вернейшее средство — похоронить живой вообще какую-либо старуху. Такое поверье до сих пор не вывелось в некоторых местностях России до конца XIX века. В 1855 году оно даже получило осуществление на практике жителями деревни Окопович Новогрудского уезда во время свирепствовавшей тогда холеры. Когда двое крестьян упомянутой деревни везли хоронить своих только что умерших детей, то

к печальной процессии по дороге присоединилось еще несколько человек крестьян, и между прочими сотский и старуха крестьянка Манькова. Манькову уговорили идти на похороны сотский и некоторые из крестьян. Они задались целью вместе с умершими детьми похоронить и ее, так как были уверены, что самый верный способ прогнать холеру состоит в том, чтобы применить испытанное средство — закопать в землю живую старуху. Манькову действительно похоронили вместе с детьми. Но холера не прекратилась и похитила всех участников преступления, за исключением одного крестьянина Козакевича, на которого и обрушилось наказание. Козакевич, по решению Минской уголовной палаты, был признан виновным в убийстве с обдуманном заранее намерением и приговорен к наказанию плетьюми и ссылке в каторжные работы на двенадцать лет.

По сообщению «Киевской старины» (1883 год, том XI), в 1864 году в Старобельском уезде Харьковской губернии в селе Белявке, принадлежащем помещику Штенгеру, в волостное правление явился крестьянин и принес жалобу, что соседка его, будучи во вражде с ним, испортила его корову, которая чрез это и околела; с тем вместе добавил он, что соседка его ведьма и что он просит правосудия волостного правления. Жалоба крестьянина была выслушана волостным старшиной и присутствовавшими с ним в правлении стариками. Чтобы не впасть в ошибочное решение столь трудного обстоятельства, старшина и все сборище после долгого обсуждения дела остановились на том заключении, что необходимы доказательства более ясные к обличению вины подозреваемой преступницы, и для этого предложили жалующемуся крестьянину отыскать знахаря, который один только может обнаружить виновного. На расстоянии четырех верст от Белявки в селе Варваровке, принадлежащем графине Клейст-Мос, отыскан был знахарь и привезен в Белявское волостное правление. При сборище народа, интересующегося всегда подобного рода событиями, знахарь спрошен был: кто извел корову крестьянина? Он подтвердил вполне обвинение хозяина коровы и удостоверил, что соседка его действительно ведьма. После этого крестьяне схватили бедную женщину, подвергли ее исследованию, не имеет ли она хвоста, избили

ее и присудили уплатить соседу за погибшую корову. Семья ее также подверглась преследованию: не было ни ей, ни мужу, ни детям житья в селении, их встречали бранью, укорам и в колдовстве и провожали свистом.

В газете «Неделя» (№ 46 за 1875 год) помещена корреспонденция, в которой рассказывается, что крестьяне одного села в Полесье по совету стариков и старосты задумали испытывать ведьм водой и просили помещика, чтобы он позволил использовать для этого свой пруд. Дело остановилось только вследствие того, что помещик не дал согласия. Тогда крестьяне порешили осмотреть женщин, предполагая, что у кого-нибудь из них окажется хвост или другие очевидные признаки. Староста и сотские приказали мужьям гнать баб в корчму, и мужья волей-неволей исполнили это. Для осмотра была привлечена повивальная бабка, которая осматривала женщин по очереди и, выпуская на улицу, кричала стоявшему караулу в виде старосты и сотского: пустить, не ведьма! Ревизия выявила трех ведьм — их посадили под арест и написали донесение становому. Дело окончилось взяткой, которую становой взял с мужиков.

Как сообщала газета «Киевлянин» (№ 132 за 1877 год), в 1877 году крестьяне села Рябухи Дмитровской волости заподозрили в чародействе жительницу этого села крестьянку Акулину Чумаченкову. Вследствие этого 23 августа по приглашению старосты, сотского и волостного писаря крестьяне собрались на сход и потребовали Чумаченкову для допроса. Так как она не признавалась, то судьи при каждом задаваемом ей вопросе подвергали ее пытке. Привязав веревку за большой палец одной ноги, привешивали обвиняемую к потолку, и она, вися вниз головою, в конце концов призналась в том, что занимается чародейством и «испортила» казака села Дементия Педько. При этом она оговорила в соучастии еще одну женщину, Варвару Чузенкову. Дело было передано судебному следователю.

В 1885 году летом в деревне Пересадовке Херсонской губернии был случай расправы крестьян с тремя бабами, которых они сочли за колдуний, задерживающих дождь и производящих засуху. Женщин этих насильно купали в реке, и они избежали печального для себя конца тем, что указали разь-

ярившимся крестьянам место, где будто бы они спрятали дождь: староста с понятыми вошел в избу одной из колдунь и там, по ее указанию, нашел в печной трубе замазанными два напильника и один замок. Волнение улеглось, хотя дождь после этого так и не пошел.

13 октября 1879 года временное присутствие Новгородского окружного суда в Тихвине разбирало с участием присяжных заседателей дело о сожжении колдуньи солдатки Игнатъевой. Обстоятельства этого дела заключались в следующем: 4 февраля 1879 года в деревне Врачеве Деревской волости Тихвинского уезда была сожжена в своей избе солдатская вдова Аграфена Игнатъева, 50 лет, слывшая среди местного населения еще со времени своей молодости за колдунью, обладавшую способностью «портить» людей. По выходе замуж Игнатъева около двенадцати лет жила в Петербурге и года за два до своей смерти возвратилась на родину. Когда крестьяне слышали, что Игнатъева переселяется в деревню Врачево, то стали опасаться «порчи»; высказывалось мнение, что лучше всего сразу взять Аграфену, заколотить в сруб и сжечь. Как колдуньи Игнатъевой боялись все в деревне и старались всячески ей угодать. Так как она по своему болезненному состоянию не могла работать, то все крестьянки из страха перед ее колдовской силой старались снискать себе ее расположение и оказывали ей всякие услуги, как-то: работали за нее, отдавали ей лучшие куски, мыли ее в бане, стирали ей белье, мыли пол в ее избе и т. д. Со своей стороны Игнатъева, не уверяя положительно, что она колдунья, не старалась разубеждать в этом крестьян, пользуясь внушаемым ею страхом для того, чтобы жить на чужой счет.

Глубоко вкоренившееся в крестьянах убеждение в ее колдовстве нашло себе подтверждение в нескольких случаях нервных болезней, которым подверглись крестьянки той местности вскоре после возвращения Игнатъевой. Происхождение всякой такой болезни народ связывал с каким-нибудь случаем мелкого разлада или ссоры между заболевшей крестьянкой и Игнатъевой. Так, однажды Игнатъева приходила в дом Ивана Кузьмина и просила творогу, но в этом ей отказали, и вскоре после того заболела его дочь Настасья, которая в припадках выкликивала, что испорчена Игнатъевой.

Кузьмин ходил к Игнатьевой и кланялся ей в ноги, прося поправить его дочь. Но Игнатьева ответила, что Настасьи не портила и помочь не может. Такой же болезнью с припадками была больна и крестьянка Мария Иванова. Наконец, в конце января 1879 года заболела дочь Ивана Иванова, Екатерина, у которой ранее того умерла от подобной же болезни родная сестра, выкликивавшая перед смертью, что она испорчена Игнатьевой. Екатерина Иванова была убеждена, что ее испортила Игнатьева за то, что раз она не позволила своему маленькому сыну идти к Игнатьевой наколоть дров. Так как Екатерина выликала, что испорчена Игнатьевой, то ее муж, отставной рядовой Зайцев, подал жалобу уряднику, который и явился во Врачево для производства дознания, за несколько дней до сожжения Игнатьевой.

В воскресенье 4 февраля в деревне Врачево в доме крестьян Гараниных происходил семейный раздел, и к Гараниным после обеда собралось много гостей. Один из крестьян, Никифоров, обратился к собравшимся с просьбой защитить его жену от Игнатьевой, которая будто бы собирается ее испортить, как об это выликала больная Екатерина Иванова. Тогда Иван Андреев-Коншин вызвал Ивана Никифорова в сени и о чем-то советовался с ним и затем, возвратившись в избу, стал убеждать крестьян в необходимости, до разрешение жалобы, поданной уряднику на Игнатьева, обыскать ее, заколотить в избе и караулить, чтобы она никуда не выходила и не бродила в народе. Все бывшие у Гараниных крестьяне, убежденные, что Игнатьева колдунья, согласились на предложение Коншина, и для исполнения этого решения Иван Никифоров отправился домой и принес гвозди и, кроме того, несколько лучин. Затем все крестьяне в числе четырнадцати человек отправились к избе Игнатьевой.

Войдя в избу, они объявили Игнатьевой, что она «неладно живет», что они пришли обыскать ее и запечатать, и потребовали у нее ключи от клетки. Когда пришли в клеть, то Игнатьева отворила сундук и стала подавать Коншину разные пузырьки и баночки с лекарствами. Эти лекарственные снадобья, найденные в сундуке Игнатьевой, окончательно убедили крестьян, что она действительно колдунья. Ей велели идти в избу, и когда она туда направилась, то все крестья-

не в один голос заговорили: «Надо покончить с нею, чтобы не шлялась по белу свету, а то выпустим — и она всех нас перепортит». Решили ее сжечь вместе с избой, заколотив окна и двери. Никифоров взял доску, накрепко заколотил большое окно, выходившее к деревне. После этого Коншин хлопнул дверь и зажженной лучиной зажег солому, стоявшую у стены клетки, другие крестьяне зажгли висевшие тут веники, и огонь сразу вспыхнул. Услышав треск загоревшейся соломы, Игнатьева стала ломиться в дверь, но ее сначала придерживали, а потом подперли жердями и заколотили.

Дым от горевшей избы был замечен в окрестных деревнях, и на пожар стало стекаться много народу, которого собралось человек триста. Крестьяне не только не старались потушить огонь, но, напротив, говорили: «Пусть горит, долго мы промаялись с Грушкой!» Иван Иванов, который в тот день приходил во Врачево к своей больной дочери Екатерине, узнав, что Игнатьева заколочена в горевшей избе, стал креститься и бегать около избы, говоря: «Слава Богу, пусть горит; она у меня двух дочек справила». Вскоре пришел брат Игнатьевой, Осип. Он бросился к дверям, но сени были в огне, и туда нельзя было попасть; он подошел к окну, желая оторвать прибитое полено, но крестьяне закричали на него, чтобы он не смел отрывать полена, потому что «миром заколочено и пусть горит». Игнатьева, видя неминуемую смерть, пробовала было спастись в незаколоченное окно, выходившее на огород, но окно оказалось слишком тесным, а тут крестьяне на всякий случай поспешили заколотить и это окно. Так как дым и огонь ветром относил на реку, в сторону от избы, на крыше которой лежал толстый слой снега, то крестьяне решили спихнуть крышу; несколько крестьян принялись за это, и один из них разворотил жердью бревна на потолке, чтобы жар скорее проник в избу. После этого огонь охватил всю избу, потолок провалился, и исчезла всякая возможность спасти Игнатьеву. Пожар продолжался всю ночь, и на следующий день на пожарище была только развалившаяся печь и яма с испепелившимися остатками костей Игнатьевой.

К ответственности было привлечено семнадцать человек. На суде подтвердились все обстоятельства происшедшего; подсудимые и свидетели чистосердечно рассказали все по-

дробности дела — что Аграфену все считали колдуньей, что она многих испортила и что решили ее сжечь. Между прочим, во время судебного следствия со свидетельницей Екатериной Ивановой (вышеупомянутой больной) случился ужасный припадок. Она вдруг упала на пол, и в течение четверти часа ее страшно ломало. Судорожные движения были настолько сильны, что трудно было понять, как она не повредила себе руки и ноги и в особенности как осталась целой голова, которой Иванова колотила об пол. Выражение лица ее было страшное. Глаза то открывались, блистая каким-то адским огнем, то снова закрывались, и в это время лицо искажалось до невероятности. Эта сцена произвела весьма тяжелое впечатление как на присяжных заседателей, в ногах у которых валялась Иванова, так и на собравшихся крестьян.

Присяжные отнеслись весьма снисходительно к подсудимым, в которых они видели не обыкновенных преступников, а несчастных, сделавшихся жертвою глубоко укоренившегося в их среде предрассудка. Суд приговорил только троих к церковному покаянию, а остальных оправдал.

15 декабря 1895 года Кашинский окружный суд, с участием присяжных заседателей, разбирал в городе Мышкине Ярославской губернии дело о колдунье, подробности которого заключаются в следующем. В конце ноября 1893 года крестьянка Ольга Брюханова внезапно заболела нервным расстройством, причем стала подвергаться припадкам сильной тоски, конвульсивным судорогам и то отрывисто выкрикивала, то смеялась, то плакала. Не умея объяснить себе этих явлений, муж Брюхановой, Петр, и мать ее, Капитолина, а равно и сама она относили причину болезни к колдовству, «порче», как они выражались, и за исцелением обратились к ворожеям и бабкам; когда же те никакой пользы не принесли, больную стали как можно чаще водить в церковь, но от этого припадки только усиливались: больная кричала, билась, так что приходилось ее держать. Вполне уверенная в том, что она «испорчена», Брюханова, находясь в нехороших отношениях со своей свекровью Марьей Марковой, неоднократно высказывала мужу и другим родственникам предположение о том, что во всем виновата свекровь. Чтобы с достоверностью узнать, кто «испортил» его жену, Петр Брюханов, по

совету знахарок, в первый день Пасхи, 17 апреля 1894 года, облил святой водой церковный колокол и, собрав ту же воду в пузырек, дал в тот же день из него выпить жене во время бывшего с ней припадка и решительно спросил, кто ее «испортил». Та ответила: «Твоя мать». Тогда Брюханов отправился за соседями и пригласил к себе в дом Андрея Виноградова, Владимира и Федора Грязновых и их семейства, чтобы все убедились, кого «выкликают» его жена. Когда все собрались, он вторично дал жене выпить воды из пузырька и, окропив всех присутствовавших святой водой, опять предложил жене тот же вопрос о «порче». Та твердо и подробно ответила, что на Введение день (21 ноября)⁹² 1893 года свекровь дала ей в рюмке водки «порчу», которую взяла от сестры своего мужа Марьи Артемьевой вместе со 100 рублями, которые зарыла затем у себя дома в погребе. После этого решено было потребовать в избу Марью Маркову.

Она пришла вместе с мужем своим, дряхлым стариком, Никитой Артемьевым. Петр Брюханов в третий раз дал жене «святой воды» и снова предложил вопрос о том, кто ее «испортил», на что получил такой же, как и прежде, ответ, после чего Ольга Брюханова, при виде стоявшей перед ней свекрови, сильно переменялась в лице, вскочила, «точно ее вихрем подняло», запела что-то и, сотрясаясь в конвульсиях, бросилась на 70-летнюю старуху, повалила ее на землю, стала ее таскать за волосы и наносить ей побои, требуя, чтобы она «отделала порчу». К ней присоединился Петр Брюханов и вместе с женой стал бить свою мать ногами, куда попало. Все присутствовавшие молча смотрели на это, когда же Никита Артемьев порывался защитить свою жену, Виноградов сел к нему на колени и не допустил встать с места, а Владимир Грязнов в это время придерживал дверь. Наконец Виноградов предложил затащить Маркову в погреб, чтобы она откопала 100 рублей, в которых была «порча», и с этой целью принес веревку, надел старухе на шею и потащил ее к погребу, куда вместе с Грязновыми и втолкнул ее, после чего дали ей в руки косарь, требуя, чтобы она откопала «порчу». И лишь когда Маркова совершенно ослабела, ее оставили в покое.

К этому времени стал собираться народ из соседней деревни Петрушино, где от мальчишек узнали, что в Синицах

«бьют колдунью». Из вновь пришедших кто-то посоветовал Петру Брюханову накалить железный засов, чтобы прижечь ведьме пятки. Петр разложил на дворе костер, но в это время Марья Маркова упала с завалинки, на которой сидела, и скончалась. Ольга Брюханова, находясь все время в сильном истерическом припадке, плясала, хлопала в ладоши и кричала: «Сейчас разделают, разделают!» (снимут порчу).

Привлеченные в качестве обвиняемых, все упомянутые лица, не отрицая самого факта совершения преступления, утверждали, что, не имея намерения лишить старуху жизни, хотели лишь, чтобы она «отделала порчу», которую, по их мнению, действительно причинила Марья Маркова. Все они, по их словам, были «словно околдованные», так что всем потеряли рассудок.

Ольга Брюханова была подвергнута судебно-медицинскому испытанию в Ярославской земской больнице и признала совершившей преступление в состоянии умоисступления, вследствие чего уголовное преследование ее по настоящему делу было дальнейшим производством прекращено.

На судебном следствии все свидетели единогласно показали, что побои наносила только Ольга Брюханова, остальные не помогали, но и не мешали. Далее было установлено, что слух о «порче» Марковой Ольги держался в деревне всю зиму; что и в соседней деревне Горохове появилась «порченная» и молва приписывала «порчу» той же Марье Марковой; что «порчи» вообще случаются нередко, и, по народному верованию, кого больная выкликает, тот и «испортил». Далее выяснилось, что Ольга Брюханова была всегда женщина здоровая, родила трех детей и сама их выкормила, но что действительно с Введеньева дня она внезапно заболела. Покойная Марья Маркова была женщина хорошая, да и Петр был хороший сын, и никто из подсудимых не был во вражде со старухой.

Эксперт, уездный врач Ковалев, признал побои тяжкими, угрожающими опасностью жизни; смерть Марковой, по мнению эксперта, последовала от кровоизлияния в мозг, бывшего, в свою очередь, результатом ударов твердым предметом в голову покойной. Далее, на вопросы защиты, эксперт высказал мнение, что сильный припадок больной истерией действует заразительно на окружающих, что обвиняемые, бу-

дучи сами нормальными и здоровыми людьми, по всей вероятности, однако, находились в состоянии психического опеченения и едва ли сознавали, что они делали.

Суд приговорил: Петра Брюханова к шести годам каторжных работ; Виноградова к четырехлетней каторге, а Грязновых к ссылке на поселение — с лишением всех подсудимых всех прав состояния. Приговор произвел огромное впечатление. Подсудимые, бывшие к моменту его оглашения на свободе, немедленно были взяты под стражу. Огромная толпа мужиков, баб и детей с рыданиями и воплями провожала их через весь город до стен тюрьмы.

Московский корреспондент «Нового времени» Old Gentleman⁹³ в одном из своих талантливых фельетонов (№ 7036 за 1895 год) рассказывает о народной расправе с колдуньей, имевшей место в Москве, в самом центре города, на Никольской улице.

«Одна из наиболее чтимых московских святынь — часовня св. Пантелеймона на Никольской. В ней и около нее всегда толпа. По ночам часовня заперта, но ранним утром, далеко до рассвета, в ней служитя молебен; затем чудотворная икона вывозится в город для служения молебнов в частных домах. Тогда в часовню собирается особенно много народа — все больше мещан и крестьян. Так было и в ночь 25 сентября. Часовня еще не была отперта, а около нее уже толпилось человек триста. Между ними находились крестьянский мальчик Василий Алексеев и какая-то простая женщина, одержимая припадками — не то истерического, не то эпилептического свойства. Возле этой пары стояла крестьянка Наталья Новикова; она разговорилась с мальчиком и подарила ему яблоко... Мальчик куснул яблоко — и надо же быть такому несчастью, чтобы как раз вслед за тем с ним сделался истерический припадок. На крик Алексеева прибежал с ближайшего поста городской и отвез больного в приемный покой. Толпа, конечно, всполошилась:

— Отчего был крик? В чем дело?

Наталья Новикова и женщина, сопровождавшая Алексеева, вероятно, успели тем временем повздорить, потому что вторая из них принялась объяснять народу происшедший случай таким ехидным образом:

— Мальчика испортила вот эта баба. Дала ему яблоко, а яблоко-то было наговорное. Едва он закусил яблоко — как закричит и почал выкликать...

Суеверная сплетка быстро обошла толпу и подчинила ее себе. На Новикову глядят со страхом и ненавистью. Слышны голоса:

— Ведьма!

— Мальца заколдовала!

— Пришибить — и греха не будет...

На Новикову начинают нажимать; она струсила и решила лучше уйти подальше от греха: народ — зверь, с ним не сговоришь. Пока она пробиралась к Проломным воротам, толпа рычала, но не кусалась; со всех сторон ругательства, отовсюду свирепые взгляды, но ни у кого не хватает мужества перейти от угроз к действию... В это время кто-то громко и отчаянно крикнул:

— Братцы... бей колдунью!

И в ту же минуту Новикова была сбита с ног и десятки рук принялись молотить по ней кулаками... Молотили с яростью, слепо, не жалея, насмерть... И, не случись на Никольской в ту пору опозднившегося прохожего, чиновника Л. Б. Неймана, Новиковой не подняться бы живой из-под града ударов. Г-н Нейман бросился в толпу:

— Что вы делаете? С ума сошли?

— Бей колдунью!

— Этот — что тут еще?!

— Вишь, заступается...

— Заступается? Видно, сам из таких... бей и его!

— Уйди, барин! Не место тебе здесь... Наше дело, не господское...

— Бей! бей! бей!..

Г-н Нейман, обороняясь, как мог, протискался, однако, к Китайскому проезду, где подоспел к нему городской, чтобы принять полуживую Новикову: она оказалась страшно обезображенной, защитника ее тоже, выражаясь московским жаргоном, отделали под орех...

И над сценой этой средневековой расправы ярко сиял электрический фонарь великолепной аптеки Феррейна, и повезли изувеченную Новикову в больницу мимо вели-

колепного Политехнического музея, в аудитории которого еженедельно возвещается почтеннейшей публике то о новом способе управлять воздухоплаванием, то о таинствах гипнотизма, то о последних чудесах эдисоновой электротехники. И когда привезли Новикову в больницу, то, вероятно, по телефону, этому чудесному изобретению конца XIX века, дали знать в дом обер-полицмейстера, что вот-де в приемном покое такого-то полицейского дома лежит женщина, избитая в конце века XIX по всем правилам начала века XVI...»

Примечания

- ¹ Шарль Робер Рише (Charles Robert Richet; 1850–1935) — французский физиолог. Лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине за 1913 год.
- ² Ормузд, Ормазд, Ахура Мазда — в зороастризме безначальный Творец, глава сил добра, пребывающий в бесконечном свете, покровитель праведного человека.
- ³ Ариман, Ахриман, Ангро-Майнью — в зороастризме олицетворение зла.
- ⁴ Иоганн Вейер (или Вир; варианты написания имени: Wier, Weier, Weyer, Wierus; 1515–1588) — немецко-голландский теолог, врач, оккультист. Активный борец против мракобесия и преследований по обвинению в колдовстве; в то же время составил подробную классификацию демонов и инструкции для желающих вызывать их, разъясняющие, как заставить демона служить человеку.
- ⁵ Блоксберг (Blocksberg) — протонародное название горы Брокен в немецкой земле Саксония-Анхальт, самой высокой точки гор Гарца.
- ⁶ Пуи-де-Дом (Puy-de-Dôme) — вершина в одноименном французском департаменте.
- ⁷ Бараона, Барахона (Baraona) — муниципалитет в испанской провинции Сория.

- ⁸ Артуро Граф (Arturo Graf; 1848–1913) — итальянский поэт немецкого происхождения, профессор Римского, а затем Туринского университетов.
- ⁹ Иннокентий VIII (1432? — 1492) — папа римский в 1484–1492 годах; его булла «*Summis desiderantes affectibus*», направленная против ведьм, послужила сигналом к многочисленным процессам инквизиции в католических странах.
- ¹⁰ Генрик Инститор (Henricus Institor; ок. 1430–1505) — монах-доминиканец, по происхождению немец, при рождении Генрих Крамер (Heinrich Kramer; латинское слово «*institor*» — точный перевод на латынь немецкого слова «*kramer*» — «торговец мелочью»); автор знаменитого трактата по демонологии «Молот ведьм».
- ¹¹ Якоб Шпренгер (Jacob Sprenger; 1436–1495) — монах-доминиканец, по происхождению немец, профессор теологии, декан Кёльнского университета, автор введения «Апология» к «Молоту ведьм».
- ¹² Александр VI (143 — 1503) — второй папа римский из испанского рода Борджиа в 1492–1503 годах. Еще при жизни имел репутацию развратника и отравителя. Официальной историей католической церкви его понтификат характеризуется как «несчастье».
- ¹³ Лев X (1475–1521) — папа римский в 1513–1521 годах. Последний папа, не имевший священнического сана на момент избрания.
- ¹⁴ Адриан VI (1459–1523) — папа римский в 1522–1523 годах.
- ¹⁵ Фома Аквинский (ок. 1225–1274) — учитель церкви, теолог; признан наиболее авторитетным католическим религиозным философом; в своем учении, получившем название «томизм», связал христианское вероучение с философией Аристотеля.
- ¹⁶ Жан Жерсон, Герсон (Jean Gerson; 1363–1429) — теолог, реформатор системы образования.
- ¹⁷ Людвиг Генрих Зольдан-Неппе (Ludwig Heinrich Soldan-Neppе; 1820–1879) — немецкий протестантский богослов.
- ¹⁸ Иоанн XXIII (ок. 1370–1429) — антипапа периода Великого западного раскола, в 1410–1415 годах.
- ¹⁹ Жан Боден (Jean Bodin; 1529 или 1530–1596) — французский политик, философ, экономист, юрист, профессор права в Тулузе. Получил широкую известность благодаря предложенной им теории «государственного суверенитета».

- ²⁰ Генри Томас Бокль (Henry Thomas Buckle; 1821–1862) — английский историк, автор «Истории цивилизации в Англии».
- ²¹ Филипп де Комин (Commynes, Comines; 1447–1511) — французский государственный деятель, писатель, историк.
- ²² Никколо Макиавелли (Niccolò di Bernardo dei Machiavelli; 1469–1527) — итальянский мыслитель, философ, писатель, политический деятель.
- ²³ Генри Галлам (Henry Hallam; 1777–1859) — английский историк.
- ²⁴ Пьер де Ланкр (Pierre de Lancre; 1553–1631) — французский судья, прославился тем, что во время охот на ведьм в баскской земле Лабурдане отправил на костер около трех тысяч человек.
- ²⁵ Никола Реми, Ремигиус (Remy, Remigius; ок. 1530–1612) — генеральный прокурор Лотарингии.
- ²⁶ Леопольд-Клод де Бексон (Léopold Claude de Bexon; 1736–1807) — французский священник, епископ Намюра в 1802–1803 годах.
- ²⁷ Бенедикт Карпцов (Benedikt Carpzov; 1595–1666) — немецкий юрист в области уголовного права, в Германии считается основателем современной немецкой правовой науки; получил печальную известность своим рвением в «охоте за ведьмами».
- ²⁸ Филипп Меланхтон (Philipp Melanchton; 1497–1560) — немецкий гуманист, теолог, евангелический реформатор.
- ²⁹ Ян Баптист ван Гельмонт (Jan Baptista van Helmont; 1580–1644) — химик, физиолог, врач и теософ-мистик; ввел в химическую терминологию термин «газ».
- ³⁰ Роберт Фладд (Robert Fludd; 1574–1637) — английский врач, философ-мистик, астролог.
- ³¹ Себастьян Вирдиг (Sebastian Wirdig; 1613–1687) — немецкий врач, физик, химик; ректор Тартуского университета в 1650–1651 годах.
- ³² Христиан Томазиус (Christian Thomasius; 1655–1728) — немецкий философ и юрист, заложил основы немецкой философской терминологии.
- ³³ Франческо Мария Гваццо (Francesco Maria Guazzo; втор. пол. XVI — нач. XVII) — итальянский демонолог, экзорцист, автор книги «Компендиум ведьм» (1608).
- ³⁴ Жак Огюст Симон Коллен де Планси (Jacques Auguste Simon Collin de Plancy, 1794–1887) — французский писатель, автор сочинений по оккультизму и демонологии.
- ³⁵ Мартин Антонио дель Рио, Дельрио (Martín Antonio del Río; 1551–1608) — испанский богослов, иезуит. Его труд

«Disquisitionum magicarum», в котором устанавливалась связь между ведьмами и еретиками, был вторым по популярности после «Молота ведьм» как среди католиков, так и среди протестантов.

³⁶ Иоганн Кристоф Фрёлих фон Фрёлихсбург (Johann Christoph Frölich von Frölichsburg; 1657–1729) — австрийский юрист.

³⁷ Фридрих фон Шпее (Friedrich von Spee; 1591–1635) — немецкий иезуит; участвовал в процессах над ведьмами и пришел к выводу, что пытки не могут служить открытию истины.

³⁸ Фульда — город в немецкой земле Гессен, вырос вокруг Фульдского аббатства (аббатства Св. Бонифация) — одного из центров интеллектуального и культурного возрождения в Западной Европе в конце VIII — середине IX века.

³⁹ Агриппа Неттесгеймский (Agrippa von Nettesheim; наст. имя Генрих Корнелиус; 1486–1535) — алхимик, астролог, писатель, врач, философ; боролся против фанатизма и схоластических предрассудков.

⁴⁰ Синдик — в Древней Греции защитник на суде.

⁴¹ Вильгельм Адольф Скрибониус (Wilhelm Adolf Scribonius; ок. 1550–1600) — немецкий философ, врач, педагог, автор трактата об испытаниях ведьм водой.

⁴² Йозеф Бернард Каннерт (Jozef Bernard Cannaert; 1768–1848) — бельгийский юрист; опубликовал многие документы, имеющие отношение к процессам против еретиков в XVI и XVII веках.

⁴³ Инквизиторов интересовало, каково семя дьявола, доставляет ли сношение с ним большее удовольствие, нежели с простым смертным, каким образом дьявол устраивает, что его любовница сохраняет девственность, и т. п.

⁴⁴ Августин Блаженный (354–430) — епископ Гиппонский, богослов, философ, выдающийся проповедник; святой католической и православной церквей.

⁴⁵ Юра — горный массив в Швейцарии и Франции. Во Франции это название носит департамент на востоке страны, в Швейцарии — кантон на северо-западе.

⁴⁶ Уильям Кемден (William Camden; 1551–1623) — английский историк, автор труда «Старинные известия об Англии, Нормандии и Ирландии» (1603), за который получил от современников прозвище «английский Страбон», и «Летописи событий в Англии и Ирландии в царствование Елизаветы», признанной одной из лучших английских хроник.

- ⁴⁷ Оссори, Осрайге — королевство в Ирландии, существовавшее во II—VIII веках.
- ⁴⁸ Округ Доль входит департамент Юра.
- ⁴⁹ Это обращение дало свои результаты. Был задержан некто Жан Гренье, который признался в совершенном преступлении. Согласно его показаниям, однажды ночью ему явился призрак и дал чудодейственную мазь, которая могла превращать его в зверя. После этого Гренье убил по меньшей мере четверых детей в возраст от 9 до 14 лет. Его признали виновным и сожгли на костре 18 января 1573 года.
- ⁵⁰ Анри Боре (Henri Boguet; 1550—1619) — автор книги «Discours des sorciers» («Рассуждение о колдунах», 1590—1602).
- ⁵¹ Уголовно-судебное уложение Священной Римской империи; принято в 1532 году при императоре Карле V (1519—1555). Было целиком построено на презумпции вины, то есть обвиняемый сам должен был доказывать свою невиновность.
- ⁵² Из уголовно-судебного уложения Карла V: «Если кто-то причинил вред или ущерб людям при помощи ведовства, его необходимо наказать, отняв у него жизнь, и это наказание должно осуществляться через сожжение. Но если кто-то занимался ведовством, никому не причинил вреда, то надлежит наказать иначе, в соответствии с тяжестью преступления; в этом случае надлежит судьям обратиться за советом, в соответствии с предписанием относительно обращений за советом».
- ⁵³ Жанна д'Арк была казнена 30 мая 1431 года.
- ⁵⁴ Йоханн VII фон Шёненберг (1525—1599) — курфюрст и епископ в 1582—1589 годах Трирского курфюршества — духовного княжества в составе Священной Римской империи.
- ⁵⁵ Шёффены — в средневековой Германии члены судебной коллегии, избиравшиеся из людей свободных сословий, определявшие наказание вместе с судьей, исполнявшим роль председателя суда.
- ⁵⁶ Ныне Злате-Горы в Чехии.
- ⁵⁷ Вольперт Мозель (Volpert Mozel; 1604—1662) — главный прокурор Инсбрука.
- ⁵⁸ Кальвинизм — направление протестантизма, возникшее в 1536 году в Женеве; названо по имени его основателя — французского богослова и проповедника Жана Кальвина. Кальвинистское богословие характеризуется склонностью к рационализму и недоверием к мистике.

- ⁵⁹ «Демонология» (1597) — трактат в трех книгах, написанный в форме диалога. Король описывает главные принципы магии и колдовства, их практическое применение и положенные за это наказания.
- ⁶⁰ Реджинальд Скотт (Reginald Scot или Scott; до 1538—1599) — английский врач, писатель, автор книги «Разоблачение колдовства» (1584). После вступления на престол в 1603 году Якова I почти все экземпляры книги были сожжены.
- ⁶¹ Саддукеи — одна из трех древнееврейских религиозно-философских школ, возникших ок. 150 года до н. э. и просуществовавших вплоть до разрушения иудейского государства римлянами в 70 году н. э.
- ⁶² Эдвард Кок (Edward Coke, 1552—1634) — английский политик и самый известный юрист в правления королевы Елизаветы I и Якова I.
- ⁶³ Генеральный атторней Англии и Уэльса — главный советник и адвокат британской короны.
- ⁶⁴ Фрэнсис Бэкон (Francis Bacon; 1561—1626) — английский философ, историк, политический деятель, юрист, основоположник эмпиризма — направления в теории познания, признающего источником знания чувственный опыт.
- ⁶⁵ Английская республика — историческая форма правления в Англии в 1649—1660 годах, введенная после казни короля Карла I Стюарт и упразднения монархии и завершившаяся реставрацией Стюартов.
- ⁶⁶ Мэтью Хопкинс (ок. 1620—1647) — «главный охотник на ведьм» во время Английской революции; самочинно присвоил себе эту должность, которая никогда официально не существовала. За четырнадцать месяцев вместе со своим единомышленником Стерном отправил на смертную казнь больше людей, чем за все 160 лет гонений на ведьм в Англии. Изложил свои методы в книге «Раскрытие ведьм» (1647).
- ⁶⁷ Автор повторяет легенду, распространившуюся после смерти М. Хопкинса. На самом деле он умер в своей постели — предположительно от туберкулеза. Запись о его погребении сохранилась в метрической книге церковного прихода.
- ⁶⁸ «Magnificat» («Магнifikат») — славословие Девы Марии из Евангелия от Луки (Лк. I, 46—55) в латинском переводе; названо по первому слову первого стиха «Magnificat anima mea Dominum» (в синодальном переводе — «Величит душа Моя Господа»).

- ⁶⁹ «Gloria Patri» — первые слова «Краткого славословия», молитвы к Пресвятой Троице, широко употребляемой в богослужении. На латыни полностью звучит так: «Gloria Patri, et Filio, et Spiritui Sancto, sicut erat in principio, et nunc, et semper, et in saecula saeculorum. Amen». В церковнославянском варианте: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь».
- ⁷⁰ «Ave maris stella» — католический гимн, обращенный к путеводной звезде. В буквальном переводе: «Радуйся, Звезда морская» (*лат.*).
- ⁷¹ Я. Шпренгер и Г. Инститор называли Бегемотом самого верховного дьявола в его звериной ипостаси. П. де Ланкр обозначает так демона, который принимает вид какого-либо хищного животного.
- ⁷² В.: По какой причине вошел ты в тело этой девицы?
 О.: По причине злобы.
 В.: По какому договору?
 О.: По договору цветов.
 В.: Каких?
 О.: Роз.
 В.: Кто тебя послал?
 О.: Урбан.
 В.: Как его фамилия?
 О.: Грандые.
 В.: Кто он?
 О.: Священник.
 В.: Какой церкви?
 О.: Святого Петра.
 В.: Кто принес цветы?
 О.: Посланец дьявола (*лат.*).
- ⁷³ Тридентский собор — XIX Вселенский собор, один из важнейших в истории католической церкви, проходивший в 1545–1563 годах в итальянском городе Тренте (или Триденте). Издал в 1562 году список запрещенных книг, впоследствии много раз переиздававшийся и дополнявшийся.
- ⁷⁴ Бартоломео де Спина (Bartolomeo de Spina; 1475–1546) — доминиканский монах, инквизитор. Был руководителем гонений на ведьм в Модене в 1517–1519 годах. С 1542 года занимал в Римской курии особую должность «богослов Папского дома».

- ⁷⁵ Бартоломео де Спина умер за семнадцать лет до выхода книги И. Вейера, о которой идет речь; следовательно, эти слова ему приписаны.
- ⁷⁶ Адам Таннер (Adam Tanner; 1572–1632) — иезуит, профессор философии в Инсбруке и богословия в Вене.
- ⁷⁷ Иоганн Филипп фон Шёнборн (Johann Philipp von Schönborn; 1605–1673) — курфюрст-архиепископ Майнца, эрцканцлер Священной Римской империи.
- ⁷⁸ Бальтазар Беккер (Balthasar Bekker; 1634–1698) — немецко-голландский протестантский богослов, философ, проповедник.
- ⁷⁹ Жан-Батист Кольбер (Jean-Baptiste Colbert; 1619–1683) — французский государственный деятель, фактический глава правительства Людовика XIV после 1665 года.
- ⁸⁰ Федор Иванович Буслаев (1818–1897) — русский филолог и искусствовед, академик Петербургской академии наук.
- ⁸¹ Владимир Бонифатьевич Антонович (1834–1908) — русско-украинский историк, археолог, этнограф, член-корреспондент Петербургской академии наук.
- ⁸² Иван Егорович Забелин (1820–1908) — русский историк, археолог. Почетный член Императорской академии наук.
- ⁸³ «Стоглав» — сборник решений Стоглавого собора 1551 года; состоит из 100 глав; решения касаются как религиозно-церковных, так и государственно-экономических вопросов; содержит разъяснения о соотношении норм государственного, судебного, уголовного права с церковным правом.
- ⁸⁴ Григорий Карпович Котошихин (ум. 1667) — чиновник российского Посольского приказа, перебежавший в Швецию и создавший по заказу шведского правительства обширное сочинение о России. Котошихин был осужден и обезглавлен в Швеции за убийство хозяина дома, в котором жил.
- ⁸⁵ Войт — выборное служебное лицо в городах и селах Беларуси, Литвы, Польши и Украины, входивших в Российскую империю.
- ⁸⁶ В 1899 году, во время выхода в свет второго издания книги Я. А. Канторовича, которое лежит в основе настоящего издания.
- ⁸⁷ Калугер (*греч. букв.* «добрый старец») — монах. Слово встречается в древнерусских текстах.
- ⁸⁸ Александр Николаевич Афанасьев (1826–1871) — историк и литературовед, собиратель фольклора славянских народов.

- ⁸⁹ Гайдамаки — украинские повстанцы на принадлежавшей Речи Посполитой территории Правобережной Украины в XVIII веке. После 1768 года с присоединением Правобережной Украины к России гайдамачество постепенно исчезло.
- ⁹⁰ Совестный суд — губернский суд в Российской империи в 1775—1862 годах; рассматривал гражданские дела с целью примирения сторон, уголовные дела малолетних, невменяемых, глухонемых, о мелких кражах, укрывательстве правонарушителей, нанесении легких телесных повреждений, о колдовстве, а также совершенные при особо неблагоприятном стечении обстоятельств.
- ⁹¹ Удельное ведомство, Департамент уделов — государственное учреждение Российской империи, в 1797—1917 годах осуществлявшее управление имуществом, а до 1863 года — также крепостными крестьянами, принадлежавшими императорской семье.
- ⁹² Введение — день русского народного календаря; выпадал на 21 ноября (4 декабря н. с.) и был связан с церковным праздником Введения во храм Пресвятой Богородицы. Считалось, что в этот день начинается зима.
- ⁹³ Old Gentleman — псевдоним Александра Валентиновича Амфиатрова (1862—1938) — прозаика, публициста, фельетониста, литературного и театрального критика, драматурга, поэта-сатирика.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая. Сатана и его власть	9
Глава вторая. Предварительное следствие. Улики	30
Глава третья. Судебное следствие. пытки.	45
Глава четвертая. Судебное следствие. Признание	60
Глава пятая тюрьмы. Тюрьмы. Костры	75
Глава шестая. Преследование ведьм	83
Глава седьмая. Одержимые. Бесовская эпидемия в монастырях в XVII столетии	101
Глава восьмая. Реакция против преследования ведьм.	114
Глава девятая. Колдовство в России	132
<i>Примечания</i>	<i>178</i>

Канторович Я.

- К19 Процессы о колдовстве в Европе и Российской империи / Яков Канторович. — М. : Ломоносовъ, — 2014. — 192 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-231-8

Один из иезуитов писал в конце XVI века: «Наши тюрьмы переполнены ведьмами и колдунами. Не проходит дня, чтобы наши судьи не запачкали своих рук в их крови и чтобы мы не возвращались домой, содрогаясь от печальных мыслей об ужасных, отвратительных вещах, в которых эти ведьмы признаются. Но дьявол так искусен, что мы едва успеваем отправить ведьм на костер, как из их пепла возникают новые ведьмы». Инквизиторы трудились на славу: только в правление короля Франциска I во Франции было сожжено свыше ста тысяч женщин. То же самое происходило по всей Европе — в Испании, Германии, Австрии, Венгрии, Чехии, других странах. Уничтожали красавиц и дурнушек, умниц и психически больных, возводили на костры по обвинению в сношениях с дьяволом древних старух и десятилетних девочек, которые так или иначе выделялись из обезличенной толпы. О том, как это происходило — как писались доносы, собирались улики, велось следствие, как происходили казни, — рассказывает книга писателя и юриста Якова Канторовича (1859–1925).

УДК 94(4)

ББК 63.3(0)4

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Яков Канторович

Процессы о колдовстве в Европе и Российской империи

Редактор О. Иванов
Верстка А. Петровой

Подписано в печать 22.04.2014.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 12. Тираж 1000 экз.
Заказ № 2292.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,
т/ф. 8(496)726-54-10

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

Лев Минц. Котелок дядюшки Ляо
Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ ФРЭНСИС ДРЕЙК
и Уильям Дампир
Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕНА ХЕДИНА
Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА
Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ И ПРОЧИЕ...
Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
Наталья Пушкирева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
и МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА

Стефан Цвейг. Подвиг Магеллана
Вашингтон Ирвинг. Жизнь пророка Мухаммеда
Владимир Новиков. Русская литературная усадьба
Отечественная война 1812 года глазами современников
Наталья Пушкирева. Частная жизнь русской женщины XVIII века
Сергей Ольденбург. Конфуций. Будда Шакьямуни
Фаина Османова, Дмитрий Стахов. Истории простых вещей
Генрих Бёмер. История ордена иезуитов
Алексей Смирнов. Скифы
Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ Индия: религии, касты, обычаи
Генри Чарлз Ли. Возникновение и устройство инквизиции
Олег Ивик, Владимир Ключников. Хазары
Вячеслав Шпаковский. История рыцарского вооружения
Лев Ельницкий. Великие путешествия античного мира
Юрий Чернышов. Древний Рим: мечта о золотом веке
Виктор Бердинских. Русская деревня: быт и нравы
Сергей Макеев. Дело о Синей Бороде
Борис Романов. Люди и нравы Древней Руси
Печенеги
Генрих Вильгельм Штоль. Древний Рим в биографиях
Алексей Смирнов. Несостоявшийся русский царь Карл Филипп,
или Шведская интрига Смутного времени
Александр Куланов. Обнаженная Япония
Валерий Ярхо. Из варяг в Индию
Институты благородных девиц в мемуарах воспитанниц
Владислав Петров. Древняя история секса в мифах и легендах
Михаил Мочалов. Древняя Ассирия
Константин Кудряшов. Александр I и тайна Федора Козьмича
Виктор Калашников. Русская демонология
Рафаил Нудельман. Прогулки с Библией
Московия при Иване Грозном глазами иноземцев
Георгий Вернадский. Русское масонство в царствование Екатерины II
Олег Ивик, Владимир Ключников. Сюнну, предки гуннов,
создатели первой степной империи
Константин Иванов. Трубадуры, труверы, миннезингеры
Галина Шебалдина. Заложники Петра I и Карла XII
Тамерлан — Железный Хромец
Василий Смирнов. Крымское ханство в XVIII веке

Яков
Канторович

Процессы
о колдовстве
в Европе
и Российской
империи

Один из иезуитов писал в конце XVI века:
«Наши тюрьмы переполнены ведьмами
и колдунами. Не проходит дня, чтобы
наши судьи не запачкали своих рук
в их крови и чтобы мы не возвращались
домой, содрогаясь от печальных
мыслей об ужасных, отвратительных
вещах, в которых эти ведьмы признаются.
Но дьявол так искусен, что мы едва успеваем
отправить ведьм на костер, как из их пепла
возникают новые ведьмы». Инквизиторы трудились
на славу: только в правление короля Франциска I
во Франции было сожжено свыше ста тысяч
женщин. То же самое происходило по всей
Европе — в Испании, Германии, Австрии, Венгрии,
Чехии, других странах. Уничтожали красавиц
и дурнушек, умниц и психически больных,
возводили на костры по обвинению в сношениях
с дьяволом древних старух и десятилетних девочек,
которые так или иначе выделялись из обезличенной
толпы. О том, как это происходило — как писались
доносы, собирались улики, велось следствие,
как происходили казни, — рассказывает книга
писателя и юриста Якова Канторовича
(1859–1925).

ISBN 978-5-91678-231-8

9 785916 782318